

ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

TOM
vol. **3 № 2 / 2023**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 3 № 2
2023

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 № 2
2023

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 3 № 2 2023

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал принимает к опубликованию материалы по следующим научным специальностям:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования
- 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
- 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, Г. В. Лукьянова, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 3 № 2 2023

“**Russian Journal of Deviant Behavior**” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal’s priority is to support young scholars.

The journal accepts materials for publication in the following scientific specialties:

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology
- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich’s Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, G. V. Lukyanova, A. N. Velikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, Российская академия образования (РАО) (Россия, Москва)

Гаррисон Е. – доктор, профессор (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Злоказов К. В. – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, Институт педагогики, психологии и социальных проблем (заместитель директора по науке, ведущий научный сотрудник) (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, председатель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Chairman of the Scientific Coordination Council of the Russian Academy of Education (RAO) on Family and Childhood Issues, Dr.Sci. (Pedagogy), Member of Russian Academy of Education, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, PhD in Philology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Russian Academy of Education (RAO) (Russia, Moscow)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zlokazov K. V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Illakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	128
-------------------------	-----

Психологические исследования девиантного поведения

Ситников В. Л., Афанасьева А. С. Культурно-досуговая деятельность и особенности отражения девиантного подростка.....	132
Волченкова А. А. Специфика социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации.....	144
Злоказов К. В. Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструкт и опросник.....	155
Смирнов А. В., Максимова Л. А. Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудностей сепарации и социальной адаптации.....	173
Духновский С. В. Социально-ненормативный сотрудник: проблема классификации и оценка.....	189
Никитина Л. Н., Коноплева А. А., Чудина-Шмидт Н. В. Детерминанты формирования радикального сознания молодежи.....	195

Правовое противодействие девиантному поведению

Равнюшкин А. В. Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье.....	208
--	-----

Криминологические исследования девиантного поведения

Вишневская Т. И. Тенденции развития геронтологической преступности с учетом современных вызовов и угроз.....	220
Яковлева М. А., Зорина Е. М. Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции.....	232
Чулуунбаатар Б. Противодействие совершению преступлений и правонарушений лицами, отбывающими наказание в пенитенциарных учреждениях Монголии.....	244

Сообщения о научных событиях

Рожков А. А. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) (аналитический обзор международной научно-практической конференции).....	250
--	-----

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	128
-------------------------	-----

Psychological research of deviant behavior

Sitnikov V. L., Afanasyeva A. S. Cultural and leisure activities and reflection characteristics of deviant adolescents.....	132
Volchenkova A. A. Specifics of social adaptation and predisposition to deviant behavior among adolescents in a digitized environment.....	144
Zlokazov K. V. Measuring the risk of religious radicalisation of young people: construct and questionnaire.....	155
Smirnov A. V., Maksimova L. A. Destructive and self-destructive tendencies in the deep psychological sphere of urban and rural young people as a reflection of difficulties in separation and social adaptation.....	173
Dukhnovsky S. V. Socially non-normative employee: classification problem and assessment..	189
Nikitina L. N., Konopleva A. A., Chudina-Schmidt N. V. Determinants of the formation of the radical consciousness of youth.....	195

Legal counteraction to deviant behavior

Ravnyushkin A. V. Adolescent to parent violence as a form of family (domestic) violence: the issue of expanding the object of state-legal protection of the individual in the family...	208
--	-----

Criminological research of deviant behavior

Vishnevskaya T. I. Trends in gerontological crime in the context of contemporary challenges and threats.....	220
Yakovleva M. A., Zorina E. M. Paths to personality transformation of a prisoner of war towards resocialization under conditions of a special military operation.....	232
Chuluunbaatar B. Countering crimes and infractions committed by persons serving prison sentences in Mongolian prisons.....	244

Reports on scientific events

Rozhkov A. A. Current problems of psychology in the field of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilievsky readings - 2023) (analytical review international scientific and practical conference).....	250
--	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-128-131

Уважаемые читатели!

Представляю вашему вниманию новый номер «Российского девиантологического журнала» и приглашаю к обсуждению его материалов.

В рубрике «**Методология изучения девиантного поведения**» представлена статья «**Культурно-досуговая деятельность и особенности отражения девиантного подростка**», посвященная сравнительному исследованию особенностей социальной перцепции, остракизма и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в возрасте от 12 до 18 лет, включенных и не включенных в деятельность Культурно-досугового центра «Ижорец» в Колпинском районе Санкт-Петербурга. У подростков выявились значимые связи между факторами остракизма и склонности к отклоняющемуся поведению.

Рубрику «**Психологические исследования девиантного поведения**» открывает статья «**Специфика социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации**», в которой анализируется отклоняющееся поведение, часто являющееся следствием цифровизации, а также фактором, нарушающим социальную адаптацию современных подростков. Приводится анализ представлений о социальной адаптации подростков в условиях цифровизации в отечественной и зарубежной психологии. Обсуждается влияние факторов интернет-среды на психологические особенности подростков. Проанализирована взаимосвязь психологических особенностей подростков, предпочитающих такие жанры компьютерных игр, как ММО, МОБА. Обнаружены различия между параметрами социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков, предпочитающих разные жанры компьютерных игр.

Автор исследования «**Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструкт и опросник**» сосредоточил внимание на изучении религиозной радикализации, которая является важным аспектом противодействия разжиганию вражды между различными группами и сообществами, снижения уровня насилия в российском обществе. Современные научные представления характеризуются многозначностью, не позволяющей эффективно противостоять негативному влиянию на отношение молодежи к религии и верующим. В академической литературе описаны концепции и модели радикализации, различающиеся теоретическими и методологическими основаниями, разработанные преимущественно на материале зарубежных исследований. Подобная ситуация не позволяет разработать конструкт радикализации, который можно было бы операционализировать для диагностики риска религиозной радикализации российской молодежи. Целью исследования обозначена верификация теоретической модели (конструкта) религиозной радикализации, а также разработка на его основе опросника, позволяющего измерять риск религиозной радикализации молодежи через изучение отношения к религии и верующим. Предполагается, что религиозная радикализация формируется под влиянием социального окружения на представления субъекта о значении религии и верующих для общества и государства. На основе анализа теоретических знаний о радикализации, фактов и сведений о деятельности деструктивных религиозных и экстремистских сообществ предлагается модель религиозной радикализации, включающая шесть убеждений: об исключительной значимости религии, религиозных лидеров и верующих (сакрализация и клерикализация), необходимости защищать их от изменений, вмешательства неверующих либо представителей другого вероисповедания (фундаментализм и ксенофобия), поддерживать отношения только с представителями конкретного религиозного объединения, в том числе в вопросах образования, культурного и социального развития, игнорировать или не соблюдать обязанности, законы и правила (социализация и дискриминация). В результате посредством конфирматорного факторного анализа результатов опроса национальных выборок скорректирована теоретическая модель радикализации молодежи. Полученные исследователем данные расширяют представление о социально-психологических предпосылках религиозной радикализации, демонстрируют совокупность убеждений, которые могут побуждать к нетерпимому отношению молодежи к религии и верующим. Представленная методика может использоваться в научно-исследовательских целях изучения предпосылок религиозной радикализации молодежи.

Высокая социальная значимость исследований в области выявления механизмов формирования деструктивного поведения в юношеском возрасте побудила к их изучению авторов статьи «**Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудно-**

стей сепарации и социальной адаптации». Изучение глубинно-психологической сферы личности позволяет выявить неосознаваемые тенденции, отражающие склонности к деструктивному поведению, а также прогнозировать риски подобных проявлений в поведении человека. Анализ данных, полученных исследователями эмпирическим путем, показывает, что глубинно-психологическая сфера и ее отдельные области отражают естественное для юношеского возраста протекание кризисного периода личностного и социального развития. Были выделены пять условных типов личности юношей: «нормально социализирующиеся», «агрессивные», «деструкторы и самодеструкторы», «пассивные и ведомые», «регрессивные и аддиктивные». При анализе глубинно-психологической сферы «Я» было установлено, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у сельской молодежи оказывается выше, чем у городской. С научной точки зрения проведенное исследование подтверждает и дополняет имеющиеся научные сведения о процессах и закономерностях развития личности в юношеском возрасте. Научную новизну исследования придают раскрытые и описанные глубинно-психологические процессы и особенности личностного и возрастного развития молодых людей.

Исследование *«Социально-ненормативный сотрудник: проблема классификации и оценка»* посвящено вопросам ненормативности сотрудника, ее оценке и классификации, включая кадровые риски как индикаторы его психологической надежности. Автор указывает, что ненормативность представляет собой пренебрежение к соблюдению принятых социальных норм и правил поведения, в том числе в профессиональной деятельности; отсутствие внутренних запретов на нарушение норм поведения и деятельности. Показано, что ненормативность сотрудника – это кадровый риск, который может усиливаться, дополняясь за счет интеллектуальных способностей служащего и (или) особенностей регуляции поведения. Описаны виды ненормативного сотрудника. Приводятся результаты кадровой (лично-профессиональной) диагностики с применением авторского опросника «Нормативность. Интеллект. Регуляция», которые показали возможность его использования для оценки видов и содержательных характеристик ненормативности служащего и релевантных ей кадровых рисков. Определены перспективные направления исследования заявленной проблемы, в частности, установление и описание предпочтительного развития карьеры, решаемых профессиональных задач, а также должностного роста и профессионально-психологического типа у сотрудников с разными видами социальной ненормативности.

Завершает рубрику статья *«Детерминанты формирования радикального сознания молодежи»*, в которой авторы сосредоточили внимание на основных причинах и условиях формирования радикального сознания молодежи. Молодежь как наиболее потенциально пассионарная часть общества характеризуется максимализмом и незыблемым желанием завоевать мир здесь и сейчас. Но их неокрепшая мировоззренческая позиция с легкостью может привести к утрате своей истинной идентичности, поддаваясь влиянию радикально настроенных лиц. Радикализация массового сознания в современных мировых условиях стала одной из особенностей общества и представляет препятствие позитивного развития России. В связи с этим возникает необходимость и потребность в исследовании детерминант формирования радикального сознания в целях дальнейшего построения эффективной профилактической деятельности в указанном направлении. Результаты работы могут восполнить существующий пробел в изучении указанной темы и стать подспорьем в дальнейшем комплексном исследовании проблемы, а также способствовать подготовке научного обеспечения профилактической деятельности в отношении отрицательной стороны радикализма молодежи.

Исследование *«Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье»* вошло в рубрику *«Правовое противодействие девиантному поведению»*. В статье обосновывается наличие проблемного характера этого противоправного феномена на основе анализа и обобщения результатов научных исследований российских и зарубежных ученых, включая полученные ими социологические и иные данные. Актуальность работы выражается в том, что семейное (домашнее) насилие, исходящее от несовершеннолетних, как негативное явление порождает вредные последствия, угрожающие развитию других членов семьи и в целом общества на основе высоких нравственных идеалов и крепкой семьи. Целью работы является исследование и определение степени общественного и научного признания проблемы подросткового насилия над родителями как таковой в правовом и иных аспектах, выделение его в качестве отдельной формы семейного (домашнего) насилия, установление его особых признаков и коррекция понятийного аппарата для включения подросткового насилия в правовой и научный оборот. На основе полученных обобщенных результатов исследования автор представил скорректированные формулировки понятий домашнего насилия и семейно-бытового правонарушения для включения их в правовой и научный оборот, что придало работе практическую значимость.

Рубрика *«Криминологические исследования девиантного поведения»* представлена исследованиями авторов из разных стран.

Так, автор статьи *«Тенденции развития геронтологической преступности с учетом современных вызовов и угроз»* предлагает криминологический анализ геронтологической преступности посредством комплексного

бинарного подхода к ее пониманию в ракурсе семантического (критического) и традиционного подходов, выявляет основные тенденции геронтологической преступности в Республике Беларусь через призму характеристики ее уровня, динамики, структуры, что имеет большое значение для прогнозирования и предупреждения данного вида преступности. Сформулированные в исследовании выводы и предложения существенно дополняют понятийный криминологический аппарат, систематизируют и расширяют научные знания о геронтологической преступности. Принципиально новым в постановочном отношении в познании геронтологической преступности является то, что она исследуется как объект социальных отношений, которые определяют и мотивируют лиц пожилого возраста на совершение противоправных поступков как проявление их негативной реакции на не удовлетворяемые обществом социальные потребности. Результаты исследования направлены на достижение и поддержание максимальной степени защищенности интересов личности, общества и государства от геронтологической преступности и могут быть использованы при совершенствовании законодательства, правоохранительной и правоприменительной деятельности различных субъектов предупреждения геронтологической преступности, что создаст условия для обеспечения конституционной законности и правопорядка.

В исследовании *«Противодействие совершению преступлений и правонарушений лицами, отбывающими наказание в пенитенциарных учреждениях Монголии»* описываются результаты исследования причин и условий преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными в учреждениях исполнения судебных решений Монголии. Дается характеристика монгольской системы пенитенциарных учреждений, анализируется специфика преступлений и правонарушений, совершенных в стране за пятидесятилетний период. Показаны основные мероприятия по предупреждению и профилактике индивидуальным и групповым посягательствам осужденных на деятельность пенитенциарных учреждений. Дается оценка эффективности выполненных мероприятий, определяются перспективные направления работы по снижению криминализации осужденных, предупреждению рецидивов. Разъясняются их предпосылки и особенности применения мер противодействия, а также повышения эффективности профилактики. В ходе исследования осуществлен анализ организации системы исполнения решений Монголии, а также статистических сведений о преступлениях и правонарушениях, совершаемых лицами, осужденными к лишению свободы. Обосновывается необходимость комплексного и междисциплинарного изучения причин совершения преступлений и правонарушений, формулируются предложения по снижению уровня пенитенциарных преступлений.

Авторский коллектив из России провел исследование *«Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции»*, целью которого стало обозначить пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации, необходимые для формирования позитивного мировоззрения в условиях специальной военной операции. В историческом контексте данные проблемы актуальны во время любых военных действий, что подтверждается материалами времен Великой Отечественной войны: ресоциализация иностранных военнопленных сопровождалась формированием у данных лиц мировоззрения, политических установок, оказавших воздействие на общественное мнение других граждан. Обосновано, что с учетом современных реалий данный положительный опыт для личности военнопленного целесообразно использовать при ресоциализации украинских военнопленных в условиях продолжающейся специальной военной операции.

В заключении номера представлен обзор международной научно-практической конференции *«Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2023)*, которая посвящена памяти советского ученого-психолога, доктора психологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Леонидовича Васильева. В ходе конференции были представлены результаты исследований научных школ Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан по проблемам совершенствования психологической работы в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел; внедрения достижений психологии в практику раскрытия и расследования преступлений; психологического сопровождения выполнения сотрудниками правоохранительных органов оперативно-служебных задач, в том числе в особых условиях; защиты сотрудников правоохранительных органов от деструктивного информационно-психологического воздействия. Результаты конференции свидетельствуют о необходимости объединения усилий научных психологических школ из разных стран для достижения правоохранительных целей, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и благополучия людей во всем мире.

В целом номер получился насыщенным актуальными материалами, которые, уверен, будут востребованы нашими читателями.

Редакционная команда журнала не останавливается на достигнутом и активно ищет различные формы объединения исследователей. Так, в сентябре 2023 года при информационной поддержке «Российского девиан-

тологического журнала» состоится ежегодная международная научно-практическая конференция «**Российская девиантологическая панорама: теория и практика**». Цель конференции – обмен научными знаниями о девиантном поведении, анализ современных методологий исследования и профилактики девиаций, а также объединение ученых и практиков, работающих в этом предметном поле. К участию приглашены ведущие отечественные и зарубежные специалисты-девиантологи, осуществляющие академическую и образовательную деятельность в сфере девиантного поведения. К началу работы конференции планируется выпуск электронного сборника ее материалов с размещением в РИНЦ. Более подробно об участии в конференции можно узнать по ссылке https://mvd.ru/upload/site125/nauka/nauchno_predstavitel'skie_meropriyatiya/2023/IP_2023-09-29.pdf.

Еще одним шагом к читателям стало создание телеграм-канала журнала <https://t.me/rusjournaldb>, в котором создана площадка для обсуждения проблем девиантологии, изучения мнения читателей о журнале, аккумуляции полезной информации для авторов, редакторов и рецензентов. Приглашаю всех читателей присоединиться к медиасообществу.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научно-координационного совета РАО по вопросам семьи
и детства, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

Оригинальная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-132-143

Культурно-досуговая деятельность и особенности отражения девиантного подростка

Валерий Леонидович Ситников

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
sitnikof@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3229-5096**Алена Сергеевна Афанасьева**

3 отдел полиции Управления полиции на метрополитене
(Санкт-Петербург, Россия)
aljonchik_a@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6964-7302**Аннотация**

Статья посвящена сравнительному исследованию особенностей социальной перцепции, остракизма и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в возрасте от 12 до 18 лет, включенных и не включенных в деятельность Культурно-досугового центра «Ижорец» в Колпинском районе Санкт-Петербурга. В исследовании применялись следующие методики: 1) ассоциативный эксперимент по методике «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) (В. Ситников); 2) шкала нарушенных потребностей – остракизм (страх отвержения) (ШНП-О); 3) определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (А. Н. Орел). Между ними выявлены различия в Я-образах и образах девиантного подростка, в уровне остракизма, но не обнаружены значимые различия в склонности к отклоняющемуся поведению. У подростков выявились значимые связи между факторами остракизма и склонности к отклоняющемуся поведению.

Ключевые слова

подростки, культурно-досуговая деятельность, Я-образы, остракизм, девиантное поведение, правонарушения, преступления

Для цитирования: Ситников, В. Л., Афанасьева, А. С. (2023). Культурно-досуговая деятельность и особенности отражения девиантного подростка. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 132-143. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-132-143.

Original paper

Cultural and leisure activities and reflection characteristics of deviant adolescents

Valery L. Sitnikov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
sitnikof@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3229-5096**Alena S. Afanasyeva**

3rd police department of the Metropolitan Police
Department (Saint Petersburg, Russia)
aljonchik_a@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6964-7302

Abstract

The article is devoted to a comparative study of features of social perception, ostracism and tendency to deviant behavior among adolescents aged 12 to 18 involved and not involved in the activities of the Cultural and Leisure Centre «Izhorets» in Kolpinsky district of St. Petersburg.

The following techniques were used in the research: 1) associative experiment according to the method «SPI(H)» – structure of a person's image (hierarchical) (V. Sitnikov); 2) scale of disturbed needs – ostracism (fear of rejection); 3) determination of tendency to deviant behavior (A. N. Orel). The results revealed differences in self-images and images of deviant adolescents, varying levels of ostracism, but no significant differences in the tendency to deviant behavior.

The adolescents showed significant correlations between ostracism factors and the tendency to deviant behavior.

Keywords

adolescents, cultural and leisure activities, self-images, ostracism, deviant behavior, offences, crime

For citation: Sitnikov, V. L., Afanasyeva, A. S. (2023). Cultural and leisure activities and reflection characteristics of deviant adolescents. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 132-143. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-132-143.

Введение

Проблема предотвращения отклоняющегося поведения молодежи и подростков актуальна, вероятно, столько, сколько существуют человеческая цивилизация. Как было отмечено ранее: «Не прекращающееся с начала 1990-х годов расслоение общества по экономическим, конфессиональным, этническим, идеологическим основаниям лишь усугубляет проблему девиантного поведения, которое заключается в отклонении от социальных норм и ожиданий или в несоответствии им» (Ситников, 2022). Это порождает негативную реакцию общества и влечет санкции, определенные законом и сложившимися нормами поведения. Для лиц с отклоняющимся поведением характерны проблемы самоактуализации, слабый контроль над собственными импульсивными желаниями.

На протяжении последних десятилетий для России характерны процессы значительных социальных преобразований, трансформации сложившихся социальных стереотипов, изменения нравственных идеалов. Дети и подростки в силу специфики психического развития отличаются мотивационной незрелостью, эмоциональной неустойчивостью, внушаемостью, импульсивностью, небольшим жизненным опытом, неумением критически воспринимать ситуацию и предвидеть последствия своих действий. Различными исследователями в области психологии, педагогики обращается внимание на неуклонно увеличивающееся разнообразие форм отклоняющегося поведения подростков и молодежи. Соответственно, важной задачей становится не борьба с последствиями проявлений девиантного поведения, а предупреждение или нейтрализация причин, которые провоцируют негативные поступки и действия подрастающего поколения.

Новые компьютерные технологии, бурное развитие социальных сетей изменили формы и средства коммуникации, взаимодействия, кардинально повлияли

на восприятие людьми друг друга, на взаимоотношения между ними. Эти изменения не могли не сказаться на подростках, многим из которых смартфон заменил подвижные игры, спорт, кружки и секции.

Цель настоящего исследования – сравнение особенностей восприятия себя и сверстников, проявляющих отклоняющееся поведение, а также оценка уровня социального остракизма и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков, активно включенных в культурно-досуговую деятельность, и тех, кто избегает ее.

Объект исследования: роль культурно-досуговой деятельности в социальном восприятии и взаимодействии подростков.

Предмет исследования: социально-перцептивные образы и связь остракизма и склонности к девиантному поведению подростков, отличающихся отношением к культурно-досуговой деятельности.

Методы исследования:

1. Ассоциативный эксперимент по методике «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая) (Ситников, 1996), включающая две части – вербальную и невербальную, которые дают возможность сопоставить между собой различные образы человека и выявить некоторые психологические механизмы социальной перцепции, прежде всего такие, как проекция, аттитюд, стереотипизация. Первая часть основана на методическом приеме теста «20 высказываний» (М. Кун и Т. Мак-Партленд), вторая – на методическом приеме «Психометрический тест» (С. Делингер), что позволяет интерпретировать полученные результаты в соответствии с положениями данных тестов.

2. Шкала нарушенных потребностей – остракизм (страх отвержения) (ШНП-О) (Бойкина, 2022).

3. Определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (А. Н. Орел)¹.

¹ Клейберг, Ю. А. (2004). *Социальная психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов* (стр. 141-154). ТЦ Сфера.

Обзор литературы

Социальная перцепция – психология восприятия человеком другого человека и общества – претерпевает существенные трансформации именно в подростковом возрасте. Возрастные особенности содержания и структуры социально-перцептивных образов детей и взрослых являются объектом исследования в научной школе «Дифференциальная психология социальной перцепции» (В. Л. Ситников), в рамках которой защищены десятки диссертаций, написано множество монографий и сотни статей. В рамках данной статьи мы уделим особое внимание социальным проблемам подростковой девиантологии. А. А. Реан и коллеги, анализируя мировой опыт деструктивного поведения, четко определили проблему: «Задача выявления и мониторинга факторов риска подростковой и молодежной девиантности является одним из ключевых условий возможности осуществления профилактики различных видов асоциального поведения» (Реан и др., 2021, с. 7).

В работах Н. Смелзера под девиантным поведением понимается такое поведение, которое заключается в уходе «от норм социальной группы и влечет за собой изоляцию, лечение, исправление или другое наказание» (Смелзер, 1994, с. 203).

В определении, данном В. Д. Менделевичем, девиантное поведение – это «система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам и проявляющиеся в несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации и уклонении от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением»².

Синонимом понятия «девиантное поведение» является термин «отклоняющееся поведение». А. Коэн относит к элиминируемому, отклоняющемуся поведению, которое идет «вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы» (Коэн, 1965, с. 520-521).

Е. В. Змановская отмечает, что отклоняющееся поведение наблюдается не при любых нарушениях, а лишь тогда, когда они касаются социальных норм, наиболее значимых для этого общества (Змановская, 2021).

В целом общие (этиологические) теории девиантного поведения можно разделить на две группы: биоантропологические и психодинамические теории.

Исходя из биоантропологической теории, склонность к девиантному поведению предопределена генной структурой или даже телосложением человека. Психодинамические теории контроля связывают девиацию с нарушением механизма внутреннего контроля, который в норме сдерживает проявления девиантного

поведения. Такое нарушение может быть обусловлено неправильным развитием суперэго, непреодолимой агрессивностью или постоянными разочарованиями.

Теории психодинамической защиты рассматривают девиантное поведение как защитный механизм против глубоко укоренившегося страха.

В рамках теорий аномии (Э. Дюркгейм, Роберт К. Мертон) девиантное поведение определяется как нарушение социальной сплоченности или несоответствие между социально определенными целями и средствами для их достижения.

Согласно теориям культурного переноса девиантное поведение изучается в контексте дифференциальной ассоциации, например, с преступными группировками.

Стигматические теории, или теории навешивания ярлыков, рассматривают девиацию как ярлык, приписываемый обществом отдельным лицам или группам в соответствии с произвольным выбором людей, групп или критериев. Стигматизация приводит к формированию отклоняющейся идентичности, что вызывает так называемое вторичное отклонение.

Сегодня у подростков психологам сложно выделить конкретные, типичные стадии перехода от нормативного к девиантному поведению. Девиация относительна, поскольку зависит от контекста, в котором она оценивается, и от того, как общество навешивает ярлыки на конкретное действие или человека (Афанасьева, 2022).

На путь отклоняющегося, аддиктивного, порой преступного поведения нередко толкают возрастные особенности подростков. Для них характерны реакция эмансипации, острая потребность осознать собственные возможности и самоутвердиться в обществе, нередко пренебрежительное отношение к общественным нормам, сочетающееся с незнанием законов, поисковая гиперактивность. А. Е. Личко писал о том, что для подростков является нормой то, что для взрослых является патологией (Личко, 1983). Moffitt, Shulman и др., Farrington считают, что девиантное поведение чаще всего наблюдается у подростков (Moffitt, 1993; Shulman et al., 2013; Farrington, 2017).

Несмотря на отмечаемое в статотчетах последовательное общее сокращение тяжких преступлений, совершаемых подростками, во многих регионах и районах отмечается рост подростковых преступлений. По данным отчета по итогам работы ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга, в 2020 г. наблюдался прирост преступлений, совершенных несовершеннолетними – 14 (+ 27,3 %), их удельный вес составил 2,2 % (по городу – 1,5 %).

А. Я. Минин, О. Ю. Краев рассматривают проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи с точки зрения криминолого-психоло-

² Менделевич, В. Д. (2005). *Психология девиантного поведения*: учебное пособие (стр. 10). Речь.

гических аспектов³. По мнению авторов, основные причины девиаций обусловлены социальным характером, а значит, эффективному предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних должно способствовать использование социально-культурных, воспитательных, правовых и экономических мер в комплексе. О. А. Белобрыкиной выделены объективные критерии и субъективные оценочные установки, на основании которых определяется возможность отнесения подростка к категории «трудных» (Белобрыкина, 2003). Е. В. Богданова проанализировала формы работы с подростками в учреждениях дополнительного образования, а также рассмотрела историю развития клубных формирований (Богданова, 2018).

”

Объединения детей и подростков могут быть формальными и неформальными, играющими различную роль в формировании гражданского правосознания несовершеннолетних, что, в свою очередь, может способствовать профилактике отклоняющегося поведения, или, наоборот, являться фактором, усиливающим проявления девиантности

“

На протяжении всей жизни человека происходит процесс социального воспитания, тесно связанный с такими понятиями, как развитие и социализация.

На процесс социализации оказывают влияние как стихийно происходящие жизненные обстоятельства, так и целенаправленно создаваемые условия для развития личности, т. е. воспитание. Прежде всего, воспитание как относительно социально контролируемый процесс развития человека происходит в семье. Роль семьи в профилактике девиантного поведения, безусловно, огромна. Кроме того, значимая роль в воспитании принадлежит обществу и государству, создающим с этой целью специальные организации.

Особое значение в процессе социализации имеет культурный аспект. Специалисты в области культурно-досуговой деятельности подчеркивают: «Культура в наибольшей степени, чем какая-либо другая сфера, отражает динамику жизни человеческого сообщества в ее целостности, дает представление об осмыслении людьми конкретной исторической эпохи, своей роли в социуме, причастности к важнейшим историческим событиям»⁴. Согласно исследованию, проведенному Р. У. Арифудиной и Л. В. Белогорской (Арифудина, Белогорская, 2016), первые попытки формирования системы предупреждения девиантного поведения детей и подростков в России относятся к концу XIX – началу XX вв. Октябрьская революция и гражданская война привели к возникновению негативных явлений беспризорности и безнадзорности. Со стороны государства профилактика девиантного поведения несовершеннолетних ограничивалась в основном принятием различного рода законодательных актов и общегосударственных планов, созданием государственных учреждений, например, Деткомиссии ВЦИК, детской социальной инспекции, в которой имелись приемно-распределительные пункты и детские правовые консультации; комиссий по делам несовершеннолетних; интернатов, колоний, детских и трудовых домов, коммун. В 30-х годах XX века распространение получило социально-педагогическое направление работы с несовершеннолетними, внедрявшееся талантливыми педагогами А. С. Макаренко, С. Т. Шацким.

А. С. Макаренко полагал, что задачу воспитания коллектива и личности, развития индивидуальности необходимо решать в неразрывном единстве. «Педагогическая поэма», повесть «Флаги на башнях», очерк «Марш 30 года» и другие произведения убедительно доказывают, что педагогом была найдена такая система организации жизни несовершеннолетних беспризорных, которая одновременно отвечала существовавшим коммунистическим идеалам и идее всестороннего развития личности, – коллектив, «главнейшая форма воспитательной работы»⁵. Для того чтобы поставленные цели были достигнуты, дети должны были оказаться в положении хозяев собственной жизни, что основывалось на принципе детского самоуправления. Трудовое воспитание, по мнению А. С. Макаренко, обладавшего прекрасными знаниями не только педагогики, но и психологии, должно было осуществляться во взаимосвязи с умственным, политическим, нравственным, физическим и эстетическим воспитанием. Дети и подростки, склонные к девиантному поведению, по своей натуре являются разрушителями, и этим они не только

³ Минин, А. Я., Краев, О. Ю. (2016). *Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи*: учебное пособие. Прометей.

⁴ Жаркова, А. Д., Чижиков, В. М. (1998). *Культурно-досуговая деятельность*: учебник (стр. 9). Москва: МГУК.

⁵ Макаренко, А. С. (1983–1986). *Педагогические сочинения*: в 8-ми Т. Педагогика.

выражают свой протест: просто их не научили что-то созидать. В коллективном же труде заключается полная свобода, которая позволяет детям и подросткам проявлять свою творческую активность, имеющиеся у них лучшие качества, а также учиться новым навыкам и получать за свой труд денежное вознаграждение, что способствует решению материальных проблем.

Сходный подход к перевоспитанию трудных подростков применялся в Школе социально-индивидуального воспитания имени Достоевского, о которой многие, наверное, знают из повести Г. Белых и Л. Пантелева «Республика ШКИД» и одноименного художественного фильма. Система воспитания, разработанная В. Н. Сорока-Росинским, основывалась на развитии творческих способностей подростков, которых он считал одаренными натурами, но с отклонениями от нормы вследствие особого душевного и физического склада и специфичного развития. Чтобы «дать надлежащий выход той буйной беспокойной энергии, которой полны эти дети», необходима продолжительная образовательная подготовка (ежедневно в расписании занятий присутствовало по 10 уроков), а также обеспечение условий для самостоятельной, творческой деятельности, например, участия в постановках, инсценировках, возможности проявить способности в журналистском творчестве или соревнованиях.

Анализируя принципы советского периода отечественного развития культуры досуга, С. И. Пасенко подчеркивает: «В советский период важнейшей экономической категорией считалось свободное время – пространство для развития способностей. Причем речь шла не о праздности, а о времени, предназначенном для образования (самообразования), для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для дружеского (товарищеского) общения» (Пасенко, 2014).

Отечественная концепция досуга под влиянием мощного влияния западной культуры существенно сместилась в сферу развлечения. Тем не менее в современном обществе по-прежнему актуальной является проблема овладения способами организации своего свободного времени, умением проводить свой досуг содержательно. Особенно актуальна данная проблема среди подростков, молодежи.

В. И. Богдановская определяет досуговую деятельность следующим образом: «Осознанная и целенаправленная активная деятельность человека, направленная на удовлетворение потребностей в познании собственной личности и окружающего мира, осуществляемая в условиях непосредственно и опосредованно свободного от работ времени»⁶.

Под культурно-досуговыми учреждениями понимаются социально-культурные институты, в которых реализуется профессиональная деятельность специалистов в области организации досуга населения. Их задачи состоят в создании необходимых условий:

- для удовлетворения общественных потребностей в отдыхе, оздоровлении, общении;
- для развития культуры, творчества, многообразных форм досуговой активности.

По видам культурно-досуговые учреждения могут быть представлены:

- городскими и сельскими (поселковыми) клубами;
- республиканскими, краевыми, областными, окружными, городскими, районными, зональными, центральными и сельскими домами культуры и дворцами культуры;
- культурно-досуговыми центрами или центрами культуры и искусств;
- культурно-спортивными, социально-культурными, культурно-досуговыми комплексами, центрами эстетического воспитания детей, технического творчества;
- клубами и домами творческой интеллигенции, пенсионеров, молодежи;
- центрами традиционной культуры и национальными (этнокультурными) центрами;
- домами (центрами) ремесел и фольклора, народного творчества;
- передвижными культурными центрами;
- информационно-методическими центрами и т. д.

Культурно-досуговые организации самостоятельно определяют виды услуг, оказываемых населению. Это могут быть как услуги массового, так и индивидуального характера;

- бесплатные, предоставляемые за счет бюджетного финансирования;
- платные⁷.

Основными факторами, приводящими к правонарушениям, совершаемым несовершеннолетними, являются недостаточный контроль со стороны родителей за проведением свободного времени подростками, недостаточный воспитательный потенциал семьи, а также недостаточный уровень организации досуга и занятости детей и подростков.

Поскольку организованные формы досуга способствуют предупреждению правонарушений несовершеннолетних, необходима координация деятельности культурно-досуговых учреждений, других субъектов профилактической работы и семей, в которых воспитываются несовершеннолетние, в целях разработки общей стратегии предупреждающих мероприятий.

⁶ Богдановская, В. И. (2021). *Досуговая деятельность в социальной работе*: учебное пособие. Директ-Медиа.

⁷ Малинина, Т. Б. (2021). *Демография и социальная статистика*: учебник и практикум для среднего профессионального образования. Юрайт.

Методология, методы и материалы исследования

В 2021–2022 гг. по заказу Правительства Санкт-Петербурга кафедрой юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России в Колпинском районе города проводилось исследование на тему «Взаимодействие семей и культурно-досугового учреждения как инструмент профилактики девиантного поведения детей и подростков». В ходе этого исследования А. С. Афанасьевой совместно с авторами был проведен анализ взаимодействия культурно-досуговых учреждений с семьями, в которых воспитываются несовершеннолетние. В целях исследования были проанализированы две выборки:

1) подростки, включенные в культурно-досуговую деятельность (57 % от общего числа респондентов): в возрасте 12–13 лет (10 % от общего числа респондентов); в возрасте 14–16 лет (13,3 % от общего числа респондентов); в возрасте 17 лет (16,7 % от общего числа респондентов); в возрасте 18 лет (16,7 % от общего числа респондентов);

2) не участвующие в культурно-досуговой деятельности (43 % от общего числа респондентов), из них в возрасте 15 лет (6,7 % от общего числа респондентов); в возрасте 17 лет (26,6 % от общего числа респондентов); в возрасте 18 лет (10 % от общего числа респондентов).

Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) рекомендует считать подростковым возраст от 10 до 19 лет, к раннему подростковому возрасту относятся 10–14-летние, к старшему – подростки от 15 до 19 лет.

Респондентам обеих групп перед прохождением тестирования с использованием психодиагностических методик было предложено ответить на несколько дополнительных вопросов, в частности, охарактеризовать свою семью. Ответы распределились следующим образом:

– в первой группе: 36,7 % респондентов охарактеризовали свои семьи словами «полная», «дружная»; 10 % респондентов – «полная»; 6,7 % респондентов – «дружная»; 3,3 % респондентов – «неполная». У 23,3 % респондентов в данной группе есть брат (или братья); у 33,3 % респондентов – нет братьев. У 20 % респондентов данной группы есть сестра (или сестры); у 80 % респондентов сестер нет;

– во второй группе: 20 % респондентов охарактеризовали свои семьи: «полная», «дружная»; 10 % респондентов – «полная»; 3,3 % респондентов – «дружная»; 3,3 % респондентов – «неполная», «дружная»; 3,3 % респондентов – «неполная», «недружная»; 3,3 % респондентов – «полная», «недружная». У 23,3 % респондентов в данной группе есть брат (или братья); у 20 % респондентов нет братьев. У 20 % респондентов есть сестра (или сестры); у 23,3 % респондентов сестер нет.

При сопоставлении результатов респондентов – детей и подростков – по первой и второй группам (первая группа – посещающие культурно-досуговые учреждения, вторая – не посещающие культурно-досуговые учреждения) необходимо было выяснить, являются ли данные группы однородными. Сравнительный анализ проводился с использованием U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок.

Колпинский район является крупнейшим пригородным административным районом в юго-восточной части Санкт-Петербурга. В настоящее время на его территории сформировано шесть муниципальных образований.

Распоряжением Минкультуры России от 2 августа 2017 г. № Р-965 утверждены Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, согласно которым для каждого муниципального района (независимо от численности населения) предусматривается наличие одного Центра культурного развития и одного передвижного многофункционального центра; для городского поселения с численностью от 25 тыс. до 100 тыс. человек – одного Дома культуры на каждые 25 тыс. человек (в г. Колпино численность населения составляет 149 766 человек).

В настоящее время на территории Колпинского района Санкт-Петербурга функционируют следующие культурно-досуговые учреждения:

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Культурно-досуговый центр «Ижорский» (г. Колпино);
- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение Дворец культуры «Нева» (пос. Понтонный);
- филиал Дом культуры «Саперный» (пос. Саперный);
- филиал Дом культуры «Славянка» (пос. Петро-Славянка);
- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Культурно-досуговый центр «Подвиг» (г. Колпино);
- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Дом культуры имени В. В. Маяковского» (пос. Металлострой);
- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Парк культуры и отдыха г. Колпино» (г. Колпино), а также библиотеки и детские школы искусств.

Наше исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Культурно-досуговый центр «Ижорский» (далее КДЦ «Ижорский»), созданного в целях совершенствования предоставления услуг в области культуры жителям Колпинского административного района Санкт-Петербурга. Учреждение является не-

коммерческой организацией и находится в ведении администрации, осуществляющей координацию деятельности Культурно-досугового центра «Ижорский».

КДЦ «Ижорский» осуществляет следующие виды деятельности:

- организация и проведение различных форм культурно-просветительской, культурно-массовой, художественно-просветительской и досуговой деятельности, в том числе:

- проведение театральных, концертно-зрелищных мероприятий, кино- и видеопозаказов;

- организация деятельности кружков, творческих коллективов, студий любителей художественно-прикладного творчества;

- организация и проведение выставок, смотров, конкурсов, фестивалей, ярмарок и других форм культурной деятельности;

- организация информационных и консультативных услуг, а также ведение методической работы по вопросам деятельности культурно-досуговых организаций.

КДЦ «Ижорский» вправе осуществлять следующие виды деятельности, приносящие доход:

- организацию и проведение театральных, концертно-зрелищных и праздничных мероприятий, вечеров, концертов, встреч, детских утренников, киносеансов, дискотек, банкетов, юбилеев, торжеств и других подобных мероприятий по договорам с заинтересованными лицами;

- производство и распространение фото-, видео-, аудио-, кино- и телезаписей с мероприятий, проводимых в Учреждении в установленном законодательством порядке;

- организацию и обеспечение проведения на площадке Учреждения культурно-досуговых мероприятий по договорам с юридическими и физическими лицами;

- редакционно-издательскую и художественно-оформительскую деятельность в культурно-досуговой сфере;

- оказание организационно-методических, информационных, консультационных услуг, а также организацию и проведение семинаров, конференций и других мероприятий, способствующих обмену информацией и обучению в области культурно-досуговой деятельности по договорам с заинтересованными лицами;

- организацию в помещениях Учреждения пунктов питания (бары, буфеты, кафе) для посетителей, пунктов мелкорозничной торговли (сувенирами, книгами и т. д.);

- организацию и проведение выставок-продаж произведений живописи, скульптуры, графики,

декоративно-прикладного искусства, фотовыставок, создание рекламных, информационных, музыкальных видеопрограмм, музыкальных фонограмм по договорам с заинтересованными лицами;

- организацию кружков, творческих коллективов, студий и клубов по интересам и потребностям.

Проекты, реализуемые Учреждением:

- рождественские благотворительные елки;

- новогодние представления (каждый талантливый ребенок может стать новогодней звездой);

- игровые программы: каждый месяц в КДЦ «Ижорский» проходят игровые программы для младших школьников Колпинского района;

- ежегодно в КДЦ «Ижорский» проходит городской фестиваль фольклорного творчества «Широкая Масленица»;

- конкурс детских авторских хореографических работ «Фортуна»;

- каждое третье воскресенье месяца в рамках общегородской акции «Дом культуры – территория семьи» в Культурно-досуговом центре «Ижорский» проходят Дни семейного отдыха, в программе которых спектакли, концерты, выставки, открытые уроки, мастер-классы и игры;

- конкурс «Ступень к успеху» (есть номинация совместно с родителями – «Творческий союз»).

Задачи, выполняемые культурно-досуговыми учреждениями, в том числе должны способствовать профилактике девиантного поведения детей и подростков. На взгляд Г. А. Аванесова, направления «в деятельности органов и организаций, ведущих борьбу с преступностью», взаимосвязаны с эффективностью профилактического воздействия на несовершеннолетних в сфере досуга (Аванесов, 2017).

Для оценки эффективности культурно-досуговых учреждений в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних требуется проводить анализ информации, включающей в себя следующие компоненты:

- общую характеристику и количество культурно-досуговых учреждений;

- причины, затрудняющие работу с молодежью, например, ведомственный подход, удаленность от места проживания и т. д.;

- контингент детей и подростков с девиантным поведением, в том числе по возрастным показателям, степени деформации образа жизни, основным занятиям и их направленности;

- профилактические возможности культурно-досугового учреждения.

В исследовании, проведенном В. И. Игнатенко⁸, установлено, что наличие значительного количества свободного времени при отсутствии умения рационально

⁸ Игнатенко, В. И. (2020). *Антиобщественный образ жизни несовершеннолетних и молодежи и пути его преодоления: понятие, содержание, причины (социолого-криминологический и пенитенциарный аспекты)*. Курс лекций. Проспект.

его использовать является сильным криминогенным фактором. Проблема состоит в том, что несовершеннолетние правонарушители часто не только не умеют рационально использовать имеющееся у них свободное время, но и не стремятся к этому. Результаты исследования показали, что из общего числа несовершеннолетних правонарушителей, принимавших участие в исследовании, только 36 % до совершения преступления, которое привело их в воспитательную колонию, занимались спортом, художественной самодеятельностью, читали книги, т. е. распоряжались свободным временем в большей или меньшей степени рационально; 48 % респондентов проводили свободное время в игре в карты, употреблении алкоголя и т. д. Антисоциальной деятельностью в свободное время (воровство, драки, хулиганство и т. д.) занимались 14 % респондентов.

На основании Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» среди основополагающих направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности выделено создание единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений, прежде всего среди несовершеннолетних. Деятельность органов, составляющих систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, регламентируется Федеральным законом от 24 июня 1999 г. (в ред. от 24 апреля 2020 г.) № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁹.

Многие исследователи, например, О. И. Копытина, приходят к выводу, что безопасность детей и подростков, их склонность к совершению противоправных действий находятся в прямой зависимости от организации их досуга и занятости, контроля за препровождением свободного времени (Копытина, 2019).

Результаты исследования

Согласно данным Отдела участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних ОМВД России по Колпинскому району Санкт-Петербурга, в 2019 г. на учете состояли 166 детей и подростков, в том числе в возрасте до 13 лет – 18 человек; в возрасте 14–18 лет – 148 человек.

В 2020 г. число стоящих на учете подростков резко сократилось до 114 детей и подростков, в том числе в возрасте до 13 лет – 19 человек; в возрасте 14–18 лет – 95 человек. Но при снижении количества подростков, стоящих на учете, резко возросло число преступлений, совершенных ими. Количество преступлений, совершенных подростками за то же время, увеличилось на 27,3 %. Настораживает факт, что

с каждым годом возрастает число несовершеннолетних правонарушителей раннего подросткового возраста.

Сравнительный анализ результатов ассоциативного эксперимента по методике «СОЧ(И)» (В. Ситников) показал, что в Я-образах второй группы подростков (не участвующих в культурно-досуговой деятельности) в два раза больше конвенциональных характеристик (человек, индивид, гражданин, личность, учащийся, спортсмен, танцор), чем у подростков первой группы (человек, спортсмен, личность), что в соответствии с мнением авторов теста «20 высказываний» М. Куна и Т. Мак-Партленда свидетельствует о более высоком уровне экстернальности, а по нашему мнению – о большей закрытости и в два раза менее развитой рефлексии подростков, не включенных в культурно-досуговую деятельность.

Это подтверждает и сравнение первых десяти наиболее распространенных характеристик частотных словарей Я-образов подростков обеих групп.

Первая группа (участвующие в культурно-досуговой деятельности): «добросовестный» (14 совпадений); «целеустремленный» (13 совпадений); «человек» (13 совпадений); «самостоятельный» (12 совпадений); «отзывчивый» и «успешный» (по 11 совпадений); «доброжелательный» и «добрый» (по 10 совпадений); «активный» и «интересующийся» (по 9 совпадений).

Вторая группа (не участвующие в культурно-досуговой деятельности): «человек» (16 совпадений); «дружелюбный» (8 совпадений); «индивид», «общительный», «самостоятельный» (по 7 совпадений); «верный друг», «гражданин», «добрый», «личность», «учащийся» (по 6 совпадений).

Интересно, что в первой группе определение «верный друг» дали себе также шесть человек, но оно оказалось в их частотном словаре лишь на двадцатом месте.

Анализ невербальной части ассоциативного эксперимента по методике В. Л. Ситникова «Структура образа человека (иерархическая)» показал следующее: подростки 1-й группы на первое место чаще всего ставили треугольник, на второе место – зигзаг, на третье – круг, на четвертое – квадрат, на пятое – прямоугольник. Подростки второй группы чаще всего на первое место ставили квадрат, на второе – круг, на третье – прямоугольник, на четвертое – треугольник, на пятое – зигзаг.

Согласно определениям «Психометрического теста» Сьюзен Делингер, подростки первой группы, как правило, нацелены на результат, более инициативны, самостоятельны, решительны, энергичны, способны генерировать новые идеи, ориентированы на будущее, думают нестандартно, творческие, а подростки из второй группы чаще

⁹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

предсказуемы, внимательны, терпеливы, медлительны, хладнокровны, не склонны к изменениям.

Одной из задач нашего исследования было изучение того, как обычные подростки воспринимают сверстников с девиантным поведением. Мы попросили подростков обеих групп описать таких подростков и сравнили представления этих групп о подростках с отклоняющимся поведением.

Наиболее распространенные характеристики образа подростка с плохим поведением в первой группе: «плохо воспитанный» (11 совпадений); «агрессивный», «безразличный» (по 10 совпадений); «вспыльчивый» (9 совпадений); «грубый», «сложный» (по 9 совпадений); «дерзкий», «злой», «непослушный», «своенравный», «стоит на учете», «хулиган» (по 7 совпадений).

Подростки второй группы характеризуют девиантных сверстников как «безответственных» (11 совпадений); «грубых» (10 совпадений); «грустных», «имеющих проблемы с семьей» (по 9 совпадений); «двоечников» (8 совпадений), «агрессивных», «курящих», «эгоистов» (по 7 совпадений); «вспыльчивых», «наглых», «одиноких», «употребляющих алкоголь» (по 6 совпадений).

Сопоставление невербальных представлений подростков первой и второй групп о девиантных сверстниках позволило выявить, что психологическим механизмом формирования представлений нормальных подростков о девиантных сверстниках является обратная проекция, независимо от того, включены ли они в культурно-досуговую деятельность или нет.

В обеих группах большинство испытуемых ассоциируют девиантного подростка прежде всего

с зигзагом и прямоугольником, считая, что меньше всего их можно представить в виде той фигуры, которую подростки первой и второй групп ассоциировали с собой. Это свидетельствует о том, что девиантные подростки негативно воспринимаются обеими группами. Можно даже утверждать, что подростки обеих групп отвергают девиантных подростков, подвергают их остракизму.

Под остракизмом понимается неприятие, отвержение, презрение со стороны окружающего общества. Анализ результатов диагностики остракизма («Шкала нарушенных потребностей-Остракизм (ШНП-О)»), позволил выявить степень субъективизации игнорирования и исключения. Потребность подростков в дружбе, в осмысленном существовании, самоуважении и контроле показал, что среди подростков, включенных в культурно-досуговую деятельность, не наблюдается явлений остракизма, в то время как во второй группе есть подростки с высокой и значительной степенью остракизма – нарушения потребностей в дружбе, принятии, контроле.

Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению по методике «СОП» (А. Н. Орел) показала, что по этому показателю практически нет достоверных различий между подростками, включенными и не включенными в культурно-досуговую деятельность. И те, и другие склонны следовать общепринятым нормам поведения. У них отсутствуют готовность к саморазрушающему поведению, соматизации тревоги, склонность к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях, отмечается хороший уровень социального контроля и неприемлемость насилия как средства решения проблем.

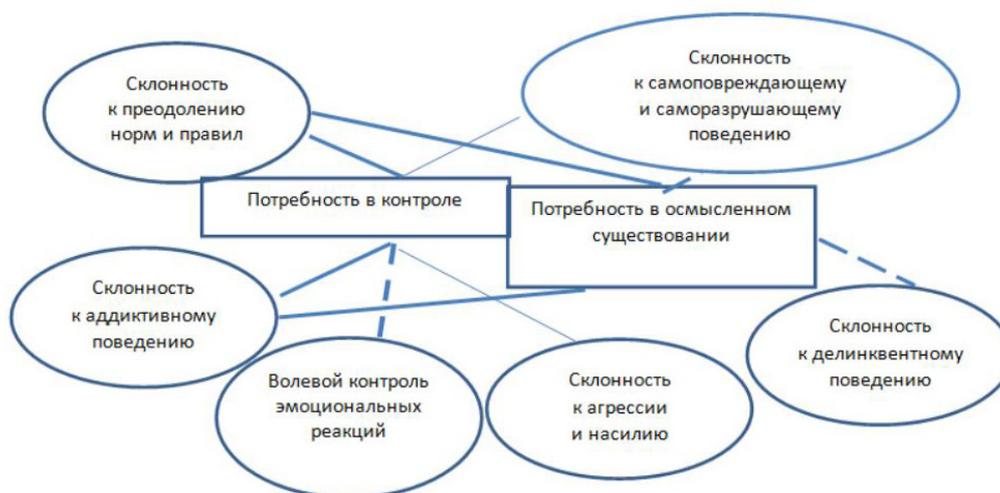

Рис. Корреляции факторов остракизма и склонности к девиантному поведению

Fig. Correlations of ostracism factors and tendency to deviant behavior

Условные обозначения: $p = 0,01$ – —————; $p = 0,05$ – - - - - -

Обсуждение результатов исследования

Корреляционный анализ показал наличие статистически значимых связей между компонентами, характеризующими остракизм – нарушение потребностей в принятии, и компонентами, характеризующими склонность к девиантному поведению (рис.).

Как уже отмечалось, «при нарушении потребности в контроле возрастает проявление склонности к преодолению норм и правил ($r = 0,668$; $p = 0,01$), склонности к аддиктивному поведению ($r = 0,529$; $p = 0,01$), склонности к делинквентному поведению ($r = 0,468$; $p = 0,05$), склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению ($r = 0,356$; $p = 0,05$), склонности к агрессии и насилию ($r = 0,269$; $p = 0,05$).

При нарушении потребности в осмысленном существовании возрастает проявление склонности к преодолению норм и правил ($r = 0,490$; $p = 0,01$), склонности к аддиктивному поведению ($r = 0,453$; $p = 0,01$), склонности к делинквентному поведению ($r = 0,326$; $p = 0,05$), склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению ($r = 0,237$; $p = 0,05$)» (Ситников, 2022).

Интересно, что если не нарушены потребности в контроле и осмысленном существовании, то снижается уровень девиантного поведения.

Основным фактором, оказывающим влияние на проявление отклоняющегося поведения, является нарушение потребностей в контроле и осмысленном существовании. При этом по результатам проводимого в рамках исследования анкетирования подростков установлено, что респонденты первой группы – дети и подростки, посещающие культурно-досуговые учреждения – склонны к более осмысленному, продуктивному проведению свободного времени. С учетом результатов корреляционного и факторного анализа можно сделать вывод, что вероятность отклоняющегося поведения подростков, занимающихся в детских и подростковых культурно-до-

суговых учреждениях, намного ниже, чем у подростков, не посещающих культурно-досуговые учреждения.

Как известно, объединения детей и подростков могут быть формальными и неформальными, играющими различную роль в формировании гражданского правосознания несовершеннолетних, что, в свою очередь, может способствовать профилактике отклоняющегося поведения, или, наоборот, являться фактором, усиливающим проявления девиантности. Детские и подростковые объединения отличаются условными формальными границами участия, число их участников не характеризуется постоянством, так как интересы и увлечения могут изменяться.

Выводы

Анализ научной литературы и исследование социально-перцептивных образов, остракизма и склонности к отклоняющему поведению позволяет сделать следующие выводы:

- подростки, увлеченные культурно-досуговой деятельностью, более открыты, целеустремленны, самодостаточны. Они обладают развитой рефлексией. В то же время их представления о себе, отличаясь по структуре основных типов характеристик, имеют немало общих компонентов самосознания и самооенок;
- обе группы подростков негативно относятся к девиантным сверстникам, формируя представление о них по механизму обратной проекции, их ассоциативные представления о таких подростках противоположны представлениям о самих себе;
- у подростков, не включенных в культурно-досуговую деятельность, чаще наблюдается высокий уровень социального остракизма, отверженности;
- независимо от увлеченности культурно-досуговой деятельностью, у подростков выявились значимые связи между факторами остракизма и склонностью к отклоняющемуся поведению.

Список литературы

- Аванесов, Г. А. (2017). *Общество. Личность. Мотивация. Исследования криминолога*: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. ISBN 978-5-238-02733-3
- Арифуди, Р. У., Белогорская, Л. В. (2016). Становление системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 11-1, 127–133.
- Ситников, В. Л. (под общ. и науч. ред.) (2022). Роль семьи и учреждений культуры в профилактике девиантного поведения подростков. В *Семья и дети в современном мире: сборник материалов конференции* (Кызыл, 15 июня 2022 года, Том VII). Кызыл: Тувинский государственный университет. EDN VIHNIY.
- Афанасьева, А. С. (2022). Девиантное поведение подростков: предикторы и возможные пути преодоления. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2022)*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15 апреля 2022, стр. 20–25). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Белобрыкина, О. А. (2003). *Развитие самосознания в детском возрасте*: монография. Новосибирск: Издательство НГПУ.
- Богданова, Е. В. (2018). Клубные формы работы с подростками в дополнительном образовании. В *Модели создания воспитывающей среды в образовательных организациях, организациях отдыха детей и их оздоровления*:

наука, технологии, практики: сборник статей (стр. 57–71). Москва: Московский педагогический государственный университет.

- Бойкина, Е. Э. (2022). *Социальный остракизм как фактор антисоциального поведения несовершеннолетних*: дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>
- Копытина, О. И. (2019). Некоторые вопросы деятельности ПДН по профилактике правонарушений несовершеннолетних. *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*, 5-1, 219–222.
- Коэн, А. (1965). Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. Социология сегодня. Проблемы и перспективы. В *Американская буржуазная социология середины XX века*: сборник статей (пер. с англ., под общ. ред. Г. В. Осипова) Москва: Прогресс.
- Личко, А. Е. (1983). *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. 2-е изд., доп. и перераб. Ленинград: Медицина: Ленингр. отделение.
- Пасенко, С. И. (2014). К вопросу о принципах советской концепции досуга. *Концепт*, 20, 1431–1435. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54550.htm>.
- Реан, А. А. (ред.), Коновалов, И. А., Новикова, М. А., Молчанова, Д. В. (2021). *Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта*: монография. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». Избранные главы из монографии доступны для бесплатного скачивания по ссылке: воспитание21век.рф/библиотека.
- Ситников, В. Л. (1996). *Образ ребенка в сознании педагога*: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Смелзер, Н. (1994). *Социология*: пер. с англ. Москва: Феникс. ISBN 5-7113-0106-3
- Farrington, D. P. (2017). *Integrated Developmental and Life-Course Theories of Offending*. New York, NY: Transaction Publishers.
- Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100 (4), 674–701.
- Shulman, E. P., Steinberg, L. D., & Piquero, A. R. (2013). The age-crime curve in adolescence and early adulthood is not due to age differences in economic status. *Journal of Youth and Adolescence*, 42, 848–860. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9950-4>

References

- Avanesov, G. A. (2017). *Obshchestvo. Lichnost'. Motivaciya. Issledovaniya kriminologa*: monografiya. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo. ISBN 978-5-238-02733-3
- Arifulina, R. U., Belogorskaya, L. V. (2016). Stanovlenie sistemy profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih v Rossii. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 11-1, 127–133.
- Sitnikov, V. L. (pod obshch. i nauch. red.) (2022). Rol' sem'i i uchrezhdenij kul'tury v profilaktike deviantnogo povedeniya podrostkov. V *Sem'ya i deti v sovremennom mire*: sbornik materialov konferencii (Kyzyl, 15 iyunya 2022 goda, Tom VII). Kyzyl: Tuvinskij gosudarstvennyj universitet. EDN VIHNIY.
- Afanasyeva, A. S. (2022). Deviantnoe povedenie podrostkov: prediktory i vozmozhnye puti preodoleniya. V *Aktual'nye problemy psikhologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya — 2022)*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 15 aprelya 2022, str. 20–25). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Belobrykina, O. A. (2003). *Razvitie samosoznaniya v detskom vozraste*: monografiya. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU.
- Bogdanova, E. V. (2018). Klubnye formy raboty s podrostkami v dopolnitel'nom obrazovanii. V *Modeli sozdaniya vospityvayushchej sredy v obrazovatel'nyh organizacijah, organizacijah otdyha detej i ih ozdorovleniya: nauka, tekhnologii, praktiki*: sbornik statej (str. 57–71). Moscow: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet.
- Bojkina, E. E. (2022). *Social'nyj ostrakizm kak faktor antisocial'nogo povedeniya nesovershennoletnih*: dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Zmanovskaya, E. V. (2021). Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social'nye vyzovy i aktual'nye tendencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>
- Kopytina, O. I. (2019). Nekotorye voprosy deyatel'nosti PDN po profilaktike pravonarushenij nesovershennoletnih. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*, 5-1, 219–222.
- Koen, A. (1965). Issledovanie problem social'noj dezorganizacii i otklonyayushchegosya povedeniya. Sociologiya segodnya. Problemy i perspektivy. V *Amerikanskaya burzhuaznaya sociologiya serediny XX veka*: sbornik statej (per. s angl., pod obshch. red. G. V. Osipova) Moscow: Progress.

- Lichko, A. E. (1983). *Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov*. 2-e izd., dop. i pererab. Leningrad: Medicina: Leningr. otделение.
- Pasenko, S. I. (2014). К вопросу о принципах советской концепции досуга. *Koncept*, 20, 1431–1435. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54550.htm>.
- Rean, A. A. (red.), Konovalov, I. A., Novikova, M. A., Molchanova, D. V. (2021). *Profilaktika agressii i destruktivnogo povedeniya molodezhi: analiz mirovogo opyta: monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya «KOSTA». Izbrannye glavy iz monografii dostupny dlya besplatnogo skachivaniya po ssylke: vospitanie21vek.rf/biblioteka.
- Sitnikov, V. L. (1996). *Obraz rebenka v soznanii pedagoga: dis. ... kand. psihol. nauk*. Saint Petersburg.
- Smelzer, N. (1994). *Sociologiya: per. s angl.* Moscow: Feniks. ISBN 5-7113-0106-3
- Farrington, D. P. (2017). *Integrated Developmental and Life-Course Theories of Offending*. New York, NY: Transaction Publishers.
- Moffitt, T. E. (1993). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Psychological Review*, 100 (4), 674–701.
- Shulman, E. P., Steinberg, L. D., & Piquero, A. R. (2013). The age-crime curve in adolescence and early adulthood is not due to age differences in economic status. *Journal of Youth and Adolescence*, 42, 848–860. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9950-4>

Информация об авторах:

About the authors:

Валерий Леонидович Ситников – доктор психологических наук, профессор. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Valery L. Sitnikov – Dr. Sci. (Psy), Professor. Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor at the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Алена Сергеевна Афанасьева – психолог группы по работе с личным составом отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции 3 отдела полиции Управления полиции на метрополитене (г. Санкт-Петербург) ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Alena S. Afanasyeva – psychologist of the group for working with the personnel of a separate battalion of the patrol police service of the 3rd police department of the Metropolitan Police Department of the Main Directorate of the MIA of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Одобрена после рецензирования 25.06.2023

Опубликована 28.07.2023

Submitted May 19, 2023

Approved after reviewing June 25, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-144-154

Специфика социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации

Анастасия Александровна Волченкова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

(Ярославль, Россия)

aa.volchenkova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8691-7132

Аннотация

В статье анализируется отклоняющееся поведение, которое часто является следствием цифровизации, а также фактором, нарушающим социальную адаптацию современных подростков. Приводится анализ представлений о социальной адаптации подростков в условиях цифровизации в отечественной и зарубежной психологии. В исследовании приняли участие 1093 подростка, играющих в компьютерные игры разных жанров, отличающиеся численностью игроков, а также особенностями дизайна игры, задач и действий, которые ставятся перед пользователем. Используются следующие методики: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. Солдатова и др.); методика диагностики степени готовности к риску (А. Шуберт); методика диагностики мотивации успеха и мотивации боязни неудачи (А. Реан); методика смысложизненных ориентаций (Д. Леонтьев); методика диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач (Т. Элерс); опросник «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (И. Баева); методика субъективной оценки ситуативной и личностной тревожности (Ч. Спилбергер); методика диагностики социальной компетентности обучающегося (А. Прихожан); Томский опросник ригидности (Г. Залевский); методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А. Орел). Обсуждается влияние факторов интернет-среды на психологические особенности подростков. Проанализирована взаимосвязь психологических особенностей подростков, предпочитающих такие жанры компьютерных игр, как ММО, МОБА. Обнаружены различия между параметрами социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков, предпочитающих разные жанры компьютерных игр. Для подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра МОБА, характерны высокие показатели мотивационной основы деятельности, показатели степени готовности к риску, а также общей ригидности, волевой контроль эмоциональных реакций в данной группе существенно ниже, в отличие от группы подростков, предпочитающих жанр ММО.

Ключевые слова

подростки, социальная адаптация, отклоняющееся поведение, цифровизация, компьютерные игры, жанр ММО, жанр МОБА

Для цитирования: Волченкова, А. А. (2023). Специфика социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 144–154. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-144-154.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00039.

Specifics of social adaptation and predisposition to deviant behavior among adolescents in a digitized environment

Anastasia A. Volchenkova

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov
(Yaroslavl, Russia)
aa.volchenkova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8691-7132

Abstract

The article analyses deviant behavior, which is often a consequence of digitalization, as well as a factor impairing the social adaptation of modern adolescents. An analysis of ideas about adolescents' social adaptation in the context of digitalization in domestic and foreign psychology is given. The research involved 1093 adolescents playing computer games of different genres, which mainly differ in the number of players, as well as in the features of a game design, tasks and actions that are set before a user. The following methods were used: express questionnaire «Tolerance Index» (G. Soldatova et al.); methodology of risk readiness diagnosis (A. Schubert); methodology of success motivation and failure motivation diagnosis (A. Rean); methodology of sense-life orientations (D. Leontiev); methodology for diagnosing personality motivation to success and to avoid failures (T. Ehlers); «Psychological Safety of the School Environment» questionnaire (I. Baeva); method of subjective assessment of situational and personal anxiety (C. Spielberger); diagnostic technique for social competence of students (A. Prikhozhan); Tomsk rigidity questionnaire (G. Zalewski); diagnostic technique for inclination to deviant behavior (A. Orel). The influence of factors of the Internet environment on the psychological characteristics of adolescents is discussed. The correlations of psychological features of adolescents who prefer such genres of computer games as MMO, MOBA are analyzed. Differences between the parameters of social adaptation and predisposition to deviant behavior in adolescents who prefer different computer game genres were revealed. Adolescents preferring MOBA computer games were characterized by high levels of motivation, readiness for risk and general rigidity. Voluntary control of emotional reactions was significantly lower in this group as opposed to the group of adolescents preferring the MMO genre.

Keywords

adolescents, social adaptation, deviant behavior, digitalization, computer games, MMO genre, MOBA genre

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00039.

For citation: Volchenkova, A. A. (2023). Specifics of social adaptation and predisposition to deviant behavior among adolescents in a digitized environment. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 142–152. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-144-154.

Введение

В современной ситуации развития общества интернет становится неотъемлемой частью жизни всех людей. Интернет создал специфическую среду существования человека, в которой мало границ для распространения информации и самопрезентации пользователей, слабо выработаны нормы и регламентация действий. Жизнь в этой среде может быть интересной и увлекательной, но одновременно опасной как для взрослых, так и для детей.

Факт отклоняющегося поведения в подростковой среде – это реальность, с которой каждый день сегодня сталкиваются педагоги, психологи, специалисты сопровождения и родители. Актуальными являются проблемы воспитания молодежи с асоциальным поведением, изучение его характеристик и динамики, определение путей и средств своевременной коррекции проявлений девиантности, делинквентности, агрессии и других негативных проявлений.

Анализ показывает, что одной из важных и перспективных исследовательских задач является

разрешение противоречия, которое обусловлено потребностью практики и выражается в уточнении понимания того, как подростки воспринимают виртуальную среду, насколько чувствуют риски и готовы справиться с проблемами.

Прикладная проблема состоит в разработке методических основ профилактики виктимизации и девиантного поведения несовершеннолетних с целью способствовать выработке у них норм и правил поведения в цифровой среде, обеспечению их безопасности как для самих себя, так и для других людей.

Цель исследования – изучить психологические особенности девиантного поведения подростков в условиях цифровизации общества.

Объект исследования – социальная адаптация подростков в условиях цифровизации общества.

Предмет исследования – взаимосвязь социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации.

Как показывает анализ современной социальной и образовательной реальности, существует насущная

необходимость теоретического и эмпирического изучения проблем, которые возникают вследствие влияния цифровизации общества на подростков. Современная социокультурная ситуация характеризуется всплеском интереса к взаимодействию в интернет-пространстве, возрастающей ролью интернета и компьютерных игр в жизни современных детей. Эта ситуация приводит к снижению социальных навыков (а это необходимый этап личностного развития), что, в свою очередь, становится важнейшей проблемой для изучения.

Обзор современных исследований по вопросам социализации подростков в условиях цифровой реальности позволил установить, что интернет-среда сталкивает подростков с онлайн-агрессией. Агрессивность в цифровой среде может объясняться несколькими факторами (Hussain & Griffiths, 2018). Во-первых, онлайн-пространство предоставляет множество возможностей для выражения агрессии и насилия, включая анонимность, доступность и легкость распространения контента. Кроме того, социальные сети и другие онлайн-платформы могут способствовать формированию стереотипов и предрассудков, что порой приводит к конфликтам и агрессии. Например, некоторые пользователи применяют язык ненависти или оскорбления для выражения своих мнений или критики других людей. Стоит учитывать, что многие люди испытывают стресс и напряжение в повседневной жизни, и цифровое пространство может стать для них местом для выплеска этих эмоций. Часто цифровые технологии используются для манипулирования другими людьми, для достижения своих личных целей, что также приводит к агрессии и конфликтам в цифровой среде (Комлев, 2020). Во-вторых, агрессивность может быть связана с новизной и отсутствием выработанных норм коммуникации в цифровом пространстве. В этом случае люди проявляют агрессивность, чтобы адаптироваться к новой среде и установить свои правила взаимодействия.

Разработка стратегий повышения цифровой культуры способна помочь снизить агрессивность онлайн-среды и улучшить качество коммуникации между людьми. Такие стратегии могут включать обучение пользователей правилам цифровой этики, разработку более безопасных платформ для общения и обмена информацией, а также программ поддержки для тех, кто сталкивается с киберагрессией (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017; Нестик, 2018).

В понимании самого феномена «девиантное поведение» мы придерживаемся позиции Е. В. Змановской, согласно которой девиантное (отклоняющееся) поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняю-

щееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией¹. Оценка и прогноз поведенческих нарушений являются ключевыми элементами стратегии предупреждения девиантного поведения и предотвращения его рецидивов в молодежной среде. Оценка поведения риска необходима для выбора адекватных мер реагирования на девиантное поведение – санкций или реабилитационных мероприятий (Серебренникова, 2020).

Цифровизация общества приводит к изменению социальных норм, действующих в нем. Это связано с тем, что новые технологии и методы коммуникации меняют способы взаимодействия людей друг с другом и с обществом в целом. Так, социальные нормы, связанные с конфиденциальностью личной информации, становятся более актуальными в эпоху цифровых технологий. Кроме того, цифровизация приводит к появлению новых социальных норм, связанных с использованием технологий в повседневной жизни (Карпов, 2021а).

С точки зрения социально-нормативного критерия, ведущим показателем нормальности поведения является уровень социальной адаптации человека, так как позволяет оценить его способность адаптироваться к социальной среде и взаимодействовать с ней в соответствии с нормами и правилами. Данный критерий определяет, насколько личность способна адаптироваться к социальным нормам и требованиям общества, а также насколько она способна соблюдать эти нормы и требования. Социальная адаптация и ее уровень могут быть оценены по следующим показателям²:

1. Степень включенности личности в социальную среду, ее способность взаимодействовать с другими людьми и адаптироваться к различным социальным ситуациям.
2. Уровень самоконтроля и способности к саморегуляции поведения, что позволяет личности контролировать свои эмоции и действия в соответствии с социальными нормами и ожиданиями.
3. Способность к сотрудничеству и кооперации с другими людьми, умение находить компромиссы и решать конфликты в рамках социальных норм.
4. Степень осознания своей социальной роли, а также способность к принятию решений и ответственности за свои поступки.
5. Уровень эмоциональной стабильности и способность управлять своими эмоциями, чтобы они не мешали адаптации к социальной среде.

¹ Змановская, Е. В. (2004). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. Издательский центр «Академия».

² Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Дренева, А. А., Илюхина, С. Н. (2019). *Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете*: учеб. -метод. пособие. Когито-Центр.

Эффективная социальная адаптация человека выражается в том, что он имеет возможность успешно приспосабливаться к новой среде, находить баланс между своими личными ценностями и потребностями, а также учитывает требования и ожидания окружающих его людей и общества в целом. Это позволяет ему эффективно взаимодействовать с окружающими, достигать своих целей и решать задачи, которые возникают в новой ситуации.

”

Цифровизация общества приводит к изменению социальных норм, действующих в нем. Это связано с тем, что новые технологии и методы коммуникации меняют способы взаимодействия людей друг с другом и с обществом в целом

“

Деадаптация же может проявляться в виде стресса, тревоги, низкой самооценки и других эмоциональных проблем. В некоторых случаях она может привести к ухудшению физического и психического здоровья человека, а также к снижению его продуктивности и эффективности в работе или учебе. Чтобы избежать деадаптации, необходимо адаптироваться к новым условиям жизни. Адаптация включает в себя развитие навыков коммуникации, управления стрессом, умения принимать решения и т. д. (Адамчук, 2016).

Теоретическую основу исследования составили представления о возрастных особенностях (Г. С. Абрамова, Л. С. Выготский, В. С. Мухина, Д. И. Фельдштейн, и др.), а также исследования цифровой социальности (Е. П. Белинская, А. Е. Войскунский, А. В. Карпов, А. А. Карпов, Т. А. Нестик, Г. У. Солдатова).

Девиантное поведение – стойкое, повторяющееся поведение, которое нарушает социальные нормы, не соответствует общепринятым ценностям и правилам, отрицательно оценивается другими людьми, приводит к деадаптации человека, наносит ущерб как самой личности, так и обществу³.

Проведенными ранее исследованиями установлено, что компьютерные игры оказывают существенное влияние на социальную адаптацию подростков. Рассмотрим два жанра, наиболее предпочитаемых подростками – МОВА и ММО. Игры указанных жанров являются одними из самых популярных в мире онлайн-игр и продолжают привлекать миллионы игроков по всему миру. Проанализируем каждый из указанных жанров. МОВА – жанр многопользовательской онлайн-игры, в которой пользователю предоставляется возможность создать своих персонажей, усовершенствовать их навыки, выбрать стратегию прохождения игры, команду для ролевой онлайн-игры. Особенно важным моментом для анализа данного жанра является возможность пользователей взаимодействовать в виртуальном мире. В реализации игровой деятельности пользователь выбирает одного персонажа, который обладает определенными характеристиками – наиболее мощными способностями. Игры жанра МОВА требуют от пользователей стратегического мышления, тактической подготовки и социальной координации. Они также предлагают бесконечное количество возможностей для исследования игрового пространства и взаимодействия с другими игроками со всего мира.

Компьютерные игры жанра ММО в большей степени подразумевают одиночный режим игры, однако в некоторых приложениях возможна игра с другими пользователями. ММО-игры предоставляют возможность игрокам создавать свои профили, присоединяться к группам и общаться в чатах, что придает играм жанра ММО статус социальных сетей. Таким образом, игры указанного жанра предлагают бесконечное количество возможностей для исследования и развития виртуального мира игры. Подростки могут принимать участие в соревнованиях, турнирах и других мероприятиях, организованных разработчиками игры или игроками. Необходимо отметить, что в исследуемых жанрах компьютерных игр присутствует так называемая виртуальная экономика: пользователи имеют свою игровую валюту, при помощи которой могут приобретать игровые инструменты для своих персонажей и создания игрового пространства.

Методология, методы и материалы исследования

Методологическую основу исследования составили отечественные и зарубежные теории и концепции, обеспечивающие наиболее полное и целостное описание объекта и предмета исследования. Проведение настоящего исследования осуществляется преимуще-

³ Змановская, Е. В. (2004). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия».

ственно в рамках культурно-исторической концепции Л. С. Выготского (Выготский, 2005).

Использовался комплекс научно-обоснованных методов, надежных и валидных методик, сгруппированных следующим образом:

- теоретический анализ литературных источников по проблемам социализации современных подростков в реальности и в киберпространстве;

- общепсихологические методы, принципы планирования и проведения эмпирических исследований;

- методики диагностического и исследовательского типа: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова); методика диагностики степени готовности к риску (А. М. Шуберт); методика диагностики мотивации успеха и мотивации боязни неудачи (А. А. Реан); методика смысловых ориентаций (Д. А. Леонтьев); методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач (Т. Элерс); методика диагностики личности на мотивацию к успеху (Т. Элерс); методика «Психологическая безопасность образовательной среды школы» (И. А. Баева); методика субъективной оценки ситуативной и личностной тревожности (Ч. Д. Спилбергер, адаптирована Ю. Л. Ханиным); методика диагностики социальной компетентности обучающегося (А. М. Прихожан); Томский опросник ригидности (Г. В. Залевский); методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орел);

- математико-статистические методы обработки эмпирических данных: процедуры описательной статистики, корреляционный анализ, подсчет t-критерия для независимых выборок, дисперсионный анализ. Обработка данных и статистический анализ результатов проводился в системе IBM SPSS 25.0.

Исследование проводилось на базе школ г. Ярославля и Ярославской области. Соответствие эмпирических результатов общепринятым научным критериям достигалось в том числе путем использования репрезентативных выборок испытуемых. В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 1093 школьника в возрасте от 14 до 17 лет.

При планировании дизайна экспериментального исследования использовалась факторная схема планирования. Межгрупповым фактором выступила принадлежность испытуемых к группам:

- в группу I вошли испытуемые, которые предпочитают игры жанра ММО;

- в группу II вошли испытуемые, которые предпочитают игры жанра МОВА.

Процедура исследования. Опишем полный алгоритм проведения эмпирического исследования психологических особенностей социализации и социальной адаптации подростков в условиях цифровизации. Перед началом работы исследователь ознакомился

с классными коллективами и устанавливал контакт. В процессе исследования работа велась в групповой форме в отдельном помещении образовательной организации. На первом (описываемом) этапе проводилось тестирование (методическое обеспечение представлено выше) со всей выборкой испытуемых, участвующих в исследовании. Работа велась с необходимыми перерывами для отдыха; общее время выполнения заданий на данном этапе составляло от 40 до 180 минут. Полученные данные подверглись статистической обработке и дальнейшей интерпретации.

Результаты исследования

В ходе применения процедуры описательной статистики были установлены основные статистические параметры, которыми можно описать имеющееся распределение данных. Оно носит характер, близкий к нормальному распределению (табл. 1).

Обозначения: Т – общий индекс толерантности; М – мотивация на успех и мотивация боязни неудач;

Таблица 1. Описательные статистики

Table 1. Descriptive statistics

	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартные отклонения
Возраст	12,00	16,00	13,31	0,64
Пол	0,00	1,00	0,59	0,49
Т	3,00	102,00	72,30	16,42
КК	1,00	3,00	2,70	0,57
ЭК	1,00	3,00	2,13	0,77
ПК	1,00	3,00	2,37	0,70
ПБ	1,00	3,00	2,22	0,64
М	2,00	19,00	11,48	3,66
ЦЖ	2,00	39,00	24,24	7,94
ПЖ	7,00	41,00	24,83	7,81
РЖ	5,00	33,00	22,10	6,85
ЛКЯ	6,00	28,00	17,91	5,59
ЛКЖ	7,00	47,00	26,91	7,18
СЖО	22,00	123,00	68,42	20,14
МН	4,00	24,00	14,67	4,00
МУ	7,00	25,00	15,76	4,09
Р	-44,00	87,00	-4,38	20,27
РТ	10,00	68,00	36,77	14,24
ЛТ	5,00	67,00	41,37	13,73
СК	37,00	101,00	62,58	11,77
ОР	73	194	133,5	24,58
СОП_ШУ	52	60	56,3	31,4
СОП_ШП	61	68	64,4	29,9
СОП_ША	60	69	65,12	0,54
СОП_ШС	59	67	63,8	23,789
СОП_ШАН	56	71	64,87	7,45
СОП_ШВ	62	64	63	4,49
СОП_ШД	55	70	62,55	
Игра	1,00	2,00	1,44	0,50
СС	1,00	6,00	2,00	1,30

КК – когнитивная компетентность, ЭЖ – эмоциональная компетентность; ПК – поведенческая компетентность; ПБ – психологическая безопасность; ЦЖ – цели в жизни; ПЖ – процесс жизни; РЖ – результативность жизни; ЛКЯ – локус контроля – Я; ЛКЖ – локус контроля – жизнь; СЖО (смысложизненные ориентации) – общий показатель осмысленности жизни; МН – мотивация к избеганию неудач; МУ – мотивация к успеху; Р – степень готовности к риску; РТ – реактивная тревожность; ЛТ – личностная тревожность; СК – социальная компетентность; ОР – общая ригидность; СОП_ШУ – шкала установки на социально-желательные ответы; СОП_ШП – шкала склонности к преодолению норм и правил; СОП_ША – шкала склонности к аддиктивному поведению; СОП_ШС – шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению; СОП_ШАН – шкала склонности к агрессии и насилию; СОП_ШВ – шкала волевого контроля эмоциональных реакций; СОП_ШД – шкала склонности к делинквентному поведению; Игра – компьютерная игра, СС – социальная сеть.

В ходе статистической обработки данных применялся корреляционный анализ для определения характера и силы связи между исследуемыми параметрами. Анализируя взаимосвязи психологических особенностей социализации подростков, которые составили группу I (участники исследования, предпочитающие игры жанра ММО), мы наблюдаем определенные закономерности. Обсудим наиболее значимые из них, с нашей точки зрения.

– Сильная прямая связь между целями жизни и когнитивным компонентом ($r = ,364, p < 0,01$). Чем больше у подростка осмысленности в жизненных целях, их направленности, понимания временных перспектив, тем больше подросток имеет знаний и представлений о том, что школа развивает его личность, интеллект и способности. Полученные данные могут быть объяснены тем, что когнитивный компонент предполагает оценку и осмысление таких объектов познания, как мир, люди, собственная личность. Под этим понимается восприятие и понимание подростком своей жизнедеятельности, и понимание тем больше, чем яснее для подростка его будущее (Patchin & Hinduja, 2017; Memon et al., 2018).

– Сильная прямая связь между процессом жизни и мотивацией ($r = ,519, p < 0,01$). Чем больше подросток воспринимает процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, тем больше он вовлечен в различные сферы своей жизни, что позволяет ему с большей успешностью реализовывать себя, повышая тем самым уровень субъективности. Таким образом, инициативность подростка, желание учиться, развиваться, добиваться целей напрямую зависит от удовлетворенности жизнью в настоящем.

– Прямая связь между когнитивным компонентом и мотивацией ($r = ,301, p < 0,05$). Чем больше подросток понимает значимость обучения, интеллектуальной работы, тем больше у него желания к успешности в своей деятельности. Полученные данные могут быть объяснены тем, что когнитивный компонент проявляется в принятых личностью моральных ценностях, выработанных убеждениях, вкусах, склонностях, идеалах. Если в процессе получения подростком знаний у него не возникает противоречий и сомнений в их необходимости, то мотив поиска контактов, сотрудничества и сфер интереса будет высоким.

– Прямая связь между общим показателем смысложизненных ориентаций и мотивацией успеха ($r = ,382, p < 0,05$). Чем больше у подростка выражено ощущение успешности себя и чем выше ощущение удовлетворенности от нынешнего устройства жизни (выраженность общего индекса смысложизненных ориентаций), тем больше он ориентирован на результативность своей деятельности. Соответственно, можно утверждать, что подростки, которые помнят свои прошлые ошибки, знают настоящие успехи и удовлетворены ими, больше ориентируются на результат деятельности.

– Прямая связь между выбором социальной сети и психологической безопасностью ($r = ,097, p < 0,05$). Подростки в интернет-сетях предпочтительно выбирают ту, в которой можно действовать, не опасаясь негативных последствий, связанных с самооценкой или статусом. В психологически безопасных группах подростки чувствуют себя оцененными по достоинству и уважаемыми, что позволяет им взаимодействовать без межличностных рисков (Реан, Коновалов, Кузьмин, 2021).

– Прямая связь между выбором социальной сети и поведенческой компетентностью ($r = ,132, p < 0,05$). Чем больше подростку нравится социальная сеть, в которой он взаимодействует с другими пользователями, тем больше в ней подросток раскрывает суть имеющихся у него моральных норм, отношения к людям, к учебе, к материальным и духовным ценностям (Varela et al., 2019). Чувствуя в социальной сети угрозу, подросток не станет использовать те поведенческие формы, которые полностью выражали бы его нравственное восприятие и чувства.

– Сильная прямая связь между целями в жизни и эмоциональным компонентом ($r = ,449, p < 0,01$). Наличие у подростка жизненных целей, планов, определенности напрямую влияют на жизнерадостность подростка, значимость для него социальных контактов, готовность реагировать и проявлять чувства. Таким образом, цели жизни подростка направляют его, помогают сохранить и развить внутреннюю организованность, способствуют эмоциональной устойчивости и готовности вступать в отношения.

– Прямая связь между поведенческой компетентностью и результатом жизни ($r = ,336, p < 0,05$). Чем выше у подростка сформированность полезных поведенческих критериев, чем больше развиты общественно значимые личностные качества, тем больше подросток ощущает продуктивность и осмысленность прожитой части жизни. Полученные нами данные могут быть объяснены тем, что предпочтительное и поощряемое поведение способствует большей удовлетворенности жизни в целом.

Анализируя закономерности, полученные в группе II (участники исследования, предпочитающие игры жанра МОВА), можно выявить определенные взаимосвязи:

– Прямая связь между когнитивным компонентом и процессом жизни ($r = ,387, p < 0,05$). Чем больше у подростка осмысление таких объектов познания, как мир, люди, собственная личность, тем больше он воспринимает процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Полученные данные могут быть объяснены тем, что интересный, увлекательный учебный процесс может способствовать проявлению у подростка интереса и к другим сферам его жизни.

– Прямая связь между когнитивным компонентом и целями в жизни ($r = ,385, p < 0,05$). Чем яснее и понятнее для подростка его будущее, чем больше осмысленности в жизненных целях, тем больше подросток имеет знаний и представлений о том, что школа развивает его личность, интеллект и способности.

– Обратная связь между когнитивным компонентом и степенью готовности к риску ($r = -,320, p = 0,05$). Чем выше степень восприятия, интерпретации и понимания подростком своей жизнедеятельности, тем ниже у него степень готовности к рискованному поведению. Полученные данные могут быть объяснены тем, что свойство личностной саморегуляции, проявляемое подростком при принятии решений и выборе стратегий действия в условиях неопределенности, менее развито при владении подростком аналитическими навыками, общими и специфическими знаниями, при способности к организации самостоятельной познавательной деятельности.

– Прямая связь между эмоциональным компонентом и целями в жизни ($r = ,379, p < 0,05$). Это означает, что жизнерадостность подростка, значимость для него социальных контактов, готовность реагировать и проявлять чувства способствуют постановке жизненных целей, планов.

– Сильная прямая связь между эмоциональным компонентом и процессом жизни ($r = ,544, p < 0,01$). Чем больше у подростка развито переживание отношения к окружающему миру, к деятельности, к себе и другим, тем больше у него эмоциональная насыщенность жизни. Это говорит о том, что готовность подростка чувствовать, выражаться, проявлять эмпатию, привя-

занность, любовь, испытывать и противоположные по знаку чувства – антипатию, гнев, вражду, влияет на наполненную смыслами жизнь подростка.

– Прямая связь между эмоциональным компонентом и результатом жизни ($r = ,387, p = 0,05$). Чем выше у подростка способность к переживаниям эмоций и чувствованию, тем больше он ощущает результативность своей жизни, собственную продуктивность и реализацию.

– Прямая связь между когнитивным компонентом и общим показателем смысложизненных ориентаций ($r = ,396, p < 0,05$). Чем эффективнее у подростка проходит процесс самоопределения, тем сильнее ощущение успешности себя, удовлетворенности жизнью, тем лучше понимается связь смысла жизни с будущим, настоящим и прошлым. Полученные данные могут быть объяснены тем, что смысложизненные ориентации формируются в социокультурной среде при усвоении социального опыта (Machimbarrena et al., 2018), на что непосредственно влияет способность подростка анализировать и интерпретировать различные ситуации его жизни.

– Прямая связь между поведенческой компетентностью и процессом жизни ($r = ,368, p < 0,05$). Чем сильнее выражены потребности и мотивы, детерминирующие процесс выбора стратегий и тактик поведения подростка по отношению к значимым элементам ситуации, в том числе к людям и самому себе, тем выше у подростка интерес к жизни в настоящем моменте.

– Прямая связь между поведенческим компонентом и результатом жизни ($r = ,338, p < 0,05$). Чем выше у подростка сформированность полезных поведенческих критериев, чем лучше развиты общественно значимые личностные качества, тем отчетливее подросток ощущает продуктивность и осмысленность прожитой части жизни.

– Сильная прямая связь между психологической безопасностью и процессом жизни ($r = ,524, p < 0,01$). Основанное на групповой норме отсутствие у подростка страха в общении и замене его уважением и доверием способствует появлению удовлетворенности жизнью, вовлечению в процесс.

– Прямая связь между психологической безопасностью и результатом жизни ($r = ,351, p = 0,05$). Чем лучше состояние среды (в которой находится подросток), свободной от проявления насилия во взаимодействии, способствующей удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающей референтную значимость и причастность среды, обеспечивающей благополучие, развитие и достижение самореализации, тем ярче подростком ощущается продуктивность, важность, осмысленность прожитой части жизни.

– Прямая связь между психологической безопасностью и общим показателем смысложизненных ориентаций ($r = ,374, p < 0,05$). Чем больше подросток

чувствует защищенность от информационного, физического, социально-педагогического и психологического воздействия, тем благоприятнее складывается его личностное развитие. Полученные данные могут быть объяснены тем, что создание особой поддерживающей среды, гармонизирующей психологическое здоровье участников образовательного процесса, способствует образованию предпосылок к согласованной и непротиворечивой системе жизненных целей и планов подростка (Реан, Коновалов, 2021).

– Обратная связь между показателем локуса контроля «Я» и мотивацией к избеганию неудач ($r = -.312$, $p < 0,05$). Чем выше представление подростка о себе как о сильной личности, обладающей достаточной

свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями, задачами, тем ниже у него страх совершить ошибку или потерпеть неудачу (Rogers, Rumley, & Lovatt, 2019). Полученные данные могут быть объяснены тем, что представления подростка о смысле своей жизни поддерживают и направляют его поведение, влияют на успешность деятельности.

Целесообразно сделать вывод о том, что именно корреляционный анализ проблемы психологических особенностей социализации подростков как субъектных детерминант социализации подростков в условиях цифровой реальности позволяет выявить такие свойства подростков, которые проявляются и действуют целостно, как единая структура (Реан, Шевченко, 2022).

В ходе статистического анализа результатов были выявлены различия между исследуемыми группами подростков путем применения дисперсионного анализа. В таблице 2 представлены результаты однофакторного дисперсионного анализа. Полученные данные позволяют определить, что исследуемые особенности социализации подростков имеют статистически значимые различия в исследуемых группах.

Результаты дисперсионного анализа показали, что между исследуемыми группами подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра ММО, и подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра МОБА, обнаружены статистически значимые различия по параметру «психологическая безопасность» ($F=8,134$, $p<0,01$). У подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра МОБА, субъективный уровень ощущения психологической безопасности ниже, чем у подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра ММО. Данный факт можно объяснить тем, что игры жанра МОБА – это «боевая арена онлайн»: команды сражаются друг с другом; часто присутствует жестокость и агрессивность, адресованная противнику. В играх жанра МОБА главная задача – победить соперника (Hussain & Griffiths, 2018; Brighi et al., 2019), то есть на каждом пользователе лежит ответственность за исход игры (за действия, ведущие к поражению команды, игрока его же товарищи могут пристыдить и унижить, что снижает чувство защищенности и неприкосновенности).

Обнаружены различия по параметру «мотивация к достижению успеха» ($F = 4,533$, $p < 0,05$). У подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра МОБА, мотивация к достижению успеха выше, чем у подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра ММО. Данный факт можно объяснить тем, что желание победить противника для подростка имеет большое значение. Соответственно, чем лучше играет подросток (чем больше побед), тем выше его рейтинг в игре и тем выше его самооценка.

В ходе дисперсионного анализа было установлено, что существуют статистически значимые различия

Таблица 2. Средние значения переменных и результаты дисперсионного анализа в группах подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра ММО, и подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра МОБА

Table 2. Mean values of variables and results of analysis of variance in groups of adolescents who prefer MMO computer games and adolescents who prefer MOBA games

№ п/п	Психологические особенности социализации подростков	F-критерий	Уровень значимости
1	Общий индекс толерантности	F=2,348	p=0,47
2	Мотивация к успеху	F=8,134	p=0,01
3	Мотивация избегания неудачи	F=15,726	p=0,05
4	СЖО	F=3,104	p=0,23
5	Психологическая безопасность	F=21,289	p=0,01
6	Степень готовности к риску	F=4,533	p=0,05
7	Реактивная тревожность	F=34,5	p=0,645
8	Личностная тревожность	F=6,412	p=0,783
9	Общая ригидность	F=21,091	p=0,001
10	Склонность к преодолению норм и правил	F=11,254	p=0,05
11	Склонность к аддиктивному поведению	F=8,243	p=0,05
12	Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	F=10,478	p=0,01
13	Склонность к агрессии и насилию	F=7,4	p=0,05
14	Волевой контроль эмоциональных реакций	F=21,091	p=0,001
15	Склонность к делинквентному поведению	F=6,342	p=0,2
16	Социальная сеть	F=7,945	p=0,541

между исследуемыми группами по параметру «мотивация избегания неудачи» ($F = 15,726$, $p < 0,05$). У подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра MOBA, мотивация избегания неудачи выше, чем у подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра MMO. Данный факт можно предположить, потому что в играх жанра MOBA нельзя подводить команду (нельзя закончить игру раньше остальных).

За выход из игры предполагаются различного рода санкции: блокирование, снижение рейтинга. Это, в свою очередь, способствует снижению боязни поражения команды для подростка, так как игра кооперативная и каждый вносит свой вклад в ее исход.

Установлены различия по параметру «степень готовности к риску» ($F = 21,289$, $p < 0,01$). У подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра MOBA, степень готовности к риску выше, чем у подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра MMO. Данный факт можно объяснить тем, что в играх жанра MOBA подросток не просто воспринимает некий контент, но активно действует, управляя игровым персонажем (Dirksen, Ditommaso, & Plunkett, 2019). Поэтому и идентификация с персонажем, совершающим агрессивные действия, становится более сильной (Дозорцева, Кирюхина, 2020). К тому же в этих играх часто агрессивное поведение подкрепляется вознаграждением (Freedman, Dayan, & Eitan, 2022; Rasskazova & Soldatova, 2019), что способствует закреплению такого способа действия и значительно увеличивает степень готовности к рискованному поведению подростка.

Выводы

Обнаружены статистически значимые различия между параметрами социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков, предпочитающих разные жанры компьютерных игр. Так, для подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра MOBA, характерны высокие показатели мотивационной основы деятельности, показатели степени готовности к риску, а также общей ригидности. Волевой контроль эмоциональных реакций в данной группе существенно ниже, чем в группе подростков, предпочитающих жанр MMO. В целом для подростков, предпочитающих компьютерные игры жанра MMO, характерны низкие показатели мотивационной основы деятельности, а также параметры готовности к риску. Таким образом, подростки, предпочитающие игры жанра MOBA – «боевой арены онлайн» – в большей степени склонны к отклоняющемуся поведению.

Проведенное эмпирическое исследование психологических особенностей, а именно социальной адаптации, и отклоняющегося поведения подростков в условиях цифровизации может быть перспективным в дальнейшей научной и практической работе в области киберпсихологии.

Результаты проведенного исследования позволяют осознать необходимость дальнейшего изучения процесса цифровой трансформации общества как катализатора формирования «новой социальности» – цифровой, в рамках которой подростки-активные пользователи сталкиваются как с позитивными, так и с деструктивными онлайн-практиками.

Список литературы

- Адамчук, Д. В., Дозорцева, Е. Г., Ениколопов, С. Н. и др., Реан, А. А. (ред.) (2016). *Психология девиантности. Дети. Общество. Закон*: монография. Москва: Юнити-Дана.
- Выготский, Л. С. (2005). *Психология развития человека*. Москва: Смысл; Эксмо.
- Дозорцева, Е. Г., Кирюхина, Д. В. (2020). Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков. *Прикладная юридическая психология*, 1, 80–87. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1\(50\).080-087](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1(50).080-087)
- Карпов, А. В. (2021а). *Методологические основы психологического анализа информационной деятельности*: монография. Ярославль: Филигрань.
- Карпов, А. В. (2021б). *Структура и сущность субъективной реальности: В 2 томах. Том 1. Сенсорика. Процессы. Сознание*. Ярославль: Филигрань.
- Комлев, Ю. Ю. (2020). Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 1 (39), 31–40. <https://doi.org/10.24420/KUI.2020.39.1.00>
- Нестик, Т. А. (2018). Отношение к глобальным рискам у геймеров с разным предпочитаемым типом компьютерных игр. *Психологические исследования*, 11 (62), 1. <http://psystudy.ru/index.php/179-v11n62/1649-nestik62.html>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А. (2021). Оценка педагогами подростковой агрессивности: социально-перцептивные аспекты и готовность к вмешательству. *Российский девиантологический журнал*, 1 (2), 276–295. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>
- Реан, А. А., Коновалов, И. А., Кузьмин, Р. Г. (2021). Анализ лучших практик поддержки семьи и детства в современной России: проблема доказанной эффективности. *Педагогика*, 4 (85), 47–59.
- Реан, А. А., Шевченко, А. О. (2022). Геймификация для развития эмпатии и профилактики буллинга как формы девиантного поведения. *Российский девиантологический журнал*, 2 (3), 288–298. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-288-298>

- Серебренникова, А. В. (2020). Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология). *Всероссийский криминологический журнал*, 14 (3), 423–430. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).423-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430)
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*: монография. Москва: Смысл.
- Brighi, A., Menin, D., Skrzypiec, G., Guarini, A. (2019). Young, bullying, and connected. Common pathways to cyberbullying and problematic internet use in adolescence. *Frontiers in Psychology*, 10, 1467. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01467>
- Dirksen, J., & Ditommaso, D., & Plunkett, C. (2019). Augmented and Virtual Reality for Behavior Change. *The Learning Guild*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23504.35842>
- Freedman, S. A., Dayan, E., Eitan, R. (2022). An internet based virtual reality intervention for preventing posttraumatic stress disorder. *Front. Virtual Real*, 3. <https://doi.org/10.3389/frvir.2022.831051>
- Holdnack, J. A. (2019). The development, expansion, and future of the WAIS-IV as a cornerstone in comprehensive cognitive assessments. In *Handbook of psychological assessment* (pp. 103–139). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802203-0.00004-3>
- Hussain, Z., & Griffiths, M. D. (2018). Problematic social networking site use and comorbid psychiatric disorders: A systematic review of recent large-scale studies. *Frontiers in Psychology*, 9, 686. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00686>
- Li, J. B., Mo, P. K. H., Lau, J. T. F. et al. (2018). Online social networking addiction and depression: The results from a large-scale prospective cohort study in Chinese adolescents. *Journal of Behavioral Addictions*, 7 (3), 686–696. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.69>
- Machimbarrena, J. M., Calvete, E., Fernández-González, L., Álvarez-Bardón, A., Álvarez-Fernández, L., & González-Cabrera, J. (2018). Internet risks: An overview of victimization in cyberbullying, cyber dating abuse, sexting, online grooming and problematic Internet use. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15 (11). <https://doi.org/10.3390/ijerph15112471>
- Memon, A. M., Sharma, S. G., Mohite, S. S., & Jain, S. (2018). The role of online social networking on deliberate self-harm and suicidality in adolescents: A systematized review of literature. *Indian Journal of Psychiatry*, 60 (4), 384–392. https://doi.org/10.4103/psychiatry.IndianJPsychiatry_414_17
- Patchin, J. W., Hinduja, S. (2017). Digital Self-Harm among Adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 61 (6), 761–766. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.06.012>
- Rogers, M., Rumley, T., & Lovatt, G. (2019). The Change Up Project: Using Social Norming Theory with Young People to Address Domestic Abuse and Promote Healthy Relationships. *Journal of Family Violence*, 34, 507–519. <https://doi.org/10.1007/s10896-018-0026-9>
- Rasskazova, E., & Soldatova, G. (2019). Digital Socialization of Russian Adolescents: Internet as Constant Dimension of Any Activities. In T. Martsinkovskaya, & V. R. Orestova (Eds.), *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*, vol 64. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 693-701). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.90>
- Suler, J. (2004). The Online Disinhibition Effect. *Cyberpsychology & Behavior*, 7(3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Varela, J. J., Sirlopú, D., Melipillán, R., Espelage, D., Green, J., & Guzmán, J. (2019). Exploring the influence school climate on the relationship between school violence and adolescent subjective well-being. *Child Indicators Research*, 12 (6), 2095–2110. <https://doi.org/10.1007/s12187-019-09631-9>

References

- Adamchuk, D. V., Dozorcheva, E. G., Enikolopov, S. N. i dr., Rean, A. A. (red.) (2016). *Psichologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon*: monografiya. Moscow: Yuniti-Dana.
- Vygotskij, L. S. (2005). *Psichologiya razvitiya cheloveka*. Moscow: Smysl; Eksmo.
- Dozorcheva, E. G., Kiryuhina, D. V. (2020). Kiberbulling i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu u podrostkov. *Prikladnaya yuridicheskaya psichologiya*, 1, 80–87. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1\(50\).080-087](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1(50).080-087)
- Karpov, A. V. (2021a). *Metodologicheskie osnovy psichologicheskogo analiza informacionnoj deyatel'nosti*: monografiya. Yaroslavl': Filigran.
- Karpov, A. V. (2021b). *Struktura i sushchnost' sub'ektivnoj real'nosti*: V 2 tomah. Tom 1. Sensorika. Processy. Soznanie. Yaroslavl': Filigran.
- Komlev, Yu. Yu. (2020). Cifrovizaciya, setevizaciya obshchestva postmoderna i razvitie cifrovoi kriminologii i deviantologii. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (39), 31–40. <https://doi.org/10.24420/KUI.2020.39.1.00>
- Nestik, T. A. (2018). Otnoshenie k global'nym riskam u gejmerov s raznym predpochitaemym tipom komp'yuternyh igr. *Psichologicheskie issledovaniya*, 11 (62), 1. <http://psystudy.ru/index.php/179-v11n62/1649-nestik62.html>
- Rean, A. A., Kononov, I. A. (2021). Ocenka pedagogami podrostkovoj agressivnosti: social'no-perceptivnye aspekty i gotovnost' k vmeshatel'stvu. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (2), 276–295. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-2-276-295>

- Rean, A. A., Konovalov, I. A., Kuz'min, R. G. (2021). Analiz luchshih praktik podderzhki sem'i i detstva v sovremennoj Rossii: problema dokazannoj effektivnosti. *Pedagogika*, 4 (85), 47–59.
- Rean, A. A., Shevchenko, A. O. (2022). Gejmifikaciya dlya razvitiya empatii i profilaktiki bullinga kak formy deviantnogo povedeniya. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (3), 288–298. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-288-298>
- Serebrennikova, A. V. (2020). Kriminologicheskie problemy cifrovogo mira (cifrovaya kriminologiya). *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 14 (3), 423–430. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14\(3\).423-430](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020.14(3).423-430)
- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Nestik, T. A. (2017). *Cifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'*: monografiya. Moscow: Smysl.
- Brighi, A., Menin, D., Skrzypiec, G., Guarini, A. (2019). Young, bullying, and connected. Common pathways to cyberbullying and problematic internet use in adolescence. *Frontiers in Psychology*, 10, 1467. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01467>
- Dirksen, J., & Ditommaso, D., & Plunkett, C. (2019). Augmented and Virtual Reality for Behavior Change. *The Learning Guild*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23504.35842>
- Freedman, S. A., Dayan, E., Eitan, R. (2022). An internet based virtual reality intervention for preventing posttraumatic stress disorder. *Front. Virtual Real*, 3. <https://doi.org/10.3389/frvir.2022.831051>
- Holdnack, J. A. (2019). The development, expansion, and future of the WAIS-IV as a cornerstone in comprehensive cognitive assessments. In *Handbook of psychological assessment* (pp. 103–139). Academic Press. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802203-0.00004-3>
- Hussain, Z., & Griffiths, M. D. (2018). Problematic social networking site use and comorbid psychiatric disorders: A systematic review of recent large-scale studies. *Frontiers in Psychology*, 9, 686. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00686>
- Li, J. B., Mo, P. K. H., Lau, J. T. F. et al. (2018). Online social networking addiction and depression: The results from a large-scale prospective cohort study in Chinese adolescents. *Journal of Behavioral Addictions*, 7 (3), 686–696. <https://doi.org/10.1556/2006.7.2018.69>
- Machimbarrena, J. M., Calvete, E., Fernández-González, L., Álvarez-Bardón, A., Álvarez-Fernández, L., & González-Cabrera, J. (2018). Internet risks: An overview of victimization in cyberbullying, cyber dating abuse, sexting, online grooming and problematic Internet use. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15 (11). <https://doi.org/10.3390/ijerph15112471>
- Memon, A. M., Sharma, S. G., Mohite, S. S., & Jain, S. (2018). The role of online social networking on deliberate self-harm and suicidality in adolescents: A systematized review of literature. *Indian Journal of Psychiatry*, 60 (4), 384–392. https://doi.org/10.4103/psychiatry.IndianJPsychiatry_414_17
- Patchin, J. W., Hinduja, S. (2017). Digital Self-Harm among Adolescents. *Journal of Adolescent Health*, 61 (6), 761–766. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.06.012>
- Rogers, M., Rumley, T., & Lovatt, G. (2019). The Change Up Project: Using Social Norming Theory with Young People to Address Domestic Abuse and Promote Healthy Relationships. *Journal of Family Violence*, 34, 507–519. <https://doi.org/10.1007/s10896-018-0026-9>
- Rasskazova, E., & Soldatova, G. (2019). Digital Socialization of Russian Adolescents: Internet as Constant Dimension of Any Activities. In T. Martsinkovskaya, & V. R. Orestova (Eds.), *Psychology of Subculture: Phenomenology and Contemporary Tendencies of Development*, vol 64. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 693–701). Future Academy. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.07.90>
- Suler, J. (2004). The Online Disinhibition Effect. *Cyberpsychology & behavior*, 7 (3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Varela, J. J., Sirlópu, D., Melipillán, R., Espelage, D., Green, J., & Guzmán, J. (2019). Exploring the influence school climate on the relationship between school violence and adolescent subjective well-being. *Child Indicators Research*, 12 (6), 2095–2110. <https://doi.org/10.1007/s12187-019-09631-9>

Информация об авторе:

Анастасия Александровна Волченкова – преподаватель кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидат психологических наук.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.04.2023

Одобрена после рецензирования 10.05.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Anastasia A. Volchenkova – Lecturer at the Department of Occupational and Organizational Psychology Yaroslavl State University P. G. Demidova, Ph.D. in psychology.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 17, 2023

Approved after reviewing May 10, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 159.9:316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-155-172

Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструкт и опросник

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. Изучение религиозной радикализации является важным аспектом противодействия разжиганию вражды и пропаганде насилия среди российской молодежи. Современные научные представления о религиозной радикализации характеризуются многоплановостью теоретических и методологических оснований. Концепции радикализации разрабатываются в теоретическом ключе, не всегда подвергаясь операционализации. Как следствие, не представлена модель (конструкт) радикализации, применимая для создания инструментов ее психологической диагностики.

Целью исследования выступают верификация теоретической модели религиозной радикализации и разработка на ее основе опросника для измерения риска религиозной радикализации молодежи через изучение отношения к религии и верующим.

Предполагается, что религиозная радикализация формируется под влиянием социального окружения на представления субъекта о значении религии и верующих для общества и государства. На основе анализа теоретических знаний о радикализации, фактов и сведений о деятельности деструктивных религиозных и экстремистских сообществ предлагается модель религиозной радикализации, включающая шесть убеждений: об исключительной значимости религии, религиозных лидеров и верующих (сакрализация и клерикализация), необходимости защищать их от изменений, вмешательства неверующих либо представителей другого вероисповедания (фундаментализм и ксенофобия), поддерживать отношения только с представителями конкретного религиозного объединения, в том числе в вопросах образования, культурного и социального развития, игнорировать или не соблюдать обязанности, законы и правила (социализация и дискриминация).

Методология, методы и методики. Методологическим основанием исследования выступают социально-психологический подход в изучении познания человеком общества (Г. М. Андреева), эмпирические концепции религиозной радикализации индивида и группы (A. W. Kruglanski, N. Ellemers, A. R. Schmidt, и др.).

Эмпирическое исследование нацелено на проверку теоретической модели религиозной радикализации; разработку и верификацию опросника для изучения риска религиозной радикализации.

Методом сбора информации выступает анкета «Религиозная радикализация», структурно соответствующая теоретической модели радикализации, включающая 90 вопросов, сгруппированных в шесть шкал, а также индикаторы религиозного самоопределения и религиозного поведения.

Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, корреляционный, однофакторный дисперсионный анализ и конфирматорный анализ.

Выборка исследования: 874 человека, разделенных на российскую (n=336 человек), киргизскую (268 человек) и узбекскую (n=270 человек) подвыборки молодежи.

Результаты: посредством конфирматорного факторного анализа результатов опроса национальных выборок скорректирована теоретическая модель радикализации молодежи. Определено, что наилучшими структурными характеристиками для российской выборки обладает трехфакторная эмпирическая модель ($\chi^2=216,5$, $df=87$, $p<0,0001$, $RMSEA=0,067$, $p=0,008$ ($RMSEA\ CI\ 90\% = 0,056-0,078$), $CFI=0,949$, $TLI=0,95$). Модель состоит из трех шкал теоретической модели («Клерикализация», «Дискриминация», «Ксенофобия»), но включает утверждения из других шкал теоретической модели («Сакрализация», «Фундаментализм», «Социализация»).

Вторым результатом стала верификация опросника для изучения риска религиозной радикализации российской молодежи. Опросник состоит из 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы, обладает удовлетворительными показателями надежности по критерию внутренней согласованности и интеркорреляциями (Кронбах α «Клерикализация» = 0,89, $r=0,63$, $p<0,001$; «Дискриминация» = 0,76, $r=0,38$, $p<0,001$; «Ксенофобия» = 0,81, $r=0,46$, $p<0,001$).

Научная новизна. Полученные данные расширяют представление о социально-психологических предпосылках религиозной радикализации, демонстрируют совокупность убеждений, которые могут побуждать к нетерпимому отношению молодежи к религии и верующим.

Практическая значимость. Представленная методика может использоваться в научно-исследовательских целях изучения предпосылок религиозной радикализации молодежи.

Ключевые слова

радикализация, религиозный экстремизм, психология экстремизма, диагностика радикализации, ксенофобия

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2023). Измерение риска религиозной радикализации молодежи: конструкт и опросник. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 155–172. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-155-172.

Original paper

Measuring the risk of religious radicalisation of young people: construct and questionnaire

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Abstract

Introduction. The study of religious radicalisation is an important aspect of counteracting the incitement of hostility between different groups and communities and reducing the level of violence in Russian society. Modern scientific ideas are characterised by multiple meanings that do not effectively counteract the negative impact on young people's attitudes towards religion and the believers. Academic literature describes concepts and models of radicalisation that differ in theoretical and methodological foundations, based mainly on the material of foreign studies. This situation makes it impossible to develop a construct of radicalisation that could be operationalised for diagnosing the risk of religious radicalisation of Russian youth.

The purpose of the research is to verify the theoretical model (construct) of religious radicalisation, as well as to develop a questionnaire based on it, which makes it possible to measure the risk of religious radicalisation of young people through the study of attitudes towards religion and believers.

It is supposed that religious radicalisation is formed under the influence of the social environment on the subject's perceptions of the importance of religion and believers for society and the state. Based on the analysis of theoretical knowledge about radicalisation, facts and information about the activities of destructive religious and extremist communities, a model of religious radicalisation is proposed, including six statements: about the exclusive importance of religion, religious leaders and believers (sacralisation and clericalisation), the need to protect them from changes, interference of non-believers or representatives of another religion (fundamentalism and xenophobia), to maintain relations only with representatives of a particular religious association, including in matters of education, cultural and social development, ignoring or failing to comply with obligations, laws and regulations (socialisation and discrimination).

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the research is the socio-psychological approach in the study of human cognition of society (G.M. Andreeva), empirical concepts of religious radicalisation of individuals and groups (A.W. Kruglanski, N. Ellemers, A. R. Schmidt, etc.).

The empirical research is aimed at testing the theoretical model of religious radicalisation; development and verification of a questionnaire to study the risk of religious radicalisation.

The method of data collection is the questionnaire «Religious radicalisation», structurally corresponding to the theoretical model of radicalisation, including 90 questions grouped into six scales, as well as indicators of religious self-determination and religious behaviour.

Results processing method: descriptive statistics, correlation, one-factor analysis of variance and confirmatory analysis.

Research sample: 874 people divided into Russian (n=336 people), Kyrgyz (268 people) and Uzbek (n=270 people) sub-samples of young people.

Results: by means of confirmatory factor analysis of the results of the survey of national samples, the theoretical model of youth radicalisation was corrected. A three-factor empirical model was found to have the best structural characteristics for the Russian sample ($\chi^2=216.5$, $df=87$, $p<0.0001$, $RMSEA=0.067$, $p=0.008$ ($RMSEA\ CI\ 90\% = 0.056-0.078$), $CFI=0.949$, $TLI=0.95$). The model consists of three scales from the theoretical model ('Clericalisation', 'Discrimination', 'Xenophobia') but includes statements from other scales from the theoretical model ('Sacralisation', 'Fundamentalism', 'Socialisation').

The second result was the verification of a questionnaire to study the risk of religious radicalisation among Russian youth. The questionnaire consists of 15 statements, grouped into three scales, has satisfactory reliability values according to the internal consistency criterion and intercorrelations (Cronbach's α «Clericalisation» = 0.89, $r=0.63$, $p<0.001$; «Discrimination» = 0.76, $r=0.38$, $p<0.001$; Xenophobia = 0.81, $r=0.46$, $p<0.001$).

Scientific novelty. The received results expand the idea of socio-psychological preconditions of religious radicalisation, demonstrate a set of beliefs that can stimulate intolerant attitude of young people to religion and believers.

Practical significance. The presented methodology can be used for research purposes to study the preconditions of religious radicalisation of young people.

Keywords

radicalisation, religious extremism, psychology of extremism, radicalisation diagnosis, xenophobia

For citation: Zlokazov, K. V. (2023). Measuring the risk of religious radicalisation of young people: construct and questionnaire. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 155–172. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-155-172.

Актуальность исследования религиозной радикализации обусловлена несколькими предпосылками: во-первых, необходимостью гармонизации отношений между сообществами, различающимися своим отношением к религии и вероисповеданием; во-вторых, предупреждением правонарушений и преступлений экстремистской и террористической направленности, основанных на чувствах вражды и ненависти к верующим; в-третьих, необходимостью морального и нравственного развития российской молодежи, воспитания традиционных ценностей, гражданственности и патриотизма.

Повышение уровня религиозной радикализации молодежи способствует росту правонарушений и преступлений, совершаемых как верующими, так и в их отношении. Психологические исследования показывают, что даже согласие с радикальными идеями приводит к оправданию насилия и одобрению действий людей, которые его совершают. Опираясь на результаты мета-анализа исследований радикализации, М. Wolfowicz и соавторы утверждают, что поддержка радикальных идей молодежью является одним из этапов формирования у них готовности к применению насилия (Wolfowicz et al., 2020), поскольку в молодежной среде радикальные идеи легитимизируют насилие и побуждают агрессию к окружающим людям. В то же время, согласно позиции R.Ghosh и коллег, радикализация в отношении вопросов веры и религии может приводить к фор-

мированию острых и длительных социальных конфликтов (Ghosh et al., 2017).

Задачи предупреждения религиозной радикализации актуализируются в современных условиях расширения возможностей коммуникации и развития интернет-технологий использованием деструктивными религиозными, экстремистскими и террористическими сообществами мультимедийных и цифровых технологий для вовлечения молодежи в антиобщественную деятельность (Тагильцева и др., 2022).

Для организации превентивной работы с молодежью требуется применение эффективных методов психологической диагностики. Однако в российской практике при наличии методик, измеряющих предрасположенность личности к экстремистскому поведению (Давыдов, Хломов, 2017; Ситяева, Яремчук, 2019), недостаточно инструментов, определяющих предпосылки радикализации молодежи, в том числе по религиозным основаниям. Отчасти этому способствует отсутствие соответствующего теоретического конструкта. Поэтому в данной статье нами представляются результаты теоретического анализа научных взглядов на радикализацию молодежи, в ходе которого создана и эмпирически верифицирована теоретическая модель факторов риска радикализации.

Исследование осуществлено не только на российской выборке, в нем участвовали представители киргизской и узбекской молодежи. Обращение к этим национальным группам обусловлено, во-первых,

существенным значением, которое религия имеет для населения данных стран; во-вторых, негативным влиянием сообществ, искажающих представление киргизской и узбекской молодежи о религии и использующих его в экстремистских целях (Kuchkarov, 2020; Matveeva, 2018). Наконец, в этих странах был проведен первичный этап исследования (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022), в ходе которого была разработана первая версия модели религиозной радикализации и осуществлена ее операционализация. Полученный исследовательский опыт и собранный материал использовался при разработке российского варианта опросника.

Структура статьи соответствует ее цели и задачам. В теоретической части анализируются концепции религиозной радикализации и синтезируются представления о ее предпосылках. В эмпирической части верифицируется теоретическая модель и осуществляется эмпирическая проверка опросника риска радикализации. В завершающей части работы обсуждаются перспективы использования модели, возможности и направления использования актуализированной версии опросника религиозной радикализации.

Теоретические предпосылки исследования. Предпосылки религиозной радикализации объясняются несколькими теориями и концепциями, построенными на разных методологических основаниях, восходящих к единому феномену социальной интеграции молодежи в общество. К конкретным причинам радикализации причисляют неудачи в самопознании и построении социальной идентичности, изменения в представлениях о религии и верующих под влиянием социального окружения.

Каждая из причин имеет теоретическую аргументацию и достаточную эмпирическую поддержку. Так, проблемы построения образа «Я» на этапе социальной интеграции связываются с активным поиском групп и сообществ, упрощающих данный процесс (Roffey & Boyle, 2018). Поскольку радикальные сообщества учитывают данную особенность, они предоставляют своим участникам возможность построения социальной идентичности, к тому же удовлетворяющей потребность в признании и социальном одобрении (Kruglanski et al., 2018). По мнению Е. В. Рягузовой, причинами радикализации выступает утрата личностью собственного «Я». Неполноценный образ себя (образ «Я») замещается образом участника группы (образ «Мы»), становясь основой самосознания и мировосприятия. В результате гипертрофии «Мы» молодой человек утрачивает способность чувствовать другого и сопереживать ему (Рягузова, 2021).

Исследования формирования социальной идентичности молодежи указывают также на связь радикализации с неудачами в построении представления о себе (Hogg, 2021). Так, В. Altemeyer отмечает, что исламская молодежь европейских стран характеризуется высоким

уровнем религиозного эгоцентризма (Altemeyer, 2009). Причинами этому являются не только особенности вероисповедания, но, в первую очередь, противоречия в социальной идентификации мусульман-мигрантов и их сверстников-европейцев. Поскольку религия выступает основой самоопределения для мусульманской молодежи, в их представлении религиозная принадлежность выступает основанием для отнесения к категориям «Мы» и «Они» и, вслед за этим, – формированием отношения. Радикальное отношение заключается в признании и поддержке «своих» при нетерпимом или даже враждебном отношении к «чужим» (Карпетян, Тагильцева, 2017). В концепции социального влияния на радикализацию, предложенной А. Beelmann, предпосылками радикализации обозначены предрассудки в восприятии других людей, высокая религиозность, антисоциальные установки и опыт криминального поведения (Beelmann, 2020).

”

Повышение уровня религиозной радикализации молодежи способствует росту правонарушений и преступлений, совершаемых как верующими, так и в их отношении. Психологические исследования показывают, что даже согласие с радикальными идеями приводит к оправданию насилия и одобрению действий людей, которые его совершают

“

Важно подчеркнуть, что неудачи в построении социальной идентичности и радикальная религиозность проявляются у верующей молодежи с консервативными и фундаменталистскими взглядами. Так, Bartlett с соавторами приходят к выводу о том, что несоответствие норм поведения мусульманина европейскому образу жизни вызывает враждебное отношение к нему у молодежи (Bartlett, Birdwell, & King, 2010).

Влияние группы на радикализацию ее участников неоднократно подвергалось изучению. Как правило, к механизмам влияния относят давление группы на ее участника, заключающееся в призывах и убеждении (в том числе и угрозах) либо манипулировании

членством в группе. Все эти действия осуществляются под руководством лидеров и высокостатусных участников, а низкостатусные участники, как и новички, содействуют им в совершении правонарушений. Следует отметить, что подобный механизм более характерен для контактных групп и практически не встречается в виртуальных сообществах.

Более эффективным механизмом воздействия радикальной группы на ее участников является идеология. Она формирует образ врага, против которого нужно бороться, и предлагает средства, которыми это необходимо делать. Как отмечает А. W. Kruglanski, радикальная идеология дает участникам группы чувство принадлежности, значимости и уверенности (Kruglanski et al., 2018). Идеология является одним из важных атрибутов радикальных групп, поскольку именно она представляет смысл их существования (Bélanger et al., 2019). Во-первых, она позволяет им выстраивать групповую идентичность, отделяя собственную группу от других групп, и обеспечивает самоопределение. Во-вторых, идеология выполняет ценностно-ориентационную функцию, определяя цели участников группы и выбор средств их достижения.

Установлено, что радикальная религиозность сопровождается противоречиями и конфликтами в межличностных отношениях. Они возникают не только вследствие изменения образа жизни верующего, но и в связи с несогласием родственников и близкого социального окружения с изменением представлений о религии. Предложенная N. Ellemers концепция объясняет данный конфликт, описывая отношения между индивидом и группой (Ellemers, Spears, & Doosje, 2002). Индивиду с высокой религиозностью нерелигиозная группа, участником которой он является, не будет казаться референтной, а членство в ней – важным. Более того, он будет активно искать группу, соответствующую его мнению о религии. Второй вариант развития конфликта связан с совпадением религиозности индивида и группы. Следуя логике N. Ellemers, высокая религиозность индивида, включенного в группу с высокой религиозностью, только усиливается с течением времени. Из-за противоречий с менее религиозными группами участники этой группы будут опираться на религиозные убеждения друг друга в качестве одного из факторов поддержания собственной независимости и, одновременно с ней, увеличения внутригрупповой сплоченности.

Подводя итоги описания психологических аспектов радикализации, отметим, что в настоящее время в академической литературе представлено значительное количество концепций и моделей (Бовина, Бовин, Тихонова, 2020). В изучении радикализации используются положения теорий социального познания, через призму которой описываются процессы построения

индивидуальных представлений о себе, других людях, социальных группах и обществе в целом, отношения к религии, вере и верующим.

Социальное познание разворачивается в предметном поле интеграции молодежи в обществе. Социальная интеграция описывается в нескольких контекстах: а) как процесс формирования мировоззренческой позиции относительно места и значения религии в жизни общества, а также определения собственного отношения к религии; б) как результат взаимодействия молодого человека с религиозными группами и сообществами. К причинам радикализации относят проблемы социальной интеграции, в числе которых фрустрация потребностей в признании и уважении, принадлежности к определенным социальным группам и сообществам. Индикаторами проблем, используемыми для выявления риска радикализации, выступают трудности и неудачи социального взаимодействия, переживания, связанные с неопределенностью личностной и социальной идентичности, чувство отчужденности.

Однако, наряду с проблемами социальной интеграции, радикальное поведение может быть обусловлено сверхценным отношением молодежи к религии. Оно основывается на представлении о значимости и важности религии для общества, убежденности в особой роли верующих и религиозных лидеров для общества и государства. Изучение данных предпосылок радикализации выступает предметом нашего исследования.

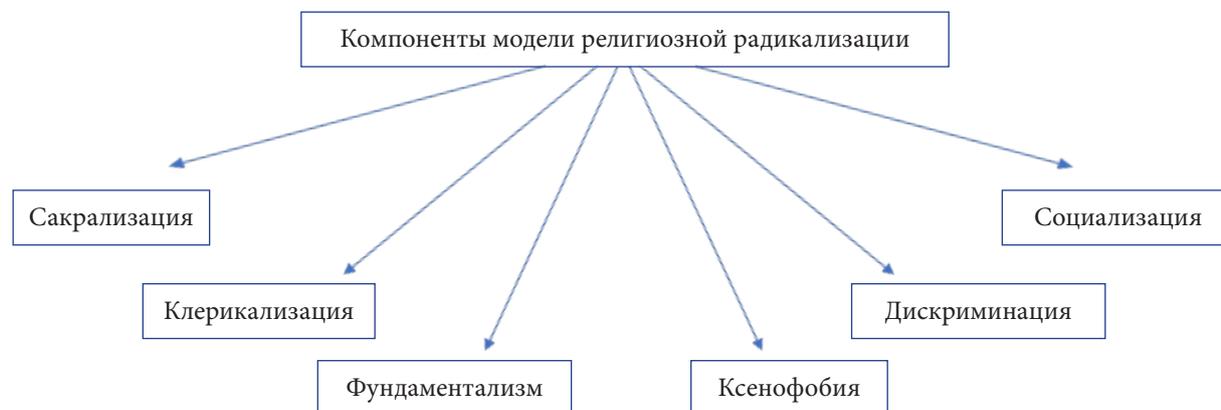
Представления о роли и значении религии в обществе как предпосылки радикализации. В ряде стран мира религия выступает ценностным основанием взаимодействия молодежи с обществом и государством. Несмотря на стремление государств к секуляризации, традиции и культура, а также некоторые религиозные движения и сообщества поддерживают религиозные модели поведения молодежи (Schmid, 2013). Религиозные представления являются существенными для повседневной жизни человека, а их изменения – чувствительными для индивида и его социального окружения. Особое значение имеют манипуляции представлениями верующих, в ходе которых насаждаются ложные убеждения о необходимости защиты религии и верующих (Christmann, 2012). Поэтому для изучения предпосылок религиозной радикализации целесообразно сфокусироваться на переживании верующей молодежью своей принадлежности к религиозному сообществу, а также связанных с ним представлений о роли религии, верующих и отношении к ним.

На основе анализа научных концепций, раскрывающих виды отношений к религии, нами была сформулирована теоретическая модель религиозной радикализации (схема).

Модель разрабатывалась на основе изучения теоретических исследований в области социологии религии и психологии верующих, а также ряда работ,

Схема. Теоретическая модель религиозной радикализации

Scheme. Theoretical model of freedom of radicalization

рассматривающих психологию радикальной личности. Кратко характеризуя их, отметим, что они не соотносятся с конкретным вероисповеданием или религией, а рассматриваются в качестве социально-психологических образований, присущих верующему, оказавшемуся в условиях негативного воздействия со стороны радикальных религиозных сообществ, групп, лидеров.

Сакрализация определяется как убеждение о значимости и важности религиозности для личности и общества, согласно которому верующие описываются более нравственными, чем неверующие, их поступки имеют большую значимость для общества, а поведение более конструктивно. В связи с этим утверждается, что религиозная молодежь обладает большей ценностью, чем их менее религиозные сверстники. Радикальная форма сакрализации выражается в признании исключительности верующих и сопровождается, как правило, обесцениванием неверующих, ограничением общения с ними либо, наоборот, активным вовлечением неверующих в определенную секту или движение (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022).

Клерикализация – убеждение о необходимости усиления роли религии в деятельности институтов государства и общества. Религия рассматривается в качестве основания общественной морали, культуры, правоотношений, системы образования и воспитания. Тенденции к клерикализации присутствуют в любой системе отношений государства и религиозных институтов (Мещерякова, 2021), однако радикальная клерикализация выражается в убежденности верующих в возможности полной замены светских институтов религиозными, отказа от научного познания в пользу религиозных догм. Примером такого отношения является ограничение или запрет верующим обращения за медицинской помощью, на осуществление операций, переливания крови, выполнение прививок (Чеповская, 2019).

Фундаментализм – убеждение в необходимости соблюдения норм, правил, исторически существовавших в определенной религии на начальных этапах ее развития. Стремление к фундаментализации возникает у верующих, исповедующих различные религии. По мнению А. А. Пелина, идеи христианского и исламского фундаментализма тождественны друг другу в части стремления защитить и восстановить религиозные ценности, понимаемые как значимые для индивида и общества, в условиях модернизации общественных отношений (Пелин, 2018). Однако радикальная форма фундаментализма характеризуется враждебным отношением к новым религиозным практикам, отрицанием или даже противодействием их осуществлению. Следует считать, что радикальный фундаментализм выходит за рамки консерватизма, он тоталитарен и бескомпромиссен, а средствами воплощения его целей может быть насилие (Степанова, 2008).

Ксенофобия – убеждение в необходимости защиты и противодействия внешнему воздействию на религию, религиозных лидеров или верующих. Ксенофобия является отличительной чертой деструктивных религиозных сообществ, используемой для убеждения адептов в необходимости совершения насильственных действий (Altemeyer, 2009; Beelmann, 2020). В мягкой форме ксенофобская модель поведения предполагает осуждение или отказ от взаимодействия с неверующими и представителями других религий, в радикальной форме она воплощается в экстремистских и террористических действиях (Bartlett, Birdwell, & King, 2010).

Социализация – убеждение в необходимости предпочтения религиозного обучения и воспитания. Подобная установка предполагает, что религиозное образование и культура более важны для личности, чем их светские альтернативы. В радикальной интерпретации религиозная социализация исключает возможность

получения светского образования, использования иных информационных, учебных или культурных материалов, кроме разрешенных религиозным лидером. Как правило, религиозная социализация присуща деструктивным сектам и нацелена на формирование соответствующего мировоззрения, ценностей и норм поведения (Bliesener, Schröder, & Lehmann, 2021).

Дискриминация – убеждение, обесценивающее неверующих или исповедующих другую веру. В деструктивных сектах или радикальных религиозных течениях верующим рекомендуется не поддерживать тесных отношений за пределами сообщества верующих. В радикальной форме дискриминация предполагает возможность неисполнения обязательств, обмана или предательства человека, не принадлежащего к определенной религии либо неверующего (Nesser, 2011). Поскольку общение или любые виды взаимодействия с окружающими людьми верующих зависят от их религиозной принадлежности, дискриминация ограничивает возможности взаимодействия с обществом пределами религиозной общины.

Как показывает анализ академической литературы, рассмотренные убеждения в совокупности характерны для участников радикальных религиозных сообществ. Однако до настоящего времени они не рассматривались в качестве признаков религиозной радикализации, а были описаны в качестве отдельных психологических особенностей верующих. В рамках проводимого исследования предполагается, что данные убеждения в совокупности отражают мировоззрение участника религиозного сообщества и выступают частью комплексного представления о себе как верующем, религии, других людях и обществе в целом, поэтому они описываются нами в виде составляющих модели религиозной радикализации. Восприятие данных убеждений и характер отношений между ними далее подвергается верификации через опрос религиозной молодежи.

Стоит отметить, что отдельные составляющие модели были эмпирически изучены в выборке киргизской и узбекской молодежи (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022). Для сбора информации была разработана анкета «Религиозная радикализация», содержащая утверждения по тематике сакрализации, клерикализации и ксенофобии. Проведенное исследование показало ее возможности для изучения радикальных религиозных убеждений, в том числе у лиц, готовых к совершению экстремистских действий. Однако проверка всех компонент теоретической модели не проводилась, как следствие, ее состоятельность не имела эмпирического подтверждения. В рамках статьи обсуждаются результаты решения данной задачи, приводящие к переосмыслению теоретических представлений о составляющих религиозной радикализации. Кроме того, в настоящее время в российской психо-

диагностической практике отсутствуют инструменты исследования радикализации, изучающие представления и убеждения молодежи относительно религии и ее значения в общественной жизни. В следующем разделе статьи представлены результаты разработки подобного инструмента исследования радикализации.

Эмпирическое исследование

Целью исследования выступила апробация модели религиозной радикализации российской молодежи и верификация опросника для ее измерения.

Ставились и решались две задачи: 1) эмпирическая проверка теоретической модели религиозной радикализации на выборках российской, киргизской и узбекской молодежи; 2) верификация опросника для изучения риска религиозной радикализации.

Гипотезами исследования являются предположения:

- о специфической структуре представлений (конструкте) о роли и значении религии в российской выборке в сравнении с киргизскими и узбекскими выборками;
- о способности русской версии опросника дифференцировать молодежь с разным уровнем религиозного самоопределения и религиозного поведения.

Для проверки гипотез использовались методы сбора информации и ее анализа.

Сбор данных осуществлялся с помощью специально разработанной анкеты «Религиозная радикализация» объемом 90 вопросов, сгруппированных в шесть шкал и соответствующих теоретической модели радикализации. Анкета была создана по причине отсутствия необходимых инструментов в российской психодиагностической практике. Она применялась для изучения субъективных представлений узбекской и киргизской молодежи о религии, с учетом культурной специфики и языковых особенностей. Утверждения (пункты) анкеты формулировались на основе теоретического анализа функций религии в общественной жизни, деятельности институтов государственной власти и местного самоуправления. Ранее проведенные исследования радикализации киргизской и узбекской молодежи показали ее состоятельность как в части изучения субъективных представлений, обуславливающих радикализацию, так и способности разделять обследуемых по уровню радикальности их взглядов (Злоказов, Караяни, Прокурова, 2022).

Текст анкеты выполнялся на русском, киргизском и узбекском языках, перевод осуществлялся носителями языка. Анкета выполнялась и предъявлялась обследуемым в электронной форме. Участие было добровольным. Перед началом исследования участникам предоставлялась информация о целях работы, характере вопросов, порядке заполнения, время исследования не ограничивалось. Незаполненные анкеты, а также анкеты, выполненные с нарушением ответов,

Таблица 1. Сведения о внутренней согласованности анкеты

Table 1. Information about the internal consistency of the questionnaire

№ п/п	Выборка	Характеристики анкеты			
		Описательная статистика пунктов анкеты	Внутренняя согласованность		
			Средние значения Альфа-Кронбаха	Средние значения межпунктовой корреляции	Надежность по расщеплению (нечетные и четные пункты)
1	Российская n=336 человек	Ср. знач. = 45,4, SD = 12,4, Shapiro-W, W= 0,988, p. = 0,16	0,88	0,35	Корр. частей = 0,71 Кронбах α = 0,85 Гутман G = 0,87
2	Киргизская n=268 человек	Ср. знач. = 44,7, SD = 12,5, Shapiro-W, W= 0,985, p. = 0,1	0,86	0,38	Корр. частей = 0,74 Кронбах α = 0,85 Гутман G = 0,84
3	Узбекская n=270 человек	Ср. знач. = 43,6, SD = 12,7, Shapiro-W, W= 0,984, p. = 0,07	0,87	0,37	Корр. частей = 0,75 Кронбах α = 0,81 Гутман G = 0,81

не рассматривались. Всего было исключено 4 анкеты (менее 0,1 % от общего числа полученных ответов).

Оценка согласованности ответов проверялась посредством: расчета показателя α Кронбаха; расчета корреляции между пунктами внутри шкал и суммарными показателями, а также путем сравнения ответов на нечетные и четные пункты анкеты (таблица 1).

Было установлено, что распределение ответов респондентов во всех национальных выборках соответствует закону нормального распределения. Анализ ответов на анкету показал, что анкета обладает достаточным уровнем внутренней согласованности, как с точки зрения их соответствия друг другу, так и в связи между пунктами. Удовлетворительные показатели внутренней согласованности были установлены при сравнении нечетных и четных пунктов анкеты в национальных выборках. Можно заключить, что вопросы понятны обследуемым, не побуждают к однозначным (радикальным) ответам. Содержание вопросов относится к единой смысловой области, а ответы на них согласованы между собой во всех выборках. Гомогенность пунктов позволяет рассматривать их в качестве эксплицитных переменных и изучать структуру отношений между ними, выявлять факторы, формирующие религиозные представления молодежи.

В структуру анкеты были включены два индикатора религиозности. Изучалось религиозное самоопределение («Верующий ли Вы человек?», применялась пятибалльная шкала ответов по типу Лайкерта, максимальное значение – 5, минимальное – 1), соответствие поведения религиозным стандартам («Следуете ли Вы религиозным правилам (нормам)?», пятибалльная шкала ответов по типу Лайкерта, максимальное значение – 5, минимальное – 1) (таблица 2).

Анализ средних значений и распределения ответов респондентов на индикаторы религиозности показывает, что в российской выборке уровень религиозного самоопределения и соблюдения религиозного поведения ниже, чем в киргизской и узбекской выборках. Ответы российской выборки свидетельствуют о частичной самоидентификации, тогда как в других национальных выборках молодежь уверенно относит себя к категории верующих. Сходным образом выражено и религиозное поведение. В российской выборке оно проявляется в эпизодической поддержке религиозных правил и норм, тогда как киргизская и узбекская молодежь декларирует свою поддержку религиозного поведения. Характер распределения ответов, а также параметры согласованности находятся на приемлемом уровне, что позволяет в исследовательских целях рассматривать их в качестве индикаторов религиозности.

Для анализа данных исследования использовались методы описательной (дескриптивной статистики), конфирматорного факторного анализа.

Конфирматорный анализ применялся для: а) выявления структуры переменных (факторов), определяющих религиозные представления у российской, киргизской и узбекской молодежи; б) сравнения структур моделей, полученных в национальных выборках.

Анализ параметров модели осуществлялся расчетом максимального подобия (maximum likelihood), со стандартизацией всех переменных (Burne, 2016). Выбор процедуры обусловлен эффективностью ее применения для анализа данных, собранных посредством шкалы Лайкерта, а стандартизация обусловлена стремлением снизить уровень ошибок измерения, вызванных применением опросника в мультикультурных выборках (Maydeu-Olivares & D'Zurilla, 1995).

Таблица 2. Характеристики религиозности участников исследования

Table 2. Characteristics of religiosity of study participants

Выборка	Характеристики индикаторов религиозности		
	Религиозное самоопределение	Религиозное поведение	Показатели согласованности
Российская молодежь	Ср. знач. = 2,01, SD = 0,54, Shapiro-W, W = 0,42, p. = 0,01	Ср. знач. = 1,92, SD = 0,39, Shapiro-W, W = 0,56, p. = 0,01	Корреляция пунктов = 0,49 Кронбах α = 0,71
Киргизская молодежь	Ср. знач. = 3,16, SD = 0,47 Shapiro-W, W = 0,21, p. = 0,001	Ср. знач. = 2,08, SD = 0,41, Shapiro-W, W = 0,25, p. = 0,01	Корреляция пунктов = 0,51 Кронбах α = 0,72
Узбекская молодежь	Ср. знач. = 3,7, SD = 0,39, Shapiro-W, W = 0,11, p. = 0,001	Ср. знач. = 2,25, SD = 0,37, Shapiro-W, W = 0,31, p. = 0,01	Корреляция пунктов = 0,58 Кронбах α = 0,73

Однофакторный дисперсионный анализ использовался для выявления различий в показателях религиозной радикализации у лиц с разным уровнем религиозности (субъективно оцениваемой опрашиваемыми религиозного самоопределения и соблюдения норм религиозного поведения).

Описательная статистика выполнялась в статистической программе Statistica for Windows, конфирматорный факторный анализ в JASP.

Выборка исследования состояла из российской (n=336 человек), киргизской (268 человек) и узбекской (n=270 человек) молодежи, различающейся по уровню религиозности (таблица 3). Все опрошенные лица являлись обучающимися образовательных организаций высшего образования.

Объем выборки устанавливался с учетом требований, определяющих необходимое количество обследуемых для проведения процедур конфирматорного анализа (Myers, Ahn, & Jin, 2011), расчета согласованности (α -Кронбаха) и корреляционного анализа (van Voorhis & Morgan, 2007).

Результаты исследования

Результаты исследования отображаются согласно поставленным задачам.

Анализ представлений молодежи о религии и верующих в национальных выборках осуществлялся посредством конфирматорного факторного анализа. Для каждой выборки была получена своя модель отношений между вопросами анкеты. В ходе конфирматорного анализа часть вопросов была отброшена, а оставшиеся сгруппированы в виде факторов. При этом в ходе факторизации ни в одной выборке не сохранилась теоретическая структура религиозной радикализации. Полученные факторные структуры состояли из меньшего количества шкал. Например, структура российской и узбекской моделей включила три фактора радикализации, а киргизской – два. Названия факто-

Таблица 3. Половозрастная характеристика выборки

Table 3. Gender and age characteristics of the sample

Выборка	Количество человек	Возраст	Половой состав
Российская молодежь	336	Ср. знач.: 21,8 лет, SD = 2,38 лет	55,8 % мужчин
Киргизская молодежь	268	Ср. знач.: 20,2 лет, SD = 1,61 лет	60,1 % мужчин
Узбекская молодежь	270	Ср. знач.: 20,4 года, SD = 2,11 лет	56,6 % мужчин

ров установлены исходя из вопросов, вошедших в них с максимальным факторным весом. Характеристики моделей, рассчитанные в результате факторного анализа анкеты представлены в соответствующих таблицах (таблицы 4 и 5).

Модели радикализации обладают удовлетворительными формальными характеристиками (табл. 4). Так, отношение χ^2 / df во всех моделях не превышает 5, что говорит о простой структуре вопросов и шкал и достаточном соответствии модели эмпирическим данным (Alavi et al., 2020). Об этом же свидетельствуют показатели среднеквадратических ошибок аппроксимации (RMSEA, $0 < RMSEA < 1$), которые находятся в удовлетворительном диапазоне ($0,05 < p < 0,01$). В то же время более высокие значения χ^2 могут быть получены путем уточнения смысла утверждений в каждой из национальных выборок, а также увеличения количества опрошенных лиц.

Модели хорошо отражают структуру связи между вопросами, о чем говорят показатели сравнительного индекса соответствия (CFI, $0 < CFI < 1$), показывающие, что для русской и киргизской выборок качество связи приближается к высокому, а для узбекской – к удовлет-

Таблица 4. Характеристика моделей религиозной радикализации молодежи

Table 4. Characterisation of models of religious radicalisation of young people

Модели радикализации	Содержание модели		Структура модели				
	Описание модели	Названия факторов	Взаимодействие факторов	Est.	St.err	z	p
1. Выборка российской молодежи	Трехфакторная модель	Фактор 1. Секуляризация	Фактор 1 – 2	0,606	0,043	14,06	<0,001
		Фактор 2. Ксенофобия	Фактор 1 – 3	0,739	0,034	21,817	<0,001
		Фактор 3. Социализация	Фактор 2 – 3	0,504	0,053	9,05	<0,001
2. Выборка киргизской молодежи	Двухфакторная модель	Фактор 1. Секуляризация Фактор 2. Ксенофобия	Фактор 1 – 2	0,561	0,042	13,83	<0,001
3. Выборка узбекской молодежи	Трехфакторная модель	Фактор 1. Секуляризация	Фактор 1 – 2	0,667	0,063	10,800	<0,001
		Фактор 2. Ксенофобия	Фактор 1 – 3	0,844	0,031	29,115	<0,001
		Фактор 3. Дискриминация	Фактор 2 – 3	0,604	0,074	8,115	<0,001

Примечание: конфирматорный анализ выполнялся расчетом максимального подобия (maximum likelihood), со стандартизацией всех переменных.

ворительному. При анализе индекса Такера – Льюиса (TLI, $0 < TLI < 1$) можно заключить, что эмпирические модели лучше, чем нулевые модели воспроизводят информацию матрицы корреляций.

Решение второй исследовательской задачи заключалось в определении критериальной валидности опросника радикализации, разработанного для российской молодежи. Измерение проводилось посредством выявления значений показателей шкал опросника у молодежи с разным уровнем религиозного самоопределения и религиозным поведением. Оценка осуществлялась посредством однофакторного дисперсионного анализа (one-way ANOVA) (таблицы 6, 7).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработанный для русской выборки конструкт религиозной радикализации позволяет выявлять молодежь с высоким и низким уровнем религиозного самоопределения и религиозного поведения как на уровне суммарного показателя, так и по отдельным составляющим (шкалам). В частности, показатели размера эффекта (η^2) у лиц с высоким уровнем религиозности достигают статистически высоких значений ($0,14 < \eta < 0,139$). Соответственно, опросник обладает достаточным уровнем чувствительности по отношению к лицам с высоким уровнем религиозности.

Таблица 5. Статистика моделей религиозной радикализации молодежи

Table 5. Models statistics on religious radicalisation among young people

Модели радикализации	Параметры модели			Характеристики модели					
	χ^2	df	p	RMSEA	p	RMSEA CI, 90 %		TLI	CFI
						Нижний	Верхний		
1. Выборка российской молодежи	216,53	87	<0,001	0,067	p=0,008	0,056	0,078	0,95	0,949
2. Выборка киргизской молодежи	172,36	53	<0,001	0,079	p=0,001	0,078	0,089	0,947	0,946
3. Выборка узбекской молодежи	144,4	87	<0,001	0,070	p=0,054	0,049	0,09	0,946	0,937

Таблица 6. Различия показателей радикализации у молодежи с разным религиозным самоопределением (русская выборка)

Table 6. Differences in radicalisation indicators among young people with different religious identities (Russian sample)

Показатели	Религиозное самоопределение			
	Верующий	Неверующий	Характеристики различий	
	Ср. знач.; SD	Ср. знач.; SD	Статистики критерия	Эффект различий
Клерикализация	21,8; 4,71	16,1; 4,21	$F_{(2,108)}=23,7, p<0,001$	$\eta^2=0,141$
Дискриминация	17,2; 2,94	14,6; 4,56	$F_{(2,108)}=10,2, p<0,001$	h
Ксенофобия	15,2; 5,43	11,9; 4,13	$F_{(2,108)}=11,2, p<0,001$	h
Суммарный показатель	54,2; 6,55	42,5; 9,31	$F_{(2,108)}=25,8, p<0,001$	h

Примечание: дисперсии гомогенны (ср. знач. тест Ливена по показателям статистически незначимы $p=0,6$ и более).

Интерпретация результатов исследования

Проведенное исследование было направлено на эмпирическую верификацию конструкта религиозной радикализации, разработанного нами ранее на выборках киргизской и узбекской молодежи.

Теоретический анализ позволил выделить несколько факторов, обуславливающих религиозную радикализацию посредством искажения представлений молодежи о значении религии и положении верующих в обществе.

В ходе исследования на национальных выборах молодежи эти факторы были подвергнуты изучению

посредством анкетирования, а затем анализа мнений. С этой целью применялся метод конфирматорного факторного анализа традиционного инструмента изучения психологических явлений со сложной структурой. В рамках нашего исследования предполагалось, что религиозная радикальность обладает широким комплексом внешних проявлений и шестью обуславливающими их латентными факторами. Эмпирическое исследование частично подтвердило предположения, показав, что число латентных факторов меньше, чем предполагалось, а проявления, относимые нами к разным факторам, связаны между собой.

Таблица 7. Различия показателей радикализации у молодежи с разным религиозным поведением (русская выборка)

Table 7. Differences in radicalisation indicators among young people with different religious behaviour (Russian sample)

Показатели	Религиозное поведение			
	Соблюдающие религиозные нормы	Не соблюдающие религиозные нормы	Характеристики различий	
	Ср. знач.; SD	Ср. знач.; SD	Статистики критерия	Статистики критерия
Клерикализация	21,1; 4,93	13,5; 5,27	$F_{(2,112)}=38,9, p<0,001$	h
Дискриминация	17,1; 3,68	12,8; 4,74	$F_{(2,112)}=24,2, p<0,001$	h
Ксенофобия	15,2; 5,09	10,6; 4,49	$F_{(2,112)}=16,7, p<0,001$	h
Суммарный показатель	53,5; 9,11	37,1; 12,38	$F_{(2,112)}=40,9, p<0,001$	h

Примечание: дисперсии гомогенны (ср. знач. тест Ливена по показателям статистически незначимы $p=0,6$ и более).

В итоге, эмпирическую поддержку получила модель религиозной радикализации, содержащая три компонента (латентных фактора): 1) представление о необходимости увеличения роли религии в государственном управлении и общественной жизни (клерикализации); 2) признание приоритета верующих над неверующими (дискриминация); 3) защиту религии и верующих от посягательств (ксенофобии).

Таким образом, к основному результату исследования следует отнести коррекцию теоретической модели радикализации. Получило подтверждение о сопряжении различных аспектов радикализации, выразившееся в тесной взаимосвязи латентных факторов. Повидимому, на уровне субъективного представления религиозная радикализация может быть описана как сложный (многомерный) конструкт, включающий в себя комплекс взаимосвязанных убеждений о недооцененности религии в обществе, превосходстве верующих над неверующими, враждебном отношении к ним со стороны неверующих и необходимости защиты веры и верующих от внутренних и внешних вмешательств.

Сформированная эмпирическим путем структура утверждений отличается от теоретической во всех группах молодежи, подвергнутых исследованию. Общая тенденция заключается в объединении вопросов из нескольких факторов теоретической модели в один фактор эмпирической. Например, в первый фактор эмпирической модели для всех выборок вошли вопросы по тематике клерикализации (например, «Религиозные знания ценней для человека, чем научные?») и сакрализации верующих («Отказ от веры есть причина проблем нашего общества?»).

Убеждение в важности клерикализации выражается в пропаганде сверхценности религии для общества, приписывании религиозным деятелям, а также верующим способности разрешать конфликты и споры, исцелять заболевания, учить и воспитывать более эффективно, чем существующие государственные институты. Эта установка неизбежно приводит к усилению значения религии, формирует убеждение в исключительности верующих. При этом она обесценивает достижения науки, ценности образования и медицины.

Второй фактор модели включает убеждения, дискриминирующие неверующих в пользу верующих (например, «Верующему человеку Вы доверяете больше, чем неверующему?», «Основу общества составляют верующие люди?»). Дискриминационные убеждения находятся в тесной смысловой связи с убеждениями о клерикализации и сакрализации верующих. Они заключаются в убеждении о разной ценности верующих и неверующих людей для общества. В группах российской и узбекской молодежи дискриминация на религиозном основании выражается в предпочтении верующих и ограничении контактов с неверующими

людьми. Под влиянием этих убеждений верующие представляются людьми, заслуживающими особой поддержки, несущими большую ответственность перед обществом. Верующие выглядят более ответственными и нравственными людьми, простыми в общении и взаимодействии. Неверующие, напротив, характеризуются безответственными и аморальными, сложными в общении и взаимодействии.

Третий фактор модели включает установки на фундаментализацию («Считаете необходимым бороться с современным искажением религии?») и ксенофобию («Верующим необходимо защищать свою религию»). Следует отметить, что данный фактор образован из двух теоретических факторов – фундаментализма и ксенофобии. Фундаментализм характерен для определенной части верующих, негативно относящихся к изменениям, вызванным научно-техническим прогрессом и общественным развитием. Консервативные настроения верующих стимулируют дискуссии о необходимости соблюдения религиозных традиций, неприятия новых форм их воплощения и, как следствие, защите от изменений, вплоть до призывов к борьбе против вмешательства и новизны, т. е. ксенофобии.

Можно заключить, что прошедший эмпирическую проверку конструкт религиозной радикализации молодежи обладает измененной структурой, состоящей из убеждений о необходимости клерикализации, поощрения дискриминации неверующих и ксенофобии.

Вторым результатом эмпирического исследования стала валидизация российской версии опросника риска религиозной радикализации.

Опросник «Риск религиозной радикализации» ориентирован на изучение субъективных представлений молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет о религии и верующих. Он ограничен сферой представлений и убеждений опрашиваемого, т. е. знаний о религии и верующих и отношения к ним. Он не учитывает личностные особенности, факторы риска (травматический опыт) и иные характеристики, влияющие на переход от идеи к действию. Таким образом, методика ориентирована на изучение предпосылок к радикализации и не позволяет прогнозировать вероятность их воплощения. Содержание утверждений разработано на основе идей деструктивных и экстремистских религиозных сообществ, действующих в Киргизстане и Узбекистане.

В ходе исследования на выборке российской молодежи была определена конфигурация шкал опросника, а также утверждений, входящих в их структуру. Так, с позиции конфирматорного факторного анализа оптимальной структурой опросника следует считать совокупность трех шкал – «Клерикализации», «Дискриминации», «Ксенофобии» общим объемом 15 утверждений. Эта конфигурация обладает лучшим соотношением между объемом отражения информации, содержащейся в вопросах анкеты, и компакт-

ностью структуры, по сравнению с двухшкальным и одношкальным вариантами, рассчитанными, но не описанными в данной статье.

Утверждения, содержащиеся в шкалах, обладают удовлетворительной надежностью в аспекте внутренней согласованности. Они были установлены на российской выборке ($n=336$) посредством расчета коэффициента α -Кронбаха и корреляций между утверждениями шкал «Клерикализация» (Кронбах $\alpha = 0,89$, CI 95% от 0,87 до 0,91, $r=0,63$), «Дискриминация» (Кронбах $\alpha = 0,76$, CI 95% от 0,87 до 0,91, $r=0,38$), «Ксенофобия» (Кронбах $\alpha = 0,81$, CI 95% от 0,78 до 0,84, $r=0,46$).

Кроме того, в ходе исследования были получены данные о критериальной валидности опросника. В частности, установлена его способность дифференцировать лиц, обладающих высоким уровнем религиозного самоопределения и религиозного поведения, от лиц с низким уровнем религиозности. С учетом этого результата опросник может применяться для изучения субъективных представлений молодежи в возрасте от 16 до 30 лет о религии и верующих, выявлении убеждений об их значении в общественно-политической жизни страны, отношении к верующим и неверующим. Материал опросника представляется потенциально полезным для организации индивидуальной и групповой работы по предупреждению радикализации и формирования экстремистских убеждений в отношении религии и верующих.

Заключение

В статье описываются результаты анализа теоретической модели религиозной радикализации, выполненного на выборках российской, киргизской и узбекской молодежи, представляются эмпирические сведения о частичной поддержке структуры модели и необходимости уменьшения количества входящих в нее факторов.

Рассматриваются результаты разработки русскоязычной версии опросника «Риск религиозной радикализации», определены характеристики надежности по критерию внутренней согласованности, подтверждена его структурная валидность и частично получены сведения о критериальной валидности.

Полученные результаты нуждаются в теоретическом осмыслении и эмпирической проработке. В теоретическом аспекте актуальным представляется продолжение изучения феномена молодежной радикализации в области отношения к религии, в частности, разработке структуры радикализации и ее составляющих, отражающих современные дискуссии о стадийной природе радикализации, наличии социально-экономических, политических и культурных условий, способствующих ее формированию, индивидуально-психологических особенностей, обуславливающих восприимчивость к манипуляциям представлениями о религии.

В методологическом плане целесообразно поставить гипотезы о многомерном конструкте радикализации, поскольку в рамках данного исследования они не нашли своего продолжения, и конструкт радикализации выполнен монополярным. Вместе с тем существуют очевидные предпосылки изучать отношение к религии в диапазоне, ограниченном полюсами радикального принятия («фанатизма») и не менее радикального отрицания («воинствующего атеизма»).

В психометрическом плане материал опросника нуждается в дальнейшей апробации, выявлении характеристик внутренней и внешней валидности, выявлении ретестовой надежности и иных характеристик, свидетельствующих об устойчивости изменения. Для изучения конвергентной и экспертной валидности методика нуждается в сопоставлении с аналогичными инструментами для оценки риска радикального поведения (Quick Scan Radicaliserin; Islamic Radicalisation model; Significance Quest Assessment Test; Radicalisation Assessment Monitor; Terrorist Radicalisation Assessment Protocol-18) (van der Heide, van der Zwan, & van Leyenhorst, 2019).

Ограничения исследования. Опросник представляется для использования в научно-исследовательских целях, среди которых изучение представлений молодежи о религии, верующих, отношении к ним. Опросник не включает пунктов измерения социальной желательности, искренности или мотивации обследуемых.

Текст опросника

1. Справедливо ли утверждение о том, что отказ от веры есть причина проблем нашего общества?
2. В современном мире вера нуждается в защите?
3. Искренно верующий человек всегда будет Вашим другом?
4. Следует ли считать положения веры выше закона?
5. В наше время следует ли ограждать молодежь от искажений религии?
6. С верующим человеком Вам легче общаться, чем с неверующим?
7. Считаете ли Вы, что спасти общество может только религия?
8. Считаете необходимым бороться с современным искажением религии?
9. Мысли верующего человека Вам проще понять, чем неверующего?
10. Полагаете ли Вы, что верующий должен быть примером для неверующих людей?
11. Полагаете ли Вы, что верующий должен защищать веру от современных искажений?
12. Должна ли современная культура быть связана с религией?
13. Только верующие люди способны спасти наше общество?
14. Сейчас оберегать веру должен каждый верующий человек?
15. Основу общества составляют верующие люди?

Шкала для регистрации ответов:

1 балл – «полностью согласен»; 2 балла – «скорее согласен»; 3 балла – «не уверен»; 4 балла – «скорее не согласен»; 5 баллов – «полностью не согласен».

Интерпретация результатов: ответы на утверждения, входящие в шкалы, суммируются.

Шкала «Клерикализация»: утверждения 1, 4, 7, 10, 13.

Шкала «Ксенофобия»: утверждения 2, 5, 8, 11, 14.

Шкала «Дискриминация»: утверждения 3, 6, 9, 12, 15.

Общий балл подсчитывается путем суммирования ответов на все вопросы.

Значения стенов

Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Клерикализация	5-6	7-9	10-12	13-15	16-17	18-19	20-21	22-23	24	25
Ксенофобия	5	6	7-8	9-11	12-13	14-16	17-19	20-21	22-23	24-25
Дискриминация	5-6	7-8	9-10	11-12	13-15	16-17	18-19	20-22	23-24	25
Общий показатель	15-20	21-27	28-35	36-40	41-46	47-50	51-54	55-60	61-64	65-75

Примечание:

1. Значения в диапазонах 1–3 стенов следует характеризовать как высокие проявления убеждений относительно измеряемых компонент радикализации. Значения в диапазонах 7–10 стенов свидетельствуют о низком уровне радикальных убеждений.

2. Необходимость дополнительного изучения представлений о религии и верующих вследствие возможного риска радикализации целесообразно оценивать по результатам расчета общего показателя опросника, значения которого должны составить 2 стенов и менее.

Список литературы

- Бовина, И. Б., Бовин, Б. Г., Тихонова, А. Д. (2020). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I). *Психология и право*, 10 (3), 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Давыдов, Д. Г., Хломов, К. Д. (2017). Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. *Психологическая диагностика*, 14 (1), 78–97.
- Злоказов, К. В., Караяни, А. Г., Прокурова, Н. С. (2022). Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 27 (3(90)), 246–256. <https://10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>
- Карапетян, А. А., Тагильцева, Ю. Р. (2017). Принцип интолерантности как психологическая основа экстремистского дискурса: коммуникативные тактики и приемы дискредитации «врага». *Политическая лингвистика*, 6 (66), 235–240.
- Тагильцева, Ю. Р., Бабинова, М. Р., Ваторопин, А. С., Злоказов, К. В., Лату, М. Н., Порозов, Р. Ю. (2022). *Когнитивные интернет-технологии трансформации социального поведения: риски и профилактика*: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. EDN HLAUOV.
- Кузьмин, А. В. (2009). *Феномен деструктивности новых религиозных движений*: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород.
- Мещерякова, А. Ф. (2021). Россия: путь к светскости или клерикализации общества и государства? *Lex russica (Русский закон)*, 74 (10), 85–99. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.179.10.085-099>
- Пелин, А. А. (2018). Исламский и христианский фундаментализм в постсекулярном обществе. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*, 24, 87–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.87>
- Рягузова, Е. В. (2021). Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 21 (1), 78–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>
- Степанова, Е. А. (2008). Фундаментализм и мания идентичности. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 8, 94–116.
- Ситяева, С. М., Яремчук, С. В. (2019). *Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи*: монография. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет.
- Чеповская, А. (2019). По аяту на брата: как секта из Казахстана поработила умы россиян. *Известия*. URL: <https://iz.ru/883682/anastasiia-cherovskaia/po-aiatu-na-brata-kak-sekta-iz-kazakhstan-porabotila-umy-rossian>.
- Alavi, M., Visentin, D. C., Thapa, D. K., Hunt, G. E., Watson, R., & Cleary, M. (2020). Chi-square for model fit in confirmatory factor analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 76 (9), 2209–2211. <https://doi.org/10.1111/jan.14399>.
- Altemeyer, B. (2009). Why Do Religious Fundamentalists Tend to be Prejudiced? *The International Journal for the Psychology of Religion*, 13 (1), 17–28. https://10.1207/S15327582IJPR1301_03
- Bartlett, J., Birdwell, J., & King, M. (2010). The edge of violence: A radical approach to extremism. *Demos*, 5, 75.
- Beilmann, A. (2020). A social-developmental model of radicalization: A systematic integration of existing theories and empirical research. *International Journal of Conflict and Violence*, 14 (1). <https://10.4119/ijcv-3778>
- Bélanger, J. J., Moyano, M., Muhammad, H., Richardson, L., Lafrenière, M.-A. K., McCaffery, P., Framand, K., & Nociti, N. (2019). Radicalization Leading to Violence: A Test of the 3N Model. *Frontiers in psychiatry*, 10, 42. <https://10.3389/fpsy.2019.00042>
- Bliesener, T., Schröder, C., & Lehmann, L. (2021). Pathways to radicalization in adolescence: The development of ideological beliefs, acceptance of violence, and extremist behavior. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 104 (3), 231–242. <https://10.1515/mks-2021-0124>
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd ed.). New York: Routledge.
- Christmann, K. (2012). *Preventing religious radicalisation and violent extremism: A systematic review of the research evidence*. Youth Justice Board. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/396030/preventing-violent-extremism-systematic-review.pdf
- Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. (2002). Self and Social Identity. *Annual review of psychology*, 53, 161–186. <https://10.1146/annurev.psych.53.100901.135228>
- Evers, F., Klötzer, J., Seifert, A. C., & Somfalvy, E. (2018). *Civilian Prevention of Radicalization in Central Asia*. CORE Working Paper.

- Ghosh, R., Chan, W. Y. A., Manuel, A., & Dilimulati, M. (2017). Can education counter violent religious extremism? *Canadian Foreign Policy Journal*, 23 (2), 117–133. <https://doi.org/10.1080/11926422.2016.1165713>
- Hogg, M. A. (2021). Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 32 (2), 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
- Kruglanski, A., Jasko, K., Webber, D., Chernikova, M., & Molinario, E. (2018). The Making of Violent Extremists. *Review of General Psychology*, 22 (1), 107–120. <https://doi.org/10.1037/gpr0000144>
- Kuchkarov, R. (2020). Ideological Threats in Uzbekistan: Recent History and Modern Techniques. *Religación*, 5 (25), 315–322. <https://doi.org/10.46652/rgn.v5i25.694>
- Maydeu-Olivares, A., & D’Zurilla, T. J. (1995). A factor analysis of the social problem-solving inventory using polychoric correlations. *European Journal of Psychological Assessment*, 11 (2), 98–107. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.11.2.98>
- Matveeva, A. (2018). Radicalisation and Violent Extremism in Kyrgyzstan: on the Way to the Caliphate. *The RUSI Journal*, 163 (1), 30–46. <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1453013>
- Myers, N. D., Ahn, S., & Jin, Y. (2011). Sample size and power estimates for a confirmatory factor analytic model in exercise and sport: A Monte Carlo approach. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 82 (3), 412–423. <https://doi.org/10.1080/02701367.2011.10599773>
- Nesser, P. (2011). Ideologies of Jihad in Europe. *Terrorism and Political Violence*, 23 (2), 173–200. <https://doi.org/10.1080/09546553.2010.537587>
- Roffey, S., & Boyle, C. (2018). Belief, belonging and the role of schools in reducing the risk of home-grown extremism. In K.-A. Allen & C. Boyle (Eds.), *Pathways to belonging: Contemporary research in school belonging* (pp. 149–165). Brill Sense. https://doi.org/10.1163/9789004386969_009
- Schmid, A. P. (2013). Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. *The International Centre for Counter-Terrorism - The Hague*, 4 (2). <https://doi.org/10.19165/2013.1.02>
- van Voorhis, C. R. W., & Morgan, B. L. (2007). Understanding power and rules of thumb for determining sample sizes. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*, 3 (2), 43–50. <https://doi.org/10.20982/tqmp.03.2.p043>
- van der Heide, L., van der Zwan, M., & van Leyenhorst, M. (2019). The Practitioner’s Guide to the Galaxy - A Comparison of Risk Assessment Tools for Violent Extremism. *International Centre for Counter-Terrorism*. <http://www.jstor.org/stable/resrep29450>
- Wolfowicz, M., Litmanovitz, Y., Weisburd, D., & Hasisi, B. (2020). A field-wide systematic review and meta-analysis of putative risk and protective factors for radicalization outcomes. *Journal of Quantitative Criminology*, 36 (3), 407–447. <https://doi.org/10.1007/s10940-019-09439-4>

References

- Bovina, I. B., Bovin, B. G., Tihonova, A. D. (2020). Radikalizaciya: social’no-psihologicheskij vzglyad (Chast’ I). *Psihologiya i pravo*, 10 (3), 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Davydov, D. G., Hlomov, K. D. (2017). Metodika diagnostiki dispozicij nasil’stvennogo ekstremizma. *psihologicheskaya diagnostika*, 14 (1), 78–97.
- Zlokazov, K. V., Karayani, A. G., Prokurova, N. S. (2022). Radikalizaciya predstavlenij molodezhi o roli religii v obshchestve metodami kognitivnoj vojny. *psihopedagogika v pravoohranitel’nyh organah*, 27 (3(90)), 246–256. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>
- Karapetyan, A. A., Tagil’ceva, Yu. R. (2017). Princip intolerantnosti kak psihologicheskaya osnova ekstremistskogo diskursa: kommunikativnye taktiki i priemy diskreditacii «vruga». *Politicheskaya lingvistika*, 6 (66), 235–240.
- Tagil’ceva, Yu. R., Babikova, M. R., Vatoropin, A. S., Zlokazov, K. V., Latu, M. N., Porozov, R. Yu. (2022). *Kognitivnye internet-tehnologii transformacii social’nogo povedeniya: riski i profilaktika*: monografiya. Ekaterinburg: Ural’skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. EDN HLAUOV.
- Kuz’min, A. V. (2009). *Fenomen destruktivnosti novyh religioznych dvizhenij*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Belgorod.
- Meshcheryakova, A. F. (2021). Rossiya: put’ k svetskosti ili klerikalizacii obshchestva i gosudarstva? *Lex russica (Russkij zakon)*, 74 (10), 85–99. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.179.10.085-099>
- Pelin, A. A. (2018). Islamskij i hristianskij fundamentalizm v postsekulyarnom obshchestve. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, 24, 87–98. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.24.87>
- Ryaguzova, E. V. (2021). Razryv svyazej v reprezentacijah vzaimodejstviya YA – Drugoj kak prediktor ekstremistskogo povedeniya. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 21 (1), 78–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

- Stepanova, E. A. (2008). Fundamentalizm i maniya identichnosti. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 8, 94–116.
- Sityaeva, S. M., Yaremchuk, S. V. (2019). *Sub'ektivnye i ob'ektivnye prediktory ekstremistskih ustanovok molodezhi*: monografiya. Komsomol'sk-na-Amure: Amurskij gumanitarno-pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet.
- Chepovskaya, A. (2019). Po ayatu na brata: kak sekta iz Kazahstana porabotila umy rossiiyan. *Izvestiya*. URL: <https://iz.ru/883682/anastasiia-chepovskaia/po-aiatu-na-brata-kak-sekta-iz-kazahstana-porabotila-umy-rossiiyan>.
- Alavi, M., Visentin, D. C., Thapa, D. K., Hunt, G. E., Watson, R., & Cleary, M. (2020). Chi-square for model fit in confirmatory factor analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 76 (9), 2209–2211. <https://doi.org/10.1111/jan.14399>.
- Altemeyer, B. (2009). Why Do Religious Fundamentalists Tend to be Prejudiced? *The International Journal for the Psychology of Religion*, 13 (1), 17–28. https://10.1207/S15327582IJPR1301_03
- Bartlett, J., Birdwell, J., & King, M. (2010). The edge of violence: A radical approach to extremism. *Demos*, 5, 75.
- Beelmann, A. (2020). A social-developmental model of radicalization: A systematic integration of existing theories and empirical research. *International Journal of Conflict and Violence*, 14 (1). <https://10.4119/ijcv-3778>
- Bélanger, J. J., Moyano, M., Muhammad, H., Richardson, L., Lafrenière, M.-A. K., McCaffery, P., Framand, K., & Nociti, N. (2019). Radicalization Leading to Violence: A Test of the 3N Model. *Frontiers in psychiatry*, 10, 42. <https://10.3389/fpsy.2019.00042>
- Bliesener, T., Schröder, C., & Lehmann, L. (2021). Pathways to radicalization in adolescence: The development of ideological beliefs, acceptance of violence, and extremist behavior. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 104 (3), 231–242. <https://10.1515/mks-2021-0124>
- Byrne, B. M. (2016). *Structural equation modeling with AMOS: Basic concepts, applications, and programming* (3rd ed.). New York: Routledge.
- Christmann, K. (2012). *Preventing religious radicalisation and violent extremism: A systematic review of the research evidence*. Youth Justice Board. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/396030/preventing-violent-extremism-systematic-review.pdf
- Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. (2002). Self and Social Identity. *Annual review of psychology*, 53, 161–186. <https://10.1146/annurev.psych.53.100901.135228>
- Evers, F., Klötzer, J., Seifert, A. C., & Somfalvy, E. (2018). *Civilian Prevention of Radicalization in Central Asia*. CORE Working Paper.
- Ghosh, R., Chan, W. Y. A., Manuel, A., & Dilimulati, M. (2017). Can education counter violent religious extremism? *Canadian Foreign Policy Journal*, 23 (2), 117–133. <https://10.1080/11926422.2016.1165713>
- Hogg, M. A. (2021). Uncertain Self in a Changing World: A Foundation for Radicalisation, Populism, and Autocratic Leadership. *European Review of Social Psychology*, 32 (2), 235–268. <https://10.1080/10463283.2020.1827628>
- Kruglanski, A., Jasko, K., Webber, D., Chernikova, M., & Molinaro, E. (2018). The Making of Violent Extremists. *Review of General Psychology*, 22 (1), 107–120. <https://10.1037/gpr0000144>
- Kuchkarov, R. (2020). Ideological Threats in Uzbekistan: Recent History and Modern Techniques. *Religión*, 5 (25), 315–322. <https://doi.org/10.46652/rgn.v5i25.694>
- Maydeu-Olivares, A., & D'Zurilla, T. J. (1995). A factor analysis of the social problem-solving inventory using polychoric correlations. *European Journal of Psychological Assessment*, 11 (2), 98–107. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.11.2.98>
- Matveeva, A. (2018). Radicalisation and Violent Extremism in Kyrgyzstan: on the Way to the Caliphate. *The RUSI Journal*, 163 (1), 30–46. <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1453013>
- Myers, N. D., Ahn, S., & Jin, Y. (2011). Sample size and power estimates for a confirmatory factor analytic model in exercise and sport: A Monte Carlo approach. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 82 (3), 412–423. <https://doi.org/10.1080/02701367.2011.10599773>
- Nesser, P. (2011). Ideologies of Jihad in Europe. *Terrorism and Political Violence*, 23 (2), 173–200. <https://doi.org/10.1080/09546553.2010.537587>
- Roffey, S., & Boyle, C. (2018). Belief, belonging and the role of schools in reducing the risk of home-grown extremism. In K.-A. Allen & C. Boyle (Eds.), *Pathways to belonging: Contemporary research in school belonging* (pp. 149–165). Brill Sense. https://doi.org/10.1163/9789004386969_009
- Schmid, A. P. (2013). Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. *The International Centre for Counter-Terrorism - The Hague*, 4 (2). <https://doi.org/10.19165/2013.1.02>
- van Voorhis, C. R. W., & Morgan, B. L. (2007). Understanding power and rules of thumb for determining sample sizes. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*, 3 (2), 43–50. <https://doi.org/10.20982/tqmp.03.2.p043>

- van der Heide, L., van der Zwan, M., & van Leyenhorst, M. (2019). The Practitioner's Guide to the Galaxy - A Comparison of Risk Assessment Tools for Violent Extremism. *International Centre for Counter-Terrorism*. <http://www.jstor.org/stable/resrep29450>
- Wolfowicz, M., Litmanovitz, Y., Weisburd, D., & Hasisi, B. (2020). A field-wide systematic review and meta-analysis of putative risk and protective factors for radicalization outcomes. *Journal of Quantitative Criminology*, 36 (3), 407–447. <https://doi.org/10.1007/s10940-019-09439-4>

Информация об авторе:

Злоказов Кирилл Витальевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 17.04.2023

Одобрена после рецензирования 10.05.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Kirill V. Zlokazov – Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 17, 2023

Approved after reviewing May 10, 2023

Accepted July 28, 2023

Оригинальная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-173-188

Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудностей сепарации и социальной адаптации

Александр Васильевич Смирнов

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139x

Людмила Александровна Максимова

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
maksimova70@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0017-5321

Аннотация

Актуальность работы состоит в высокой социальной значимости исследований в области выявления механизмов формирования деструктивного поведения в юношеском возрасте. Изучение глубинно-психологической сферы личности позволяет выявить неосознаваемые тенденции, отражающие склонности к деструктивному поведению, а также прогнозировать риски подобных проявлений в поведении человека.

Цель исследования: изучение и представление деструктивных и самодеструктивных тенденций в глубинно-психологической сфере юношей, проживающих в городской и сельской местности.

Теоретические методы исследования: сравнительно-аналитический метод, а также индуктивный и дедуктивный методы. **Эмпирические методы** исследования: методы направленной беседы, наблюдения, а также психодиагностический метод (метод экспериментальной диагностики побуждений «Szondi-Test»). Статистическая обработка данных проводилась как ручным способом, так и при помощи программного пакета «Statistica».

Анализ эмпирически полученных данных показывает, что глубинно-психологическая сфера и ее отдельные области отражают естественное для юношеского возраста протекание кризисного периода личностного и социального развития. Были выделены пять условных типов личности юношей: «нормально социализирующиеся», «агрессивные», «деструкторы и самодеструкторы», «пассивные и ведомые», «регрессивные и аддиктивные». При анализе глубинно-психологической сферы «Я» было установлено, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у сельской молодежи оказывается выше, чем у городской.

С научной точки зрения проведенное исследование подтверждает и дополняет имеющиеся научные сведения о процессах и закономерностях развития личности в юношеском возрасте. Научную новизну исследования придают раскрытые и описанные глубинно-психологические процессы и особенности личностного и возрастного развития молодых людей.

Ключевые слова

аддикции, девиации, деструкции, судьбоанализ, юношеский возраст

Для цитирования: Смирнов, А. В., Максимова, Л. А. (2023). Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудностей сепарации и социальной адаптации. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 173-188. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-173-188.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания 073-00042-21-02 по теме «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

Original paper

Alexander V. Smirnov

Ural State Pedagogical
University
(Ekaterinburg, Russia)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139x

Lyudmila A. Maksimova

Ural State Pedagogical
University
(Ekaterinburg, Russia)
maksimova70@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0017-5321

Destructive and self-destructive tendencies in the deep psychological sphere of urban and rural young people as a reflection of difficulties in separation and social adaptation

Abstract

The **relevance** of the research lies in the high social significance of research in the field of revealing mechanisms of destructive behavior formation in adolescence. The study of depth-psychological sphere of personality makes it possible to identify unconscious tendencies reflecting tendencies to destructive behavior, as well as to predict the risks of such manifestations in human behavior.

Purpose of the research is the study and presentation of destructive and self-destructive tendencies in the in-depth psychological sphere of young people living in urban and rural areas.

Theoretical research **methods** are the comparative-analytical method as well as the inductive and deductive methods. Empirical research methods: methods of directed conversation, observation, as well as psychodiagnostic method (method of experimental diagnostics of motives «Szondi-Test»). Statistical processing of the data is carried out both manually and with the help of the software package «Statistica».

The **analysis** of empirically received data indicates that the in-depth psychological sphere and its separate areas reflect the natural course of the crisis period of personal and social development for adolescence. Five conditional personality types of young people are identified: «Normally socialized», «Aggressive», «Destructive and self-destructive», «Passive and dependent», «Regressive and addictive». In analyzing it was found that the probability of destructive and self-destructive tendencies in rural youth is higher than in urban youth.

From the scientific point of view, the research confirms and completes the existing scientific information about the processes and regularities of personality development in adolescence. Scientific novelty of the research is given by the revealed and described in-depth psychological processes and peculiarities of personal and age development of young people.

Keywords

addictions, deviations, destructions, fate-analysis, adolescence

For citation: Smirnov, A. V., Maksimova, L. A. (2023). Destructive and self-destructive tendencies in the deep psychological sphere of urban and rural young people as a reflection of difficulties in separation and social adaptation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 173-188. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-173-188.

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of government task 073-00042-21-02 «Scientific analysis of the use of unified methodology of socio-psychological testing of students aimed at early detection of non-medical use of drugs and psychotropic substances and its improvement».

Введение

Массовое проведение в регионах России социально-психологического тестирования несовершеннолетних, имеющего целью выявление явной и латентной рискогенности социально-психологических условий, выступающих предикторами формирования различных форм рискованного поведения, показывает высокую социальную значимость исследований в области личностных особенностей молодежи, потенциально склонной к деструктивному поведению. Изучение специфики деструктивных тенденций в структуре глубинно-психологической сферы юношества представляет научный и практический интерес, в связи с тем что данные процессы не подвергаются цензуре сознания, следовательно, минимальной является вероятность искажения или фальсификации получаемых сведений. Процессы, происходящие в бессознательной глубинно-психологической сфере, способны детерминировать поведение и поступки людей (Зонди, 2017; Смирнов, 2014). По состоянию глубинно-психологической сферы мы можем фиксировать конкретные тенденции отклоняющегося поведения и прогнозировать его формы. Состояние глубинно-психологической сферы способно изменяться с положительной или отрицательной динамикой под воздействием различных внешних, средовых, ситуативных факторов (Смирнов, 2010), а значит, по состоянию глубинно-психологической сферы можно судить о наличии тех или иных средовых условий, способствующих формированию психологической готовности к отклоняющемуся поведению.

Выбранная область исследований определила их объект и предмет. В качестве объекта исследований выступила личность юношеского возраста. Предметом исследований стала глубинно-психологическая сфера и ее особенности.

В качестве основной цели исследования выступает изучение и представление деструктивных и самодеструктивных тенденций в глубинно-психологической сфере юношей, проживающих в городской и сельской местности.

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые различия в характеристиках глубинно-психологической сферы юношей, проживающих в городской и сельской местности.

2. Деструктивные тенденции в структуре глубинно-психологической сферы личности юношей из города и сельской местности, имеют специфическую выраженность.

Обзор литературы

Проблема изучения деструктивного поведения занимает особое место в научном дискурсе. Представители разных научных направлений занимаются выявлением факторов, механизмов и маркеров деструктивного поведения. Однако проблема заключается в том, что в работах наряду с термином «деструктивное поведение» часто используются определения «отклоняющееся», «рискованное», «аддиктивное» поведение, что обусловлено значительным количеством оснований для классификаций форм подобного поведения как деструктивного (Curry & Youngblade, 2006).

Под деструктивным поведением может пониматься вся совокупность девиантных форм поведения (девиантное, делинквентное, аддиктивное, агрессивное, самодеструктивное, суицидальное), признаками которых являются нарушение норм и границ, нанесение ущерба самому деструктору и социуму, социальная опасность и однозначная негативная социальная оценка такого поведения, социальная дезадаптация и нарушение нормальной жизнедеятельности самого деструктора. Такое понимание деструктивного поведения принимается социологами, психологами, правоведами, педагогами, медицинскими психологами, девиантологами.

Несмотря на общую признанность такого определения, одной из методологических проблем в изучении деструктивного поведения выступает тот факт, что все указанные направления стоят на различных методологических и методических позициях, определяют только свою узкую предметную область интереса в отношении деструктивного поведения, по-разному представляют его этиологические факторы и исходят из своей методологии, терапии и профилактики. Возникшая методологическая изолированность, монодисциплинарность и связанная с ними предметная узость привели к «коллекционированию» разноуровневых черт деструктивной индивидуальности, этиологических, детерминирующих факторов деструктивного поведения и его рисков, представлению множества

моделей механизмов его развития. Так, представители социологического направления выявляют социальные факторы риска возникновения деструктивного поведения. Например, группа ученых во главе с S. V. Menon в качестве маркеров подобного поведения рассматривает протестность, стремление к социальной оппозиции (Menon et al., 2019). J. P. Schneider и R. R. Irons, изучая самодеструктивное поведение, приходят к выводу о том, что оно формируется как результат неразрешимых для личности проблем в межличностном взаимодействии (Schneider & Irons, 2001). О. В. Кружкова с коллегами исследуют проблемы деструктивного поведения молодежи с точки зрения вандализма в городской среде (Руденкин и др., 2018).

Под деструктивным поведением может пониматься вся совокупность девиантных форм поведения, признаками которых являются нарушение норм и границ, нанесение ущерба самому деструктору и социуму, социальная опасность и однозначная негативная социальная оценка такого поведения, социальная дезадаптация и нарушение нормальной жизнедеятельности самого деструктора

Интернет как новый феномен культуры и технологии также открыл новые аспекты для изучения деструктивности. В последние годы появилось значительное количество исследований, посвященных изучению деструктивного поведения в интернет-среде. Z. Hussein с коллегами рассматривали средовые факторы возникновения онлайн-игровой зависимости (Hussein, Griffiths, & Baguley, 2012). М. Р. Арпентьева вводит в научный дискурс понятие «цифровые беспризорники». По ее мнению, многие современные обучающиеся демонстрируют типичные для беспризорников черты: отчуждение, десоциализацию, общую деструкцию личности и ее структур, а также деструкцию в отношениях с миром и с собой (Арпентьева, 2017). Г. У. Солдатова с коллегами анализируют риски возникновения различных форм деструктивного поведения в онлайн-среде, в том числе такого варианта, как кибербуллинг (Солдатова, Шляпников, Журина, 2015).

Исследователи в области психологии личности выявляют психологические особенности людей, склонных к деструктивному поведению. Н. G. Sotoudeh, М. А. Nazari, М. А. Mirhashemi считают, что факторами устойчивости или подверженности личности к подобному поведению являются такие проблемные личностные сферы, как «самоконтроль», «уверенность в себе», «опыт самостоятельного решения проблем» (Sotoudeh, Nazari, & Mirhashemi, 2021). Р. Ghazal в качестве ведущих личностных черт, коррелирующих с деструктивным поведением, выделяет импульсивность, стремление «попробовать запретное», специфические реакции на стресс (Ghazal, 2019). Е. А. Азарова рассматривает аддикции как парадокс деструкции и компенсации личности, считает, что определенные личностные особенности (лживость, тревожность, агрессивность, жестокость, ригидность) способствуют возникновению не только деструктивных, но и криминогенных форм поведения (Азарова, 2021). S. Tabachnikov с коллегами установили, что показатели психоэмоционального состояния молодых людей, склонных к игровой и табачной зависимостям, и людей, не склонных к этим аддикциям, имеют отличительные особенности, а также доказали схожесть механизмов формирования данных видов аддикций и выявили факт того, что эти аддикции носят взаимоусиливающий характер (Tabachnikov et al., 2020). С. В. Хусаинова и Р. Н. Хахимзянов считают, что личностям, склонным к отклоняющемуся поведению, характерны негативизм, подозрительность, агрессивность, чувства обиды и вины (Хусаинова, Хахимзянов, 2019).

Так называемые профилактическое и коррекционно-терапевтическое направления также вносят свой существенный вклад в исследования деструктивности. В качестве методов работы с людьми, склонными к деструктивному поведению, Р. Moradi, F. F. Lavasani и М. Dejman предлагают различные формы работы с семьей (Moradi, Lavasani, & Dejman, 2019). А. М. Morales и коллеги – вовлечение в творческую деятельность (Morales et al., 2020). З. Ф. Зверева показывает ресурсы занятий музыкой (Зверева, Мирошник, 2019), А. Ю. Егоров и С. В. Гречаный – использование спортивных мероприятий (Егоров, Гречаный, 2019), другие авторы рассматривают возможности социально-культурной деятельности (Bezliudnyi et al., 2019); Бояршинова, 2015).

Достаточно молодым является направление изучения деструктивного поведения в профессиональной деятельности и профилактирующей профориентологии (Darius, 2017). Е. А. Круглова предлагает подходить к решению данной проблемы с позиций системного подхода (Круглова, Попель, 2020). С. А. Дружилов рассматривает профессиональные деструкции личности как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации. По его мнению, профессио-

нально деструктивное поведение характеризуется разрушением или деструктивным построением личности и деятельности (Дружилов, 2017).

А. С. Каткова и И. В. Вачков установили психологические детерминанты деструктивных вариантов личностно-профессионального развития студентов (Каткова, Вачков, 2020). Е. А. Печенкова с коллегами разработали психотехнологии предупреждения и коррекции деструктивных копинг-стратегий у руководителей и сотрудников органов внутренних дел (Печенкова, Рогов, Самойленко, 2020).

Клинические аспекты формирования и проявления различных деструкций поведения описывались в работах V. A. Minkin и N. N. Nikolaenko (Minkin & Nikolaenko, 2008). С точки зрения клиницистов, деструктивное поведение понимается, прежде всего, как зависимое от употребления определенных психоактивных химических веществ (García et al., 2021; Miller et al., 2001; Schneider & Irons, 2001), нарушений пищевого поведения (Рахимкулова, 2020). В. Н. García с коллегами выявили, что на риск появления деструкций поведения может оказывать влияние наличие синдрома дефицита внимания и гиперактивности (García et al., 2021).

Н. П. Фетискин также придерживается позиции клиницистов, обосновывая положение о том, что деструкции личности и поведения проявляются в мозаично искаженном восприятии мира, имеющем широкий диапазон ценностных, психических, поведенческих отклонений, а также нарушений когнитивно-мотивационных структур (Фетискин, Миронова, 2017).

До настоящей публикации без внимания оставалось глубинно-психологическое направление изучения деструктивного поведения молодежи. Этот пробел восполняется представленными материалами. Глубинно-психологическая сфера включает область глубинных побуждений и включенных в них глубинных экзистенциальных потребностей, постулированных швейцарским психологом Леопольдом Зонди в рамках одного из направлений глубинной психологии – судьбоанализа (Schicksalsanalyse), основателем которого он является (Зонди, 2017).

По мнению Л. Зонди, побуждением и его вектором является единство двух потребностей, преследующих удовлетворение одной и той же биопсихической цели. Иными словами, в структуру каждого побуждения Л. Зонди включает по паре экзистенциальных потребностей. Побуждения благодаря этим потребностям становятся осуществляемой деятельностью. Всего в глубинно-психологической структуре личности Л. Зонди выделил восемь основных потребностей.

1. Сексуальное побуждение (S) заключается в диалектическом единстве потребностей в любви (h) и по-

требности в активности (s). Экзистенциальной глубинной целью побуждения является продолжение рода.

2. Пароксизмальное побуждение (P) охватывает сферу аффектов и область эмоционального контроля. Оно представляет диалектическое единство двух потребностей – потребности в этической регуляции поведения (e) и потребности в моральной регуляции поведения (hy). Указанные потребности пароксизмального побуждения имеют целью эмоционально-аффективную регуляцию поведения и в ряде случаев призваны выполнять роль защитных механизмов для достижения психического равновесия и здоровья личности. Экзистенциальной генеральной целью пароксизмального побуждения является морально-этическая регуляция поведения, т. е. оно выступает как морально-этическая цензура.

3. Побуждение «Я» (Sch) выступает диалектическим единством потребности в эгосистолическом сужении Я, (k) – связь с реальным и материальным миром и потребности в эгодиастолическом расширении Я (p) – построение идеалов. Таким образом, эгосистоло представляет собой рациональную часть человеческого «Я», а эгодиастоло – духовную и иррациональную часть. Обе потребности обеспечивают достижение одной экзистенциальной цели – целостность, психическое здоровье «Я».

4. Побуждение контакта (C) является диалектическим единством потребностей в поиске объектов бытия (d) и потребности в установлении контакта с этими объектами (m). Эти потребности также обуславливают стремление человека к изменениям, к поиску нового. Генеральной целью этого побуждения выступает связь с миром и контакт с объектами бытия¹.

В нашем исследовании эти глубинные побуждения представлены векторными картинками, отражающими состояние как целостной глубинной сферы, так и отдельных ее областей – сексуальной, эмоционально-аффективной, области «Я» и контакта.

К настоящему времени уже имеется определенное число исследований, предметной областью которых стала глубинно-психологическая сфера личности и используются концептуальные положения Л. Зонди. Так, по мнению А. В. Смирнова, изучение глубинно-психологической сферы личности позволяет выделить механизмы предрасположенности к возникновению аддикций. Согласно его определению, аддиктивное поведение представляет собой рецидивирующее компульсивное, ясно и рационально немотивированное, не поддающееся контролю побуждение к совершению определенных действий или поступков, конечной целью которых является получение субъективного физического и психологического удовольствия, источником которого могут выступать как психоактивные

¹ Смирнов, А. В. (2005). *Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди*: учебное пособие. Университет. EDN QXUJPL.

вещества (ПАВ), так и различные виды деятельности, опредмечивающие аддикцию (Смирнов, 2010).

Е. В. Мирошник на основе оценки сознательного и бессознательного уровней, потребностной сферы и побудительных мотивов личности разрабатывает методику глубинной психологической оценки эффективности индивидуального стиля деятельности (Мирошкин, Минкин, 2019).

А. И. Ложкин, разрабатывая проблему мотивации деструктивного поведения и его криминальных проявлений, опирался на разработанный им мотивационно-смысловой подход и выделил глубинные аспекты мотивации поведения агрессивного и агрессивного насильственного преступника².

А. А. Розанова рассматривала нормативное и ценностное ограничение стремления людей к удовлетворению своих потребностей как модель репрессивного формирования поведения, итогом которого может явиться деструкция (Розанова, Розанов, 2020).

В. М. Труш и Н. Д. Гомонов с помощью методики Л. Зонди исследовали структуру потребностно-побудительной сферы личности делинквентов (Труш, Гомонов, 2018), а Н. Л. Ковалева, используя методику и методологию Л. Зонди, выявила особенности глубинно-психологической сферы подростков, проявляющих деструктивные поведенческие тенденции. Полученные данные были также использованы для коррекции агрессивного поведения (Ковалева, 2020).

Методология, методы и материалы исследования

Тематика работы, рассматриваемые в ней вопросы обусловили использование ряда теоретических положений, разработанных как отечественными, так и зарубежными психологами.

Прежде всего, необходимо отметить судьбоаналитический подход, разработанный представителем швейцарской школы глубинной психологии Л. Зонди (Зонди, 2017), который позволил исследовать и проанализировать процессы и тенденции развития, происходящие в глубинно-психологической сфере молодых людей.

Исследование различных аспектов развития личности в юношеском возрасте опиралось, с одной стороны, на концепцию развития личности, разработанную Э. Эриксоном, с другой стороны, на теоретические разработки В. Н. Мясищева, постулированные им в рамках концепции психологии отношений. Анализ различных форм отклоняющегося поведе-

ния опирался на мотивационно-смысловой подход А. И. Ложкина и идеи А. В. Смирнова в области базовых психологических компонентов аддиктивного поведения в структуре интегральной индивидуальности³ (Смирнов, 2010).

В качестве теоретических методов исследования применялись сравнительно-аналитический, индуктивный и дедуктивный методы. В качестве эмпирических методов исследования выступили методы направленной беседы, наблюдения, а также психодиагностический метод. Для диагностики выбрана методика экспериментальной диагностики побуждений «Szondi-Test» (Л. Зонди). Валидность и надежность данной методики была доказана в проведенных ранее специально организованных исследованиях⁴. Коэффициент надежности теста составляет 97 % (KR= 0.97). Статистическая обработка данных проводилась как ручным способом, так и при помощи программного пакета «Statistica».

Критериями отбора испытуемых в исследовательскую выборку стали пол, возраст, деятельность и культурно-историческая среда проживания. По критерию пола все испытуемые – лица мужского пола. По критерию возраста все испытуемые относятся к юношескому возрасту. В соответствии с критерием деятельности все испытуемые на момент исследования находились в процессе получения образования.

Кроме того, в ходе работы учитывался тот факт, что участники исследования большей частью проживают в различных культурно-информационных средах.

Под культурно-информационной средой нами понималась совокупность условий жизни испытуемых, характеризующихся рядом признаков, таких как: урбанизация среды, специфика бытовой и социальной инфраструктуры, доступность и многообразие различных форм деятельности, информационная насыщенность и экономические условия. В связи с этим был выделен критерий культурно-информационной среды проживания. В соответствии с этим критерием и с выделенными признаками культурно-информационной среды участники исследования были разделены на две группы. В первую группу «юноши-город» вошло 110 молодых людей, которые являются коренными жителями городов Свердловской области. Вторую группу «юноши-сельская местность» составили 110 молодых людей, коренных жителей сел и деревень Свердловской области.

В нашем исследовании проводилось трехкратное тестирование каждого испытуемого. В результате

² Ложкин, А. И. (2003). *Психология поведения девиантной личности: Учеб-метод. пособие*. Уральский государственный педагогический университет.

³ Там же.

⁴ Смирнов, А. В. (2005). *Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди: учебное пособие*. Университет. EDN QXUJPL.

тестирования получены сведения о состоянии четырех глубинно-психологических сфер – сексуальной, пароксизмальной, сферы «Я» и сферы контактов, выражающиеся в тесте векторными картинками.

Результаты исследования

С целью выбора статистических методов обработки, в каждой группе определялся характер распределения переменных. Распределение определялось по всем переменным с применением критерия Dmax. Колмогорова-Смирнова. Анализ данных показал, что распределение данных в выборке «Юноши-город» на 94 %, а в выборке «Юноши-сельская местность» на 100 % не соответствует нормальному. Следовательно, при обработке данных необходимо использовать непараметрические критерии.

Для определения репрезентативности использовалась проверка устойчивости распределения. Принято считать, что если распределение, полученное на половине выборки, хорошо моделирует целое распределение, то, в свою очередь, это целое распределение будет хорошо отражать распределение всей генеральной совокупности.

При проверке устойчивости распределения выборка разделялась методом нечетной сортировки на две половины. Сравнение двух половин проводилось с применением критерия λ Колмогорова-Смирнова. Высокие проценты репрезентативности (соответственно 100 % и 97 %) означают однородность, гомогенность

групп, отсутствие каких-либо внутренних факторов, способных исказить результаты, которые являются достаточно устойчивыми. Таким образом, выводы, полученные в ходе нашего исследования, можно распространять на достаточно обширные объемы генеральной совокупности, в состав которой входят молодые люди юношеского возраста мужского пола, проживающие в городской и сельской местности.

На следующем этапе исследования производились оценка состояния и сравнительный анализ всей глубинно-психологической сферы у городской и сельской молодежи отдельно.

Данные были получены с помощью теста Л. Зонди. С этой целью первоначально проводился подсчет частоты встречаемости векторных картин в каждой группе.

Затем производилась оценка доверительных интервалов на уровне 95 % значимости в частотной выраженности векторных картин в каждом векторе отдельно. Эта процедура позволила выделить в каждом векторе наиболее значимые векторные картины в глубинной сфере молодых людей в обеих группах (табл. 1).

Для того чтобы определить принадлежность указанных векторных только к группе «юноши-город» или «юноши-сельская местность», частотные показатели сравнивались между собой по критерию χ².

Как видно из таблицы 2, наблюдается отсутствие статистически значимых различий в глубинно-психологической сфере юношей, проживающих в городской

Таблица 1. Векторные картины теста Л. Зонди, набравшие наибольшую частоту в группах «юноши-город» и «юноши-сельская местность»

Table 1. Vector patterns of the L. Szondi test, with the highest frequency in the « Young male - urban» and « Young male - rural» groups

№ Позиции	Сексуальный вектор (S)				Пароксизмальный вектор (P)				Вектор «Я» (Sch)				Вектор контактов (C)			
	Городские		Сельские		Городские		Сельские		Городские		Сельские		Городские		Сельские	
	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота
1	++	22	+!! -	16	+ -	19	+! -	24	- +	33	-!! 0	22	- +	18	- ≠	23
2	+ -	19	+!! +	12	0 -	18	-! -	17	- 0	26	-!! +	20	- ≠	15	0 =	22
3	+ 0	14	- 0	11	--	17	- ≠	14	= 0	16	-!! -	14	0 =	14	+ =	18
4	0 -	12	+! =	10	= -!	11	= 0	12	= +	15	= 0	13	0 0	13	0 +!!	15
5	+ =	11	= 0	9	- 0	9	0 -!!	11	0 0	14	0 =	12	- 0	12	- +!!	14
6	0 =	8	+ 0	8	0 =	7	= -!!	10	0 +	12	+ =	8	+ =	10	++	13

и сельской местности по всем векторам. Отсутствие различий можно объяснить тем обстоятельством, что и те, и другие испытуемые находятся на одной стадии возрастного развития и сталкиваются с решением единых проблем личностного, социального и профессионального становления. Отсутствие различий при анализе целостной картины глубинной сферы молодых людей не означает несущественность выделенного критерия культурно-информационной среды проживания, а показывает, что особенности и закономерности, обнаруживаемые при анализе целостной глубинно-психологической сферы молодых людей, можно рассматривать как характерные и общие для обеих категорий юношей.

При этом на уровне тенденций отмечаются количественно-качественные различия между городской и сельской молодежью в векторе «Я». Сравнение городской и сельской групп молодежи методом углового преобразования Фишера (ϕ^* -критерия) показало, что доля лиц с деструктивными картинами «Я» в группе сельской молодежи больше, чем в городской ($\phi_{\text{эмп.}}=5,44 > \phi_{\text{крит.}}=2,31$ при $p < 0,01$). А это значит, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у сельской молодежи оказывается выше.

Обсуждение результатов исследования

Обнаруженные различия между городскими и сельскими юношами в векторе «Я» могут быть связаны с тем, что сельская культурно-информационная среда предоставляет меньше возможностей для самоактуализации личности по сравнению с городской. Перспективы будущей жизни молодого сельского жителя менее позитивны, чем у городского. И, наконец, чтобы начать жизнь в городе, юноши из села должны будут все начинать «с нуля», отделившись от родителей, в то время как горожанин уже проживает в городе и может опираться на базу, созданную родителями. Возможно, этот

конфликт между желаемым и возможным и порождает деструктивные тенденции.

Далее рассмотрим основные глубинно-психологические тенденции личности юношей по векторам (табл. 2).

Вектор контактов (С)

Данные показывают наличие естественного возрастного переломного периода личностного развития юношей. Этот период можно обозначить как кризисный, когда в области взаимоотношений личности с социумом, в ее коммуникативной сфере наблюдаются множественные глубинные противоречивые тенденции. Так, с одной стороны, для юношей характерна сильная привязанность к родителям (– +), от которых они находятся в психологической, экономической и социальной зависимости (– +!), (0 +!). Родители остаются значимыми объектами любви и привязанности для юношей. Родительская опека способствует сохранению инфантилизма молодых людей (0 0) (таблица 1). С другой стороны, наблюдается начало естественного возрастного процесса сепарации от родителей. Проявляется стремление к расширению социальных контактов и отношений (+ +), стремление к выходу из-под родительской опеки (+ ±). При этом развитие более широких, чем детско-родительские социальные связи и отношения, сопровождается конфликтами. Суть этих конфликтов может быть изложена следующим образом. Молодые люди уже утрачивают прочную и гармоничную связь с родителями (– 0). Она расшатывается, становится непрочной (0 ±). Юноши стремятся разорвать эту связь и выйти на поиск нового, не родительского, значимого объекта привязанности, развить новые социальные взаимоотношения (+ ±). Однако будучи инфантильными и зависимыми от родителей (0 0), (– +), (– +!) они не могут быстро и успешно адаптироваться в новых социальных условиях (– ±). Поэтому, разрывая связь

Таблица 2. Результаты сравнения векторных картин с наибольшей частотой встречаемости в группах испытуемых

Table 2. Results of comparing the vector patterns with the highest frequency in the subject groups

Вектор	χ^2 эмп.	ν	χ^2 крит.
Сексуальный S	0,65	5	15,086
Пароксизмальный P	1,43	5	15,086
Вектор «Я» Sch	0,66	5	15,086
Вектор контактов С	0,25	5	15,086

Примечание: Различия могут считаться статистически значимыми, если χ^2 эмп. > χ^2 крит. при уровне статистической значимости ($p < 0,01$) для соответствующей степени свободы (ν)

с родителями ($0 \pm$), противопоставляя себя родителям, все же продолжают цепляться за прежний мир этих детско-родительских отношений, стремятся сохранить и даже продлить эту связь ($- 0$), ($- \pm$). Такие противоположные тенденции постоянно борются между собой, и ни одна из них не может одержать верх.

Следствием этого является выраженность противоречивых психологических особенностей личности и поведения молодежи в данном возрасте. Отметим наиболее важные из них. Противопоставление себя официальным авторитетам и подверженность влиянию со стороны лиц, которые несут в себе бессознательный образ отца или матери. Неустойчивость в отношениях и верность, преданность значимым для себя лицам и стремление к независимости с одновременной же выраженностью инфантильной потребности в опеке, заботе, защите. Такие векторные картины как ($-+$), ($- +!!$), ($- 0$), ($- \pm$) свидетельствуют также о неспособности молодых людей быстро адаптироваться в новых жизненных ситуациях.

Анализ показывает, что глубинно-психологическая сфера контактов отражает естественные кризисные процессы возрастного и личностного развития молодых людей, типичный для этого возраста процесс сепарации от родителей, переполненный противоречиями и конфликтами.

Сексуальный вектор (S)

Здесь также отражаются различные противоречивые глубинно-психологические тенденции, которые сопровождают процесс сепарации. С одной стороны, молодые люди проявляют жизненную активность, готовность к социально полезной деятельности, стремятся осваивать жизненное пространство, проявлять самостоятельность ($+ +$), ($+ 0$), развивать новые социальные связи и отношения, в которых большое значение придается отношениям с лицами противоположного пола ($+ +$). С другой стороны, юноши пока еще остаются чрезвычайно привязанными к родителям и находятся под их контролем ($+ \pm$), ($+! \pm$). Решение этого противоречия зависит как от индивидуальных особенностей, так и от характера отношений, сложившихся у молодого человека с родителями. Оно может проходить по крайней мере четырьмя путями (этими же путями может проходить, соответственно, и развитие личности).

Первый путь – нормальная социализация – усвоение социального опыта, социально одобряемых норм и форм поведения, системы социальных связей и отношений, приобретение социальных ценностей и личных убеждений, необходимых для нормальной общественно полезной жизни, занятие активной социально- и личностно-полезной жизненной позиции ($+ +$). Она является результатом здорового психологического климата в семье, адекватной

воспитательной политики родителей, проявления ими любви и заботы по отношению к сыну в раннем детстве и подростковом возрасте, что формирует позитивное отношение к более широкому социальному окружению. Благодаря активному межличностному общению, процессы развития высших психических функций (внимание, восприятие, мышление, память и др.) идут без задержки и способствуют расширению адаптивных способностей. Как следствие, зависимость от родителей постепенно уменьшается и развивается способность к самостоятельному, независимому существованию и последующей социализации.

Второй путь – агрессивное поведение – развитие агрессивных отношений с родителями ($+!! +$). Эти отношения характеризуются грубостью, жесткостью, постоянными стычками, конфликтами, душевной черствостью и холодностью ($0 \pm$), а иногда физической агрессией ($- 0$) как по отношению к родителям, так и к более широкому окружению. Одним из базовых факторов формирования агрессивного поведения является неприятие или прямое отвержение ребенка со стороны матери еще в раннем детстве. Отвержение способствует хроническому дефициту удовлетворения витальных потребностей ребенка и формирует его постоянную зависимость от матери, потому что только она может удовлетворить эти потребности. Пока сохраняется потребность, сохраняется и зависимость. Этот паттерн переносится на последующие возрастные этапы развития. Поэтому для агрессивных личностей характерны хроническая неудовлетворенность витальных потребностей и столь же хроническая зависимость от объектов, которые могут их удовлетворить. Это создает такую ситуацию, при которой окружающая социальная среда воспринимается как опасная. Последствиями такого «экстремального» существования является задержка процесса формирования адаптивных способностей к независимой, самостоятельной жизни. Эта задержка способствует замедленному и неглубокому развитию психических функций, примитивному уровню личностного развития, сниженному интеллекту, скудности и узости интересов. Формируется ограниченный набор средств и способов социальной адаптации, где агрессивное и агрессивно-насильственное поведение является ведущим.

Третий путь – пассивность и ведомость – отказ от активной жизненной позиции, который сопровождается пассивным ожиданием помощи и поддержки со стороны других лиц, ведомостью, подчиненностью, отказом от сопротивления насилию и от преодоления трудностей ($+ -$), ($+! -$), ($0 -$). В связи с этим важно отметить, что картины ($+ -$) и особенно ($+! -$) свидетельствуют о наличии у определенной части молодых людей тенденции к нарушениям психосексуального развития, а именно инверсии цели сексуального влечения и метатропизма в психосоциальном развитии. Практика

психологического консультирования подростков и молодежи показывает, что одним из решающих факторов в формировании этих отклонений является нарушение половой идентификации мальчиков в раннем детстве и подростковом возрасте. Она может быть результатом агрессивно доминирующей, подавляющей роли матери в семье, «кастрирующих» воспитательных мер с ее стороны, формирования негативного отношения к мужчинам, принижения роли отца и неучастия последнего в воспитании сына. Следствием чего является формирование пассивной жизненной позиции и указанных психологических особенностей личности.

Четвертый путь – психическая регрессия и аддиктивность как форма медленной самодеструкции – развитие гедонистического стиля жизни. Не справляясь с жизненными трудностями, в качестве защиты личность бессознательно регрессирует на более ранние инфантильные стадии развития (± 0). Поведенчески это проявляется в сниженной переносимости трудностей, слабости эмоционально-волевой регуляции поведения, безответственности, лживости, стремлении к удовольствиям как результат бегства от трудностей. Резко возрастает опасность различных форм аддиктивного поведения, в том числе наркомании и алкоголизма. Корни регрессивного и аддиктивного поведения следует искать также в семейной атмосфере и отношениях, которые характеризуются эмоциональной скудностью, скупостью чувственных переживаний. Следствием чего является формирование эмоциональной отчужденности, неразвитость коммуникативных навыков.

Как известно, межличностные отношения требуют больших эмоциональных затрат, немалых интеллектуальных усилий и отдачи. Но именно это представляет для определенной части молодых людей основную трудность, формирует комплекс неполноценности и страх его обнаружить. Поэтому эмоциональные отношения устанавливаются не с живыми людьми, а с определенными неодушевленными явлениями, предметами, деятельностью. Такие отношения для аддикта всегда кажутся безопасными, предсказуемыми, гарантированно дают чувство комфорта и удовольствия. В отличие от отношений с живыми людьми, они не несут проблем, разочарований, конфликтов. Так формирующаяся аддиктивная зависимость становится стилем жизни, благодаря которому аддикт отгораживается от социального взаимодействия и постепенно регрессирует в развитии во всех отношениях.

Таким образом, сексуальный вектор, так же как и сфера контактов, отражает естественные кризисные процессы возрастного и личностного развития молодых людей.

Вектор «Я»

Данные анализа этого вектора представляют особую важность, поскольку выраженность тех или иных защитных механизмов, входящих в структуру и побу-

ждения «Я», позволяет судить о способах и формах адаптации индивида к окружающей действительности, сохранности его психического здоровья, способах бессознательного совладания с различными душевными противоречиями. Именно человеческое «Я» выступает той инстанцией, которая определяет человеческую сущность индивида и выделяет его из мира животных. Кроме того, данные анализа этого вектора подтверждают и дополняют предложенные нами типы личности. И, наконец, именно в векторе «Я» обнаруживаются количественно-качественные различия между городской и сельской молодежью.

Такие векторные картины, как $(- +)$, (± 0) , $(\pm +)$, $(- 0)$, указывают на наличие различных механизмов, способствующих социально позитивной адаптации личности, усвоению социально одобряемых норм поведения в такой степени, что их соблюдение становится потребностью.

$(- +)$ – «сдержанное Я» – личность сдерживает, сдерживает любые свои стремления, которые противоречат социальным нормам. Это может проявляться в таких качествах, как дисциплинированность, исполнительность, неуверенность в себе и отсутствие инициативы.

(± 0) – «навязчивое Я» – предсудительные стремления вытесняются из сферы осознанных желаний, а социально-позитивные стремления внедряются и реализуются в поведении – отсюда навязчивость. Она отражается в таких качествах, как чрезмерная пунктуальность и педантичность, трудности в принятии решений и развитии межличностных отношений.

$(\pm +)$ – «каторжно работающее Я» – благодаря одновременному наличию механизмов навязчивости и сдерживания, личность справляется с предсудительными стремлениями. Носители этой картины «Я», как правило, проявляют такие качества, как способность переносить длительные статические и динамические перегрузки, выносливость, трудоспособность, высокую обучаемость и легкую усваиваемость любых знаний и информации, однако скованы при установлении социальных связей и отношений.

$(- 0)$ – «вытесняющее Я» – благодаря механизму вытеснения, из сферы сознания вытесняются не только явно социально неприемлемые стремления, но и любые другие, которые, с точки зрения данной личности, могут встретить осуждение со стороны окружающих. Такое тотальное вытеснение делает личность и ее адаптацию невротической. Тем не менее этот тип адаптации остается в пределах социально-позитивной нормы. Следствием невротизации являются такие качества личности, как повышение тревожности при столкновении с новыми социальными ситуациями, недооценка себя и своих возможностей.

Наличие перечисленных векторных картин сферы «Я» у определенной части молодых людей позволяет выделить их в условную группу «нор-

мально социализирующихся», которая была обозначена при анализе данных сексуального вектора.

На другом полюсе находятся векторные картины $(-!! +)$, $(-!! 0)$, $(-!! -)$, указывающие на опасные тенденции в сфере «Я» у определенной части молодых людей. В данном случае следует говорить о тенденциях к агрессивно-насильственному поведению, деструкции как ограниченных способах адаптации и о самодеструкции как показателе социальной дезадаптации, неадекватном способе разрешения внутриличностных конфликтов, возникающих в ходе развития личности. Эти тенденции могут проявляться в физически деструктивных, агрессивно-насильственных действиях против другого лица, в скрываемых суицидальных намерениях или попытках суицида, а также в стремлении к самодеструкции в других формах – алкоголизме, наркомании, «Self-Harming» (преднамеренных самоповреждениях конечностей острыми предметами с целью снять нервное напряжение). Эти выделенные особенности соотносятся с личностной спецификой «агрессивных» и позволяют выделить еще одну условную группу лиц – «самодеструкторов и суицидентов».

В следующую группу вошли векторные картины $(0 \pm)$, $(+ \pm)$, указывающие на такой способ социальной адаптации, при котором личность пассивно смиряется со всеми трудностями и отказывается преодолеть их, покорно подчиняясь обстоятельствам. Такая личность характеризуется пассивностью и ведомостью, сильной зависимостью от других, подчиненностью. Данные характеристики присущи личностям, входящим в обозначенную нами группу «пассивных и ведомых».

Векторные картины $(0 0)$, $(0 +)$ характеризуют личность с ситуационно-импульсивной регуляцией поведения, поскольку регуляторные функции «Я» оказываются предельно слабыми и неразвитыми. В данном случае отмечается неспособность устанавливать устойчивые отношения с людьми. Имеет место социальная дезадаптация в виде эмоциональной отчужденности, стремление к безудержным удовольствиям и игнорирование социальных норм. Подобные характеристики поведения присущи лицам, входящим в условную группу «регрессивных и аддиктивных».

Таким образом, вектор «Я» отражает способы социальной адаптации молодых людей в условиях кризиса возрастного развития, а также опасные тенденции этого развития, которые могут усиливаться в неблагоприятной среде.

Пароксизмальный вектор

Анализ этого вектора отражает специфику эмоциональной сферы индивида, что позволяет установить, насколько успешно или неуспешно проходит процесс социальной адаптации. Здесь учитываются регуляторная, мотивирующая и защитная функции эмоций.

Векторные картины $(+ -)$, (± 0) , диагностируемые у определенной части молодых людей, указывают на высокую степень развитости этической регуляции поведения, которая служит надежным заслоном к реализации асоциальных или девиантных стремлений. Развитость этической цензуры поведения может свидетельствовать о высокой степени социализации индивидов.

Следующая группа картин пароксизмального вектора отражает эмоциональное состояние молодых людей, которым сопровождается процесс сепарации от родителей – $(\pm -!)$, $(\pm -!!)$, $(+! -)$. Эти картины показывают этическую дилемму, переживаемую молодыми людьми, с одной стороны, в связи со стремлением отделиться от родителей, стать независимыми от них, с другой стороны, в связи с чувством вины перед родителями из-за желания покинуть их. Дилемма сопровождается эмоциональной напряженностью, тревогой и даже страхами, которые, однако, тщательно скрываются юношами. Наличие этих картин указывает также на высокую развитость механизмов морально-этической регуляции поведения. Индивиды, у которых диагностируются данные картины, могут быть отнесены также к группе «нормально социализирующиеся».

Представленность таких картин, как $(- -)$, $(0 -)$, $(0 -!!)$, $(0 \pm)$ указывает на выраженность у молодых людей таких состояний, как сильная тревога, сильный страх и даже внутренняя паника, вызываемые окружающим миром, социальной средой и отношениями, складывающимися с ней. Наличие этих диагностируемых состояний может указывать на личностную незрелость юношей. Их «Я» не справляется с решением возникающих в процессе адаптации противоречий, поэтому эмоциональная сфера выступает как единственный источник регуляции поведения. В связи с чем поведение личности подвержено эмоциональным импульсам, наблюдается избегание личной ответственности и восприятие себя в качестве «жертвы обстоятельств». Данные состояния могут быть представлены у лиц, входящих в условные группы «пассивных и ведомых», а также «регрессивных и аддиктивных».

Наконец, последняя группа векторных картин $(-! 0)$, $(-! -)$, $(- \pm)$ содержательно соотносится с такими группами, как «агрессивные» и «деструкторы и самодеструкторы». Эти картины образно можно охарактеризовать как «эмоциональное состояние Каина», который временно скрывает свои агрессивно-насильственные намерения. С одной стороны, наличие минусовых реакций в приведенных картинах может указывать на парализующий личность глубинный страх и панику, которые она переживает при столкновении с окружающей социальной средой и внешним миром и накоплении в связи с этим грубых, брутально-агрессивных аффектов. С другой

стороны, реакции «0» и «±» указывают не только на импульсивный характер поведенческих актов, но также на готовность и легкость проявления агрессивных эмоций и действий. Вероятность этого достаточно высока, поскольку сдерживающие механизмы «Я» у носителя такой картины эмоциональной сферы в большинстве случаев ослаблены, поэтому эмоции, грубые аффекты управляют поведением личности⁵.

Таким образом, в пароксизмальном векторе, как и в других векторах, также отражается характер течения естественного кризисного процесса возрастного и личностного развития молодых людей, типичного для этого возраста процесса сепарации от родителей.

Данные анализа этого вектора подтверждают возможность условной дифференциации на группы «нормально социализирующихся», «агрессивных», «деструкторов и самодеструкторов», «пассивных и зависимых», «регрессивных и аддиктивных».

Выводы

1. Анализ глубинно-психологической сферы юношей показал отсутствие значимых различий у представителей городской и сельской молодежи. Таким образом, особенности и закономерности, обнаруживаемые в глубинно-психологической сфере молодых людей, можно рассматривать как характерные и общие для обеих категорий населения. Отсутствие различий можно объяснить тем, что представители и городской, и сельской молодежи находятся на одной стадии возрастного развития и сталкиваются с решением единых проблем личностного, социального и профессионального становления.

2. При анализе глубинно-психологической сферы «Я» было установлено, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у юношей, проживающих в сельской местности, оказывается выше, чем у проживающих в городе. В качестве объяснения большей выраженности деструктивных тенденций у сельской молодежи можно выдвинуть те-

зис о большей остроте конфликта между «желаемым и возможным» у этой категории населения, который усиливается снижением качества жизни в сельской местности.

3. Анализ эмпирически полученных данных показывает, что вся глубинно-психологическая сфера и ее отдельные области – сексуальная, эмоционально-аффективная, область «Я» и область контактов – отражают в себе течение естественного и нормального для юношеского возраста кризисного периода личностного и социального развития. Этот период характеризуется началом процесса сепарации молодых людей от родителей, а также наличием множественных глубинных противоречивых тенденций развития, которые отражаются в соответствующем поведении, характере и направленности деятельности личности.

4. Выделены пять условных типов личности юношей в отношении социализации и социальной адаптации – «нормально социализирующиеся», «агрессивные», «деструкторы и самодеструкторы», «пассивные и ведомые», «регрессивные и аддиктивные». В основе типологии лежат некоторые виды девиантного поведения. Однако эти девиации не являются специфичными для молодых людей, поскольку могут встречаться в любой иной популяции. Правомерность выдвинутой типологии подтверждается анализом отдельных областей глубинно-психологической сферы, их содержательной взаимосвязанностью и данными исследований, проведенными другими авторами⁶.

5. Данные, полученные в ходе исследования, обладают репрезентативностью, следовательно, получаемые закономерности можно распространять на достаточно обширные объемы генеральной совокупности, в состав которой входят юноши, проживающие в городской и сельской местности.

6. Полученные результаты дают возможность создать систему превентивных-профилактических мер, позволяющих предотвращать нарушение дисциплины, девиантное или противоправное поведение юношей.

Список литературы

- Азарова, Е. А. (2021). *Психология и педагогика девиантного поведения*: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Кредо». EDN ROUMLA.
- Арпентьева, М. Р. (2017). Проблемы безопасности в Интернете: цифровая беспризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности. *Вестник Прикамского социального института*, 3 (78), 99–110. EDN ZUEEZV.
- Бояршинова, И. М. (2015). Проблемы реабилитации наркозависимой молодежи в условиях приграничного региона Оренбургской области. *Научный альманах*, 9 (11), 1360–1368. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1360>
- Дружилов, С. А. (2017). Профессионально-деструктивная деятельность как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2, 45–63. <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.02.45>

⁵ Ложкин, А. И. (2003). *Психология поведения девиантной личности*: Учеб-метод. пособие. Уральский государственный педагогический университет.

⁶ Там же.

- Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В. (2019). Современные подходы к терапии и коррекции интернет-аддикции. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 119 (6), 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
- Зверева, З. Ф., Мирошник, Е. В. (2019). Опыт оптимизации функционального состояния человека музыкальными средствами. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2 (54), 49–63. EDN UJKNSE.
- Зонди, Л. (2017). *Патология побуждений. Часть А. Диалектическое учение о побуждениях и диалектические методы тестового анализа; Часть Б. Элементы точной психиатрии побуждений* (пер. с немецкого и редакция Владимира Джоса). Москва.
- Каткова, А. С., Вачков, И. В. (2020). Психологические детерминанты возникновения внутриличностных противоречий студентов. *Клиническая и специальная психология*, 9 (2), 246–265. <https://doi.org/10.17759/crpe.2020090213>.
- Ковалева, Н. Л. (2020). Применение проективных тестов для выявления и коррекции агрессивного поведения подростков в условиях детского дома. *Человек и образование*, 2 (63), 66–71. <https://doi.org/10.54884/S181570410020781-4>
- Круглова, Е. А., Попель, Н. В. (2020). Системный подход к исследованию профессиональных деструкций личности педагогов. *Системная психология и социология*, 4 (36), 34–47. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.36.4.3>
- Мирошник, Е. В., Минкин, В. А. (2019). Полиэфекторный метод диагностики профиля побуждений и потребностей рsуscomfort для оценки эффективности индивидуального стиля деятельности сотрудников. *Современная психофизиология. Технология виброизображения*, 1 (2) 39–45. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC2.RU.5>
- Руденкин, Д. В., Воробьева, И. В., Кружкова, О. В., Кривошекова, М. С. (2018). Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации. *Образование и наука*, 20 (2), 125–146. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-125-146>
- Печенкова, Е. А., Рогов, А. В., Самойленко, А. Б. (2020). Психологическая технология предупреждения деструктивных копинг-стратегий у руководителей органов внутренних дел Российской Федерации. *Прикладная психология и педагогика*, 5 (3), 39–53. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-96-110>
- Рахимкулова, А. С. (2020). Последствия рискованного поведения для физического и психического здоровья подростков. *Девиантология*, 4 (1(6)), 3–15. [https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01\(6\)-3-15](https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15)
- Розанова, А. А., Розанов, Ф. И. (2020). Теоретико-методологические основания применения экономического исследования мотивационной и поведенческой сферы в психологических теориях. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, 3 (41), 40–46. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-40-46>
- Смирнов, А. В. (2010). Глубинно-психологические механизмы предрасположенности к аддиктивному поведению в структуре интегральной индивидуальности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 214–223. EDN: NBPSVL.
- Смирнов, А. В. (2014). Половые особенности проявлений “аддиктивного”, “пограничного” и “неаддиктивного” типов индивидуальности на глубинно-психологическом уровне интегральной индивидуальности. *Европейский журнал социальных наук*, 6-3 (45), 329–337. EDN TJLDJD.
- Солдатова, Г. У., Шляпников, В. Н., Журина, М. А. (2015). Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн». *Консультативная психология и психотерапия*, 3 (87), 50–66. <https://doi.org/10.17759/crp.2015230304>
- Труш, В. М., Гомонов, Н. Д. (2018). Криминогенная зараженность личности преступника с позиции судьбоанализа L. Szondi. *Юридические исследования*, 1, 1–30. EDN YOEFSEI.
- Фетискин, Н. П., Миронова, Т. И. (2017). Мозаичность личностной направленности в генезисе молодежных девиантных новообразований. *Системная психология и социология*, 4 (24), 28–41. EDN YLBXEM.
- Хусаинова, С. В., Хакимзянов, Р. Н. (2019). Исследование психологических особенностей личности, склонной к девиантному поведению. *Казанский педагогический журнал*, 6 (137), 195–201. EDN XYBMVZ.
- Bezliudnyi, O., Kravchenko, O., Maksymchuk, B., Mishchenko, M., & Maksymchuk, I. (2019). Psycho-correction of burnout syndrome in sports educators. *Journal of Physical Education and Sport*, 19 (3), 1585–1590. <https://doi.org/10.7752/jpes.2019.03230>
- Darius, S., Boeckelmann, I., Tymbota, M. O., Zavgorodnii, I. V., Zavgorodnia, N. I., & Kapustnik, W. A. (2017). Socio-psychological aspects of forming emotional burnout among high school teachers. *New Armenian Medical Journal*, 11. (2), 63–71. EDN XNXMQJ.
- Curry, L. A., & Youngblade, L. M. (2006). Negative affect, risk perception, and adolescent risk behavior. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 27 (5), 468–485. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2006.06.001>
- García, B. H., Vázquez, A. L., Moses, J. O., Cromer, K. D., Morrow, A. S., & Villodas, M. T. (2021). Risk for substance use among adolescents at-risk for childhood victimization: The moderating role of ADHD. *Child Abuse and Neglect*, 114, 104977. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.104977>

- Ghazal, P. (2019). Rising trend of substance abuse in Pakistan: a study of sociodemographic profiles of patients admitted to rehabilitation centres. *Public Health*, 167, 34–37. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.10.020>
- Hussein, Z., Griffiths, M. D., & Baguley, T. (2012). Online gaming addiction: classification, prediction and associated risk factors. *Addiction Research & Theory*, 20 (5), 359–371. <https://doi.org/10.3109/16066359.2011.640442>
- Menon, S. V., Thakur, H., Shorey, R. C., & Cohen, J. R. (2019). Predicting Adolescent Substance Use in a Child Welfare Sample: A Multi-Indicator Algorithm. *Assessment*, 28 (4), 1207–1218. <https://doi.org/10.1177/107319111988096>
- Miller T. W., Bilyeu J., Veltkamp L. J., Clayton, R., Welsh, R., & Elzie, N. (2001). Intimacy in addicted couples: clinical issues and case studies. *Journal of Couples Therapy*, 10 (3-4), 51–62. https://doi.org/10.1300/J036v10n03_06
- Minkin, V. A., & Nikolaenko, N. N. (2008). Application of Vibraimage Technology and System for Analysis of Motor Activity and Study of Functional State of the Human Body. *Biomedical Engineering*, 42 (4), 196–200. <https://doi.org/10.1007/s10527-008-9045-9M>
- Moradi, P., Lavasani, F. F., & Dejman, M. (2019). Adolescent substance abuse and family environment: A qualitative study. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*, 8 (2), e83781. <https://doi.org/10.5812/ijhrba.83781>
- Morales, A. M., Jones, S. A., Kliamovich, D., Harman, G., & Nagel, B. J. (2020). Identifying Early Risk Factors for Addiction Later in Life: a Review of Prospective Longitudinal Studies. *Current Addiction Reports*, 7 (1), 89–98. <https://doi.org/10.1007/s40429-019-00282-y>
- Tabachnikov, S., Osukhovskaya, O., Vasylyeva, G., Kharchenko, E., Salden, V., & Chepunna, A. (2020). Psychoemotional Synergy Register of Non-chemical Addiction and Tobacco Smoking in Young People. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 11 (3), 578–582. <https://doi.org/10.34883/PI.2020.11.3.014>
- Schneider, J. P., & Irons, R. R. (2001). Assessment and treatment of addictive sexual disorders: Relevance for chemical dependency relapse. *Substance Use & Misuse*, 36 (13), 1795–1820. <https://doi.org/10.1081/ja-100108428>
- Sotoudeh, H. G., Nazari, M. A., & Mirhashemi, M. (2021). Social-cognitive educational protocol for parents with adolescents at risk of substance use: Impact on adolescents' life skill. *Iranian Journal of Psychiatry*, 16 (3), 295–304. <https://doi.org/10.18502/ijps.v16i3.6255>

References

- Azarova, E. A. (2021). *Psichologiya i pedagogika deviantnogo povedeniya: monografiya*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Kredo". EDN ROUMLA.
- Arpent'eva, M. R. (2017). Problemy bezopasnosti v Internete: cifrovaya besprizornost' kak prichina cifrovoj zavisimosti i cifrovoj prestupnosti. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*, 3 (78), 99–110. EDN ZUEEZV.
- Boyarshinova, I. M. (2015). Problemy reabilitacii narkozavisimoy molodezhi v usloviyah prigranichnogo regiona Orenburgskoy oblasti. *Nauchnyj al'manah*, 9 (11), 1360–1368. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1360>
- Druzhilov, S. A. (2017). Professional'no-destruktivnaya deyatel'nost' kak proyavlenie professional'noj marginalizacii i deprofessionalizacii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psichologiya*, 2, 45–63. <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.02.45>
- Egorov, A. Yu., Grechanyj, S. V. (2019). Sovremennye podhody k terapii i korrekcii internet-addicicii. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii im. S. S. Korsakova*, 119 (6), 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
- Zvereva, Z. F., Miroshnik, E. V. (2019). Opyt optimizacii funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka muzykal'nymi sredstvami. *Novoe v psichologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, 2 (54), 49–63. EDN UJKNSE.
- Zondi, L. (2017). *Patologiya pobuzhdenij. Chast' A. Dialekticheskoe uchenie o pobuzhdeniyah i dialekticheskie metody testovogo analiza; Chast' B. Elementy tochnoj psichiatrii pobuzhdenij* (per. s nemeckogo i redakcija Vladimira Dzhosha). Moscow.
- Katkova, A. S., Vachkov, I. V. (2020). Psichologicheskie determinanty vozniknoveniya vnutrilichnostnyh protivorechij studentov. *Klinicheskaya i special'naya psichologiya*, 9 (2), 246–265. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090213>
- Kovaleva, N. L. (2020). Primenenie proektivnyh testov dlya vyyavleniya i korrekcii agressivnogo povedeniya podrostkov v usloviyah detskogo doma. *Chelovek i obrazovanie*, 2 (63), 66–71. <https://doi.org/10.54884/S181570410020781-4>
- Kruglova, E. A., Popel', N. V. (2020). Sistemnyj podhod k issledovaniyu professional'nyh destrucij lichnosti pedagogov. *Sistemnaya psichologiya i sociologiya*, 4 (36), 34–47. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.36.4.3>
- Miroshnik, E. V., Minkin, V. A. (2019). Polieffektivnyj metod diagnostiki profilya pobuzhdenij i potrebnostej psycomfort dlya ocenki effektivnosti individual'nogo stilya deyatel'nosti sotrudnikov. *Sovremennaya psichofiziologiya. Tekhnologiya vibroizobrazheniya*, 1 (2) 39–45. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC2.RU.5>
- Rudinkin, D. V., Vorob'eva, I. V., Kruzhkova, O. V., Krivoschekova, M. S. (2018). Molodezhnyj vandalizm v srede megapolisa: granicy normy i deviacii. *Obrazovanie i nauka*, 20 (2), 125–146. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-125-146>
- Pechenkova, E. A., Rogov, A. V., Samojlenko, A. B. (2020). Psichologicheskaya tekhnologiya preduprezhdeniya destruktivnyh koping-strategij u rukovoditelej organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. *Prikladnaya psichologiya i pedagogika*, 5 (3), 39–53. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-96-110>

- Rahimkulova, A. S. (2020). Posledstviya riskovannogo povedeniya dlya fizicheskogo i psichicheskogo zdorov'ya podrostkov. *Deviantologiya*, 4 (1(6)), 3–15. [https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01\(6\)-3-15](https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15)
- Rozanova, A. A., Rozanov, F. I. (2020). Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya primeneniya ekonomicheskogo issledovaniya motivacionnoj i povedencheskoy sfery v psichologicheskikh teoriyah. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 3 (41), 40–46. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-40-46>
- Smirnov, A. V. (2010). Glubinno-psichologicheskie mekhanizmy predispolozhennosti k addiktivnomu povedeniyu v strukture integral'noj individual'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psichologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 3. 214–223. EDN: NBPSVL.
- Smirnov, A. V. (2014). Polovye osobennosti proyavlenij “addiktivnogo”, “pogranichnogo” i “neaddiktivnogo” tipov individual'nosti na glubinno-psichologicheskom urovne integral'noj individual'nosti. *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk*, 6-3 (45), 329–337. EDN TJLDJD.
- Soldatova, G. U., Shlyapnikov, V. N., Zhurina, M. A. (2015). Evolyuciya onlajn-riskov: itogi pyatiletnej raboty linii pomoshchi «Deti onlajn». *Konsul'tativnaya psichologiya i psichoterapiya*, 3 (87), 50–66. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
- Trush, V. M., Gomonov, N. D. (2018). Kriminogennaya zarazhennost' lichnosti prestupnika s pozicii sud'boanaliza L. Szondi. *Yuridicheskie issledovaniya*, 1, 1–30. EDN YOEFISI.
- Fetiskin, N. P., Mironova, T. I. (2017). Mozaichnost' lichnostnoj napravlenosti v genezise molodezhnyh deviantnyh no-voobrazovaniy. *Sistemnaya psichologiya i sociologiya*, 4 (24), 28–41. EDN YLBXEM.
- Husainova, S. V., Hakimzyanov, R. N. (2019). Issledovanie psichologicheskikh osobennostej lichnosti sklonnoj k deviantnomu povedeniyu. *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal*, 6 (137), 195–201. EDN XYBMVZ.
- Bezliudnyi, O., Kravchenko, O., Maksymchuk, B., Mishchenko, M., & Maksymchuk, I. (2019). Psycho-correction of burnout syndrome in sports educators. *Journal of Physical Education and Sport*, 19 (3), 1585–1590. <https://doi.org/10.7752/jpes.2019.03230>
- Darius, S., Boeckelmann, I., Tymbot, M. O., Zavgorodnii, I. V., Zavgorodnia, N. I., & Kapustnik, W. A. (2017). Socio-psychological aspects of forming emotional burnout among high school teachers. *New Armenian Medical Journal*, 11. (2), 63–71. EDN XNXMQJ.
- Curry, L. A., & Youngblade, L. M. (2006). Negative affect, risk perception, and adolescent risk behavior. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 27 (5), 468–485. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2006.06.001>
- García, B. H., Vázquez, A. L., Moses, J. O., Cromer, K. D., Morrow, A. S., & Villodas, M. T. (2021). Risk for substance use among adolescents at-risk for childhood victimization: The moderating role of ADHD. *Child Abuse and Neglect*, 114, 104977. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.104977>
- Ghazal, P. (2019). Rising trend of substance abuse in Pakistan: a study of sociodemographic profiles of patients admitted to rehabilitation centres. *Public Health*, 167, 34–37. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.10.020>
- Hussein, Z., Griffiths, M. D., & Baguley, T. (2012). Online gaming addiction: classification, prediction and associated risk factors. *Addiction Research & Theory*, 20 (5), 359–371. <https://doi.org/10.3109/16066359.2011.640442>
- Menon, S. V., Thakur, H., Shorey, R. C., & Cohen, J. R. (2019). Predicting Adolescent Substance Use in a Child Welfare Sample: A Multi-Indicator Algorithm. *Assessment*, 28 (4), 1207–1218. <https://doi.org/10.1177/107319111988096>
- Miller T. W., Bilyeu J., Veltkamp L. J., Clayton, R., Welsh, R., & Elzie, N. (2001). Intimacy in addicted couples: clinical issues and case studies. *Journal of Couples Therapy*, 10 (3-4), 51–62. https://doi.org/10.1300/J036v10n03_06
- Minkin, V. A., & Nikolaenko, N. N. (2008). Application of Vibraimage Technology and System for Analysis of Motor Activity and Study of Functional State of the Human Body. *Biomedical Engineering*, 42 (4), 196–200. <https://doi.org/10.1007/s10527-008-9045-9M>
- Moradi, P., Lavasani, F. F., & Dejman, M. (2019). Adolescent substance abuse and family environment: A qualitative study. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*, 8 (2), e83781. <https://doi.org/10.5812/ijhrba.83781>
- Morales, A. M., Jones, S. A., Kliamovich, D., Harman, G., & Nagel, B. J. (2020). Identifying Early Risk Factors for Addiction Later in Life: a Review of Prospective Longitudinal Studies. *Current Addiction Reports*, 7 (1), 89–98. <https://doi.org/10.1007/s40429-019-00282-y>
- Tabachnikov, S., Osukhovskaya, O., Vasylyeva, G., Kharchenko, E., Salden, V., & Chepunna, A. (2020). Psychoemotional Synergy Register of Non-chemical Addiction and Tobacco Smoking in Young People. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 11 (3), 578–582. <https://doi.org/10.34883/PI.2020.11.3.014>
- Schneider, J. P., & Irons, R. R. (2001). Assessment and treatment of addictive sexual disorders: Relevance for chemical dependency relapse. *Substance Use & Misuse*, 36 (13), 1795–1820. <https://doi.org/10.1081/ja-100108428>
- Sotoudeh, H. G., Nazari, M. A., & Mirhashemi, M. (2021). Social-cognitive educational protocol for parents with adolescents at risk of substance use: Impact on adolescents' life skill. *Iranian Journal of Psychiatry*, 16 (3), 295–304. <https://doi.org/10.18502/ijps.v16i3.6255>

Информация об авторах:

Александр Васильевич Смирнов – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и конфликтологии Уральского государственного педагогического университета.

Людмила Александровна Максимова – кандидат педагогических наук, директор института психологии Уральского государственного педагогического университета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Одобрена после рецензирования 25.06.2023

Опубликована 28.07.2023

About the authors:

Alexander V. Smirnov – Dr.Psy., Professor of the Department of General Psychology and Conflict Studies, Ural State Pedagogical University.

Lyudmila A. Maksimova – PhD in Pedagogy, Director of the Institute of Psychology at the Ural State Pedagogical University.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 19, 2022

Approved after reviewing June 25, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-189-194

Социально-ненормативный сотрудник: проблема классификации и оценка

Сергей Витальевич ДухновскийСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Аннотация

Статья посвящена вопросам ненормативности сотрудника, ее оценке и классификации, включая кадровые риски как индикаторы его психологической надежности. Ненормативность представляет собой пренебрежение к соблюдению принятых социальных норм и правил поведения, в том числе в профессиональной деятельности; отсутствие внутренних запретов на нарушение норм поведения и деятельности. Показано, что ненормативность сотрудника – это кадровый риск, который может усиливаться, дополняясь за счет интеллектуальных способностей служащего и (или) особенностей регуляции поведения. Описаны виды ненормативного сотрудника: 1) ненормативный, креативно-эмоциональный; 2) ненормативный, креативно-рассудочный; 3) ненормативный, репродуктивно-рассудочный; 4) ненормативный, репродуктивно-эмоциональный; 5) ненормативный, смешанный. Приводятся результаты кадровой (лично-профессиональной) диагностики с применением авторского опросника «Нормативность. Интеллект. Регуляция», которые показали возможность его использования для оценки видов и содержательных характеристик ненормативности служащего и релевантных ей кадровых рисков. Определены перспективные направления исследования заявленной проблемы, в частности установление и описание предпочитаемого развития карьеры, решаемых профессиональных задач, а также должностного роста и профессионально-психологического типа у сотрудников с разными видами социальной ненормативности.

Ключевые слова

норма, ненормативность, психологическая надежность, кадровые риски, психодиагностика, интеллектуальные способности, регуляция поведения

Для цитирования: Духновский, С. В. (2023). Социально-ненормативный сотрудник: проблема классификации и оценка. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 189–194. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-189-194.

Original paper

Socially non-normative employee: classification problem and assessment

Sergey V. DukhnovskySaint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Abstract

The article deals with the issues of employee's non-normativity, its assessment and classification, including personnel risks as indicators of his/her psychological reliability. Non-normativity represents disregard for respect of accepted social norms and rules of behavior, including those in professional activity; absence of internal prohibitions on violation of norms of behavior and activity. The author demonstrates that non-normativity of an employee is a personnel risk, which can be increased by the intellectual abilities of an employee and / or peculiarities of behavior regulation.

Types of non-normative employee are described: 1) non-normative, creative-emotional, 2) non-normative, creatively rational, 3) non-normative, reproductively rational, 4) non-normative, reproductive-emotional, 5) non-normative, mixed. The results of staff (personal-professional) diagnostics using the author's questionnaire «Normativity. Intellect. Regulation» are presented. The results revealed the possibility of applying this questionnaire to assess the types and qualitative characteristics of employee's non-normativity and the personnel risks that are relevant to it.

Prospective directions of the research of the stated problem, in particular - determination and description of the preferable development of career, solved professional tasks, as well as career growth and professional-psychological type in employees of different types of social non-normativity are determined.

Keywords

norm, non-normality, psychological reliability, personnel risks, psychodiagnostics, intellectual abilities, regulation of behavior

For citation: Dukhnovsky, S. V. (2023). Socially non-normative employee: classification problem and assessment. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 189–194. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-189-194.

Поведение человека в различных сферах жизни предполагает нормативное регулирование – соблюдение правил, предписаний, соответствие стандарту поведения, что, в свою очередь, регламентирует отношения людей в той или иной сфере человеческого существования (например, профессиональной, семейной, общественной). В то же время нередки случаи, когда субъект намеренно, в силу индивидуально-психологических особенностей или в силу обстоятельств, пренебрегает нормами, вынужден (преднамеренно или непреднамеренно) нарушать, отклоняться от них ради достижения желаемого и (или) необходимого результата. Таким образом, ненормативное поведение является атрибутом человеческого существования так же, как и поведение, соответствующее нормам.

Проблема нормативности / ненормативности в психологической науке и практике рассматривается с точки зрения психологии личности в рамках социализации человека. В этом плане обращают на себя внимание работы Б. Г. Ананьева (Ананьев, 2010), А. Г. Асмолова¹, С. В. Духновского (Духновский, 2018), А. Ф. Караваева, В. М. Крук, И. Н. Носс, М. В. Виноградова (Караваев и др., 2015), Ю. М. Лотмана (Лотман, 2004), В. А. Петровского (Петровский, 1992) и др. Вопросы ненормативности и связанные с ней феномены изучаются также в психологии девиантного поведения, в частности в трудах Е. В. Змановской², А. Е. Личко (Личко, 2009), В. Д. Менделевича³, Р. В. Овчаровой (Овчарова, 2000) и др.

Несмотря на наличие исследований, проблема социальной ненормативности нуждается в дополнительном изучении, особенно в психологии труда и организационной психологии. Так, актуальными являются вопросы о возможности классификации ненормативных субъектов трудовой деятельности и описания их кадровых рисков.

В нашем исследовании под социальной ненормативностью будем понимать пренебрежение к соблюдению принятых социальных норм и правил поведения, в том числе в профессиональной деятельности, отсутствие внутренних жестких запретов на нарушение норм поведения и деятельности. Нормативные ценности, правила поведения воспринимаются личностью как ограничение, а их соблюдение – как «потеря свободы», поэтому появляется желание игнорировать или нарушать их. Феноменами ненормативности выступают необязательность, безответственность, недобросовестность, пренебрежение обязанностями и данными обещаниями, а также интересами других людей ради собственной выгоды (Духновский, 2018).

Согласно авторской концепции психологической надежности (Духновский, 2018), социальная ненормативность (нормативность), наряду с интеллектуальными способностями и ведущим типом регуляции поведения, выступает составляющей регулятивного компонента надежности сотрудника.

Мы рассматриваем интеллектуальные способности в рамках дихотомии «креативный интеллект

¹ Асмолов, А. Г. (2001). *Психология личности: Принципы общепсихологического анализ*: учебник. Москва: Смысл.

² Змановская, Е. В. (2008). *Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения)*: учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия».

³ Менделевич, В. Д. (2005). *Психология девиантного поведения*: учебное пособие. Санкт-Петербург: Речь.

(дивергентные способности) – репродуктивный интеллект (конвергентные способности)». Как указывает А. В. Смирнов, субъекты с репродуктивным интеллектом характеризуются способностью к аналитической деятельности, систематизации, упорядочиванию, поиску закономерностей; объективностью и реалистичностью оценок; эффективностью их трудовой деятельности зависит от четкости инструкций и рекомендаций. Субъекты с креативным интеллектом отличаются способностью к творческой, наукоемкой деятельности, требующей эрудированности; ориентированы на развитие идей, проектов; способны найти неординарное решение в трудных, кризисных ситуациях, в условиях дефицита ресурсов, например, времени и информации⁴.

Доминирование рассудочной регуляции поведения предполагает жесткий самоконтроль личности, прагматичность, расчетливость, хитрость и реалистичность, осторожность. Тогда как преобладание эмоций в регуляции поведения выражается в непосредственности, естественности, импульсивности, снижении эмоциональной устойчивости; в состоянии эмоционального возбуждения имеет место снижение адекватности и эффективности психической саморегуляции.

Для выявления и оценки ненормативности (нормативности) нами была разработана соответствующая шкала, которая вошла в психодиагностическую методику «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (далее – «НИР»), отвечающую основным требованиям, предъявляемым к разработке профессионального психодиагностического инструментария (Фер, Бакарак, 2010), а также требованиям, изложенным в «Российском стандарте тестирования персонала» (Батурин и др., 2015). Ниже будет дано описание методики «НИР», а также перечислены возможности ее использования для выявления видов ненормативности и их кадровых рисков.

Итак, методика «Нормативность. Интеллект. Регуляция» представляет собой стандартизированную методику оценки, направленную на измерение индивидуальных свойств работника (кандидата), прямо или косвенно связанных с возможностью эффективного осуществления им профессиональной деятельности» (Батурин и др., 2015). Основное назначение методики «НИР» – оценка особенностей регулятивного компонента психологической надежности сотрудника. Предмет методики – социальная ненормативность (нормативность), интеллектуальные способности

Таблица 1. Кадровые риски служащих с разным видом социальной ненормативности

Table 1. Personnel risks of employees with different types of social non-normative

Типы ненормативности	Кадровые риски	
	Интеллектуальные способности	Регуляция поведения
Ненормативный, креативно-эмоциональный	Склонность к субъективизму и недооценке обстоятельств; невнимательность к деталям и мелочам;	Эмоциональность, импульсивность; в состоянии эмоционального возбуждения снижается эффективность саморегуляции; эмоциональная неустойчивость
Ненормативный, креативно-рассудочный	непереносимость контроля и психологического давления	Жесткий самоконтроль, сдержанность, осторожность, формальность в поведении
Ненормативный, репродуктивно-рассудочный	Трудности при работе в условиях неопределенности, при дефиците информации, четких инструкций и рекомендаций; трудности при решении творческих задач	Эмоциональность, импульсивность; в состоянии эмоционального возбуждения снижается эффективность саморегуляции; эмоциональная неустойчивость
Ненормативный, смешанный	Могут демонстрировать кадровые риски, связанные с ненормативностью: свобода в нарушении запретов и норм, в том числе в профессиональной деятельности, придающая непредсказуемость действиям и поведению, а также различные формы отклоняющегося поведения.	

⁴ Смирнов, А. В. (2005). Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди: учебное пособие. Университет. EDN QXUJPL.

(репродуктивные – креативные), а также особенности регуляции поведения (рассудочная – эмоциональная) (Духновский, 2018).

Выраженность и сочетание показателей по шкалам данной методики позволяет выделить особенности (виды) ненормативной личности:

- 1) ненормативный, креативно-эмоциональный;
- 2) ненормативный, креативно-рассудочный;
- 3) ненормативный, репродуктивно-рассудочный;
- 4) ненормативный, репродуктивно-эмоциональный;
- 5) ненормативный, смешанный – с гибким сочетанием конвергентных и дивергентных интеллектуальных способностей, открытой познавательной позицией и гармоничным сочетанием рассудочной и эмоциональной регуляцией поведения.

Ненормативность сотрудника представляет собой кадровый риск как возможную опасность для организации, обусловленную его индивидуально-психологическими особенностями; данный риск может усиливаться, дополняясь за счет интеллектуальных способностей сотрудника и (или) особенностей регуляции поведения. Содержательная характеристика кадровых рисков субъектов с разными характеристиками ненормативности приведена в таблице 1.

Далее обратимся к рассмотрению примера оценки ненормативности с использованием методики «Нормативность. Интеллект. Регуляция», полученной при обследовании государственных служащих в рамках кадрового аудита. Результаты представлены на рисунке 1.

Субъект «А», сотрудник со стажем служебной деятельности 7 лет (пол мужской, возраст 31 год). Характеристика профиля по методике «НИР»: социально-ненормативный, способен к творческой, наукоемкой деятельности, ориентирован на развитие идей, проектов; способен к качественной и эффективной деятельности в ситуациях неопределенности, в условиях дефицита ресурсов, например времени и информации (показатель креативные интеллектуальные способности); обладает развитой эмоциональной и когнитивной сферой; в регуляции поведения рассудок и эмоции комплиментарно дополняют друг друга (показатель регуляция поведения).

Возможные кадровые риски: пренебрежение к соблюдению официально принятых социальных норм и правил поведения, в том числе в профессиональной деятельности; может демонстрировать необязательность, безответственность, недобросовестность, пренебрегать интересами других людей ради собственной

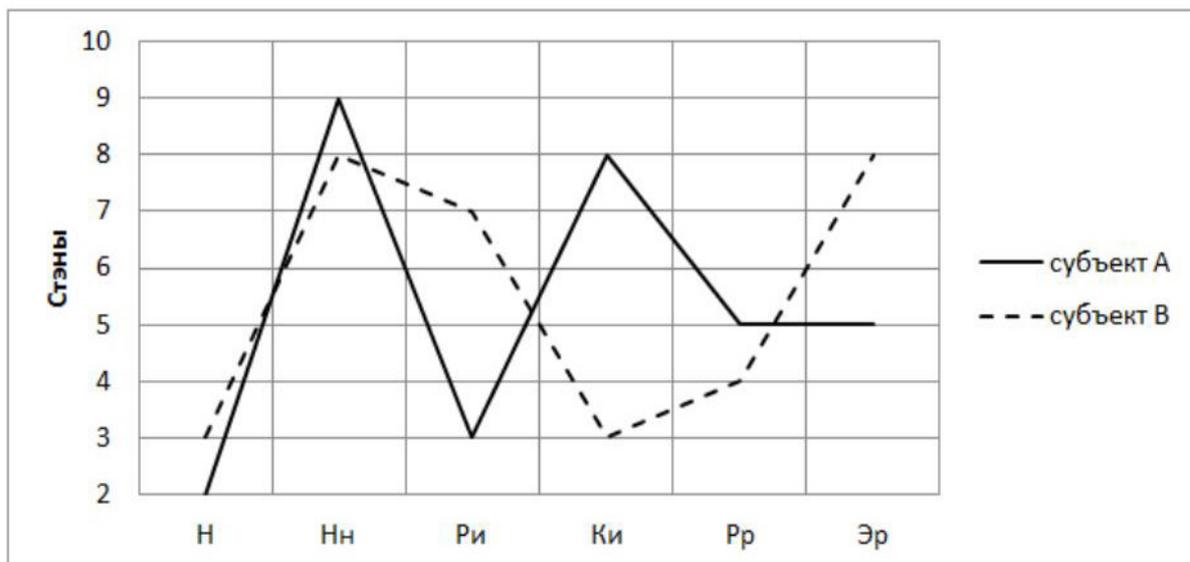

Рис. 1. Профиль обследованных служащих, полученный по методике «Нормативность. Интеллект. Регуляция»

Fig. 1. The profile of surveyed employees, obtained by the method "Normativity. Intelligence. Regulation"

Примечание: Н – нормативность; Нн – ненормативность; Ри – репродуктивные интеллектуальные способности; Ки – креативные интеллектуальные способности; Рр – рассудочная регуляция поведения; Эр – эмоциональная регуляция поведения

выгоды (показатель ненормативности); невнимательность к деталям и мелочам, в состоянии творческого подъема на пути к достижению цели может нарушать установленные правила и не соблюдать договоренности; непереносимость контроля и психологического давления (показатель креативные способности).

Субъект «В», сотрудник со стажем служебной деятельности 15 лет (пол женский, возраст 43 года). Характеристика профиля по методике «НИР»: социально-ненормативный, обладающий объективностью и реалистичностью в оценках происходящего в сочетании со способностями к аналитической деятельности; эффективность деятельности зависит от четкости инструкций и рекомендаций (показатель «репродуктивные интеллектуальные способности»); в регуляции поведения и деятельности эмоции доминируют над рассудком; может демонстрировать непосредственность, естественность, импульсивность (показатель «эмоциональная регуляция поведения»).

Возможные кадровые риски: социальная ненормативность, жесткий самоконтроль, сдержанность в выражении эмоций, осторожность, формальность в поведении (показатель репродуктивные интеллектуальные способности); в состоянии эмоционального возбуждения снижение эмоциональной устойчивости и способности к эффективной и адекватной саморегуляции (показатель эмоциональная регуляция поведения).

Приведенные примеры использования методики «НИР» в кадровой психодиагностике показывают возможность выявления видов социальной ненормативности работника благодаря оценке не только ее уровня, но

и дополнительных психологических характеристик, связанных с особенностями интеллектуальных способностей (креативных – репродуктивных) и доминирующей саморегуляцией сотрудника (рассудочной – эмоциональной). Представление о социальной ненормативности служащего, ее характеристиках и релевантных каждому ее виду кадровых рисках дополняет разрабатываемую нами концепцию психологической надежности специалиста (Духновский, 2018), позволяет осуществлять более дифференцированную оценку сотрудника в ходе психодиагностического обследования. Использование результатов оценки социальной ненормативности может быть полезным как в рамках проведения конкурсных процедур, так и при составлении индивидуального плана личностно-профессионального, карьерного развития сотрудника в целях минимизации кадровых рисков.

Заключение

В рамках дальнейшего изучения проблемы социальной ненормативности предполагаются дополнительные исследования, направленные на выявление взаимосвязи ее особенностей с типами девиантного поведения (аддиктивным, патохарактерологическим, делинквентным, психопатологическим и типом на базе гиперспособностей). Перспективным также будет являться установление и описание карьерных предпочтений (предпочитаемых типов карьеры, решаемых профессиональных задач, а также должностного развития) и профессионально-психологического типа у субъектов с разными особенностями социальной ненормативности.

Список литературы

- Ананьев, Б. Г. (2010). *Человек как предмет познания*. 3-е изд. Санкт-Петербург: Издательство «Питер». EDN QXABYZ.
- Батурин, Н. А., Вучетич, Е. В., Костромина С. Н. и др. (2015). Российский стандарт тестирования персонала (временная версия, созданная для широкого обсуждения в 2015 году). *Организационная психология*, 5 (2), 67–138.
- Духновский, С. В. (2018). *Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы)*: монография. Курган: Курганский государственный университет. EDN YSVKQX.
- Караваев, А. Ф., Крук, В. М., Носс, И. Н., Виноградов, М. В. (2015). Проблема личностно-профессиональной диагностики в профессиональном отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудников. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3 (62), 106–113.
- Личко, А. Е. (2009). *Психопатии и акцентуации характера у подростков*. Санкт-Петербург: Издательство «Речь».
- Лотман, Ю. М. (2004). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.
- Овчарова, Р. В. (2000). *Технологии работы практического психолога образования*. Москва: «Сфера».
- Петровский, В. А. (1992). *Психология неадаптивной активности*. Москва: ТОО «Горбунок».
- Фер, Р. М., Бакарак, В. Р. (2010). *Психометрика. Введение*: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.

References

- Anan'ev, B. G. (2010). *Chelovek kak predmet poznaniya*. 3-e izd. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Piter». EDN QXABYZ.
- Baturin, N. A., Vuchetich, E. V., Kostromina S. N. i dr. (2015). Rossijskij standart testirovaniya personala (vremennaya versiya, sozdannaya dlya shirokogo obsuzhdeniya v 2015 godu). *Organizacionnaya psihologiya*, 5 (2), 67–138.

- Dukhnovskij, S. V. (2018). *Psichologicheskaya nadezhnost' i kadrovaya bezopasnost' (na primere gosudarstvennoj grazhdanskoj i municipal'noj sluzhby)*: monografiya. Kurgan: Kurganskij gosudarstvennyj universitet. EDN YSVKQX.
- Karavaev, A. F., Kruk, V. M., Noss, I. N., Vinogradov, M. V. (2015). Problema lichnostno-professional'noj diagnostiki v professional'nom otbore kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennih del i ocenki nadezhnosti sotrudnikov. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3 (62), 106–113.
- Lichko, A. E. (2009). *Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Rech'».
- Lotman, Yu. M. (2004). *Semiosfera*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
- Ovcharova, R. V. (2000). *Tekhnologii raboty prakticheskogo psihologa obrazovaniya*. Moscow: «Sfera».
- Petrovskij, V. A. (1992). *Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti*. Moscow: TOO «Gorbunok».
- Fer, R. M., Bakarak, V. R. (2010). *Psihometrika. Vvedenie*: monografiya. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU.

Информация об авторе:

Сергей Витальевич Духновский – профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Одобрена после рецензирования 25.05.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Sergey V. Dukhnovsky – Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 20, 2023

Approved after reviewing May 25, 2023

Accepted July 28, 2023

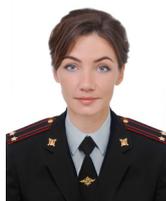
Оригинальная статья

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-195-207

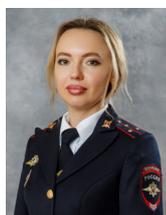
Детерминанты формирования радикального сознания молодежи

Людмила Николаевна Никитина

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
flm2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6645-9258

Анна Алексеевна Коноплева

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
konoplyova.artcrimea@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-2014-6089

Наталья Витальевна Чудина-Шмидт

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)
frog-79@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7957-2539

Аннотация

Введение. Молодежь как наиболее потенциально пассионарная часть общества характеризуется максимализмом и незыблемым желанием завоевать мир здесь и сейчас. Но их неокрепшая мировоззренческая позиция с легкостью может привести к утрате своей истинной идентичности, поддаваясь влиянию радикально настроенных лиц. Радикализация массового сознания в современных мировых условиях стала одной из особенностей общества и представляет препятствие позитивного развития России. В связи с этим возникает необходимость и потребность в исследовании детерминант формирования радикального сознания в целях дальнейшего построения эффективной профилактической деятельности в указанном направлении.

Цель исследования – определение основных причин и условий формирования радикального сознания молодежи.

Методология, методы и методики. Проведенное исследование по выбранной теме основывалось на современных научно-методических и социально-психологических характеристиках формирования радикального сознания. Были использованы диалектический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному, методы компаративистики и аксиологической интерпретации.

Результаты проведенной работы свидетельствуют об актуальности исследуемой темы, особенно в современных условиях развития общества. Проанализированы основные и в то же время разноплановые (социальные, психологические, культурологические, политические) аспекты, способствующие формированию радикальных взглядов молодых людей.

Научная новизна статьи обоснована анализом существующей в мире обстановки (максимально благоприятной для формирования радикального сознания) и проведенных научных исследований в рамках данной темы, что позволило сделать вывод о недостаточной разработанности изучаемой проблемы.

Практическая значимость. Результаты работы могут восполнить существующий пробел в изучении указанной темы и стать подспорьем в дальнейшем комплексном исследовании проблемы, а также способствовать подготовке научного обеспечения профилактической деятельности в отношении отрицательной стороны радикализма молодежи.

Ключевые слова

радикальные взгляды, сознание, молодежь, причины радикализма, культурный фактор, политика, возрастные кризисы, религия, мораль, ценности

Для цитирования: Никитина, Л. Н., Коноплева, А. А., Чудина-Шмидт, Н. В. (2023). Детерминанты формирования радикального сознания молодежи. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 195–207. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-195-207.

Original paper

Determinants of the formation of the radical consciousness of youth

Lyudmila N. Nikitina

Crimean branch
of the Krasnodar University
of the MIA of Russia
(Simferopol, Russia)
flm2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6645-9258**Anna A. Konopleva**

Crimean branch of the Krasnodar
University of the MIA of Russia
(Simferopol, Russia)
konoplyova.artcrimea@yandex.ru

ORCID: 0009-0008-2014-6089**Natalya V. Chudina-Schmidt**

Crimean branch
of the Krasnodar University
of the MIA of Russia
(Simferopol, Russia)
frog-79@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7957-2539**Abstract**

Introduction. Young people, as the most potentially passionate part of the society, are characterised by maximalism and a strong desire to conquer the world here and now. However, their immature worldview can easily lead this category of the population to lose their true identity by being influenced by radicals. The radicalisation of mass consciousness in the current global context has become a feature of the modern society, resulting in an obstacle to the positive development of Russia. This fact raises the need for research on the determinants of the formation of radical consciousness in order to further effective preventive activities in this direction.

The purpose of the research is to identify the main causes and conditions for the formation of radical consciousness among young people.

Methodology, methods and techniques. The conducted research is based on modern scientific, methodological and socio-psychological characteristics of the formation of radical consciousness. The dialectical method, the method of ascending from the abstract to the concrete, comparative studies, and axiological interpretation are used.

The results of the research testify to the relevance of the issue of study, especially in the current conditions of society development. The main, and at the same time, diverse (social, psychological, cultural, political) aspects contributing to the formation of radical views of young people are analysed.

The scientific novelty of the article is substantiated by the analysis of the existing world environment (maximally favourable for the formation of radical consciousness) and the scientific researches performed within the framework of the subject, which made it possible to conclude that the problem under consideration is underdeveloped.

Practical significance. The results of the research can fill the existing gap in the study of the mentioned subject and become a support for further comprehensive problem examination, as well as contribute to preparing scientific support for preventive activities in relation to the negative side of radicalism of young people.

Keywords

radical views, consciousness, youth, causes of radicalism, cultural factor, politics, age crises, religion, morality, values

For citation: Nikitina, L. N., Konopleva, A. A., Chudina-Schmidt, N. V. (2023). Determinants of the formation of the radical consciousness of youth. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 195–207. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-195-207.

Введение

Жизнь человека в XXI веке сопровождается большим количеством угроз и опасностей, связанных с информационным влиянием, технологическим прогрессом, нестабильностью экономической и политической сфер. Естественно, что именно несовершеннолетние и молодежь в большей степени попадают в зону риска отрицательного влияния перечисленных явлений. Психологические и возрастные особенности данной категории населения порождают определенные трудности в поиске своего места в социуме. При неблагоприятных внешних условиях самоопределение молодой личности может приобретать характер протестной активности и радикализации сознания, сопряженных с девиантными формами поведения.

Опасность таких явлений, как радикализм, ксенофобия, экстремизм и терроризм, нельзя недооценивать. Порождаемая ими социальная напряженность, растущий уровень общественной тревожности и паники подрывают нормальное течение событий, безопасность государства в целом и каждого гражданина страны в частности.

Феномен радикализма напрямую граничит с острыми проблемами современности и детерминирован социально-историческими процессами. Соответственно, исследование социально-психологической сущности, специфики проявления, особенностей и закономерностей формирования радикального сознания молодежи, а также разработка эффективных превентивных мер – актуальная и многоплановая деятельность, приобретающая комплексный характер в контексте научного осмысления проблемы обеспечения государственной безопасности.

Обзор литературы

Исследования ученых в различных областях научного познания свидетельствуют о наличии кризисных периодов развития личности. Благоприятными для формирования радикального сознания являются периоды несовершеннолетия и ранней юности, характеризующиеся протестной активностью, поиском приемлемых форм поведения, способствующих самоутверждению в социуме. Особенности проявления возрастных кризисов сквозь призму проявления различных протестных реакций занимались Л. С. Выготский, П. П. Блонский, Л. Ф. Обухова, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович и др. Исследования в области поведенческих реакций человека в политической среде проводили Г. Лебон, Г. Маркузе, Г. Тард, К. Юнг, В. Парето, З. Фрейд, Э. Фромм и др. Причины распространения радикализма в молодежной среде современного российского общества изучались А. В. Опалевым, М. Е. Поздняковой, В. Н. Ракачевым, Л. Н. Рыбаковой, Т. А. Хагуровым, Т. В. Чекиной и др.). А. Гуттенбуль,

А. Голдстейн, И. Шпигель, Г. Хафф и М. Клейн исследовали специфику подростковой агрессии и поведение молодежных банд. В аспекте девиантологии Л. Олин, Ч. Ламброзо, Р. Мертон, И. Гофман сформулировали рационалистические теории, объясняющие преступное поведение.

Классик феминизма С. де Бовуар предложила свои интерпретации проблемы противостояния полов (пер. с англ. Шнейр, 1992). К. Маркс, К. Манхейм и другие авторы изучали детерминацию общественного сознания. Культурологи В. Вундт, О. Шпенглер, У. Л. Уорнер сформировали понимание этногенеза и причин этнических фобий (Шпенглер, 1999; Вундт, 2001). Современные специалисты в теории национализма У. Альтерматт, Э. Геллнер Э. Хобсбаум детально исследовали процессы конструирования национализма в XVIII – XIX вв. (Геллнер, 1995).

Г. Зиммель и В. Дильтей разработали социологию и психологию религии, обратив внимание на теорию религиозного неконформизма (Зиммель, 1996а; Зиммель, 1996б; Дильтей, 2001). Е. Вандерхилл, Г. Аткинс, Е. Баркер, М. Муллит, Д. С. Питерсон, У. И. Хэмблин¹ посвятили работы специфике современных радикальных религиозных движений.

Ю. Хабермас определил характерные черты мировоззрения модерна с акцентом на коммуникацию межличностных отношений (Хабермас, 1991, 1995). Ж. Деррида и С. Жижек описали новые феномены массовой культуры и утопического сознания, которые породили новые формы радикального поведения (Деррида, 2006).

Заслуживают внимания и отечественные работы, в которых описывается радикализм. Среди авторов, так или иначе затрагивающих проблему радикализма, А. Н. Радищев, П. И. Пестель, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский и многие другие.

Методология, методы и методики

Методологическую основу исследования составили принципы, подходы, методы, общелогические приемы и понятия, обеспечившие категориальный каркас статьи.

В исследовательской практике были задействованы принципы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности индивида и социума. Кроме того, широко использовались гносеологические принципы объективности и конкретности истины. Были востребованы системный, синергетический, аналитический, антропологический и интервальный подходы. Они обеспечили адекватное освоение предмета исследования.

Авторами применялись диалектический метод, методы восхождения от абстрактного к конкретному,

¹ Вандерхилл, Е. (1996). *Мистики XX века. Энциклопедия*. Москва: Локид, Миф.

методы компаративистики и аксиологической интерпретации.

В ходе исследования были задействованы такие приемы, как анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, что позволило осуществить систематизацию наработанного опыта, структурно его организовать и обосновать вывод о необходимости и целесообразности профилактики формирования радикального мировоззрения.

В исследовательское поле были включены понятия «радикализм», «радикал», «радикальное сознание», которым авторы придают авторскую интерпретацию.

Результаты

Отметим, что в настоящее время нет четкого и однозначного определения такого социального феномена, как радикализм, по причине того, что представители научных школ, направлений, дискурсов и теоретических концепций подходят к его рассмотрению с позиций различных эмпирических и теоретических исследовательских практик. Ввиду этого появляется необходимость изучения основных интерпретаций данного явления во избежание терминологической путаницы и в целях определения и выделения основных черт и атрибутов радикализма. Это, в свою очередь, позволит в дальнейшем сформулировать авторское видение исследуемого феномена, определить связанное с ним проблемное поле и рассмотреть его с позиции формирования как радикального сознания в проекции «внутреннее – внешнее», так и направления «внешнее – внутреннее».

В сферу внутренних детерминант могут быть включены факторы психологического становления сознания, а в качестве внешних условий приняты социально-политические механизмы трансформационных процессов, которые происходят в настоящее время на уровне всех социальных систем.

Во втором случае формирование сознания осуществляется при помощи общественно-политического фактора, использующего методы манипулятивного воздействия.

Радикальное изменение осуществляется через подмену основных элементов мировоззрения, что позволяет в дальнейшем, опираясь на деформированные формы, внедрять в сознательную (как личностную, так и общественную) сферу те идеи, которые необходимы для достижения поставленных манипулятором целей. Как правило, данные убеждения несут в себе радикально настроенные установки, требующие кардинальных изменений в социальной или политической сферах. Очевидна диалектическая взаимосвязь радикализации и нормативности. Этическая, религиозная, культурная нормы, с одной стороны, предупреждают возникнове-

ние девиаций, с другой – становятся причиной возникновения протестных настроений.

В связи с изложенным особую актуальность получают определение смысла и понимания, выделение сущности и атрибутивной составляющей радикализма не с учетом мононаучного дискурса, а в рамках необходимых междисциплинарных связей, которые в современной научной парадигме занимают лидирующие позиции.

Обсуждение результатов исследования

Понятие «радикализм» берет свое начало от латинского слова «*radix*», которое в переводе на русский язык обозначает «корень», что может иметь разные трактовки и рассматриваться с позиций того аспекта, в рамках которого проводится исследование². В то же время к данному понятию относят и латинское слово «*radicalis*», которое переводится как коренной или корневой и употребляется чаще всего по отношению к понятию «радикальный». Таким образом, можно отметить, что в семантическое поле радикализма входят такие понятия, как «радикал», «радикальный», «коренной», что свидетельствует о его имманентном свойстве – выступать как некоторый базовый (коренной) признак, относящийся к чему-либо.

Однако, как показывает исследовательская практика, многие науки используют данный термин в другом аспекте. Например, в математических науках к этому термину прибегают, когда речь идет об извлечении корня, в химии названным термином обозначается устойчивая группа атомов.

В. В. Пономаренко, рассматривая разум, характер и личность, приходит к выводу, что у каждого человека есть некоторая корневая основа, на базе которой строятся основные формы поведения, предпочтения и стиль, что практически подтверждает основной корень исследуемого понятия (Пономаренко, 2019).

Определившись с основным атрибутом изучаемого явления, необходимо разобраться в его определении, исходя из семантического поля. Понятие «радикализм» приобретает новый аспект, который изменяет исконное значение, проявляясь в социальной сфере. Это приводит к новому смыслообразующему значению, что в рамках проводимого исследования представляет особую актуальность.

Для атрибутивного понимания и определения радикализма следует рассмотреть определения в историческом дискурсе.

В энциклопедическом словаре издателя Ф. Ф. Павленкова (1907 г.)³ под радикализмом понимается крайне либеральный образ мыслей и идей. Согласно словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка, составленного под руководством А. Н. Чудинова

² *Этимология*: радикализм (2014). <https://rus.stackexchange.com/questions/41534>

³ Павленков, Ф. (1907). *Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова*. Тип. Ю.Н. Эрлих. <https://viewer.rusneb.ru>

(1910 г.)⁴, радикализм трактуется как политическая система радикалов.

М. Попов в полном словаре иностранных слов употребляет радикализм как образ мыслей и действий, которые стремятся к коренным изменениям чего-либо существующего⁵.

В словаре С. И. Ожегова радикализм в первом значении определен как политическое течение, направленное на проведение демократических реформ в рамках существующего строя, во втором значении – как решительный образ действия⁶.

В философской энциклопедии понятие «радикализм» раскрывается как социально-политические идеи и действия, направленные на решительные изменения существующих институтов. В таком случае стоит учитывать, что радикализм представляет собой разрыв с привычной традицией, которая была признана обществом⁷.

В энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона⁸ понятия «радикализм» и «радикальная партия» понимаются как политический (редко церковный, религиозный или философский) принцип или направление.

Таким образом, в современном понимании «радикализм» означает особый способ мышления и связанную с ним модель поведения, для которых характерны:

- фундаментализм как строгое следование требованиям какой-либо доктрины: религиозной, политической, философской и т. д.;

- утопизм как специфическое представление о возможности построения общества, в котором будут искоренены основные виды социального зла и несправедливости;

- революционизм как признание неизбежными, кардинальные и насильственные изменения имеющихся социальных отношений и закрепляющих их правопорядок.

Определив этимологию понятия «радикализм», рассмотрим сущность и основные особенности такой категории, как «сознание». В большинстве литературных источников сознание сравнивают с активной мыслительной деятельностью человека, которая обусловлена социальными контактами и общественной трудовой деятельностью. Сознание представляет собой высший уровень развития психики, который

присущ только человеку как представителю *Homo sapiens*. Воспринимаемая индивидом информация в обязательном порядке находит свое отражение в нашем сознании. Но большая часть этой информации оказывается вне сознания в силу ее низкой значимости для человека или в результате работы защитных механизмов психики в ответ на тот или иной раздражитель, воспринимающийся как психотравмирующее явление.

Сознание развивается в условиях активного воздействия на природу, в рамках трудовой деятельности и в ходе социального взаимодействия. В связи с чем справедливым является утверждение о том, что развитие сознания напрямую связано с развитием языка и речи. Еще одной характеристикой сознания как психологической категории выступает его активность, позволяющая постоянно и дифференцировано отражать предметы объективного мира, выделяя при этом особо значимые психические образы. Такая избирательная направленность сознания дает возможность человеку отразить свои ощущения, чувства и состояния, выводя вытесненную или подавленную информацию на уровень осознанности. Именно самонаблюдение и критическая оценка самого себя и своего внутреннего мира способствуют формированию мотивационно-ценностной сферы человека. В данном контексте можно выделить ключевую роль самосознания, дающего возможность осознать истинную человеческую сущность и свое предназначение в мире. Способствуют этому процессу возрастные кризисы, основная цель которых – расширение сознания, обретение самостоятельности и решительности, иными словами, формирование более зрелой, взрослой позиции по отношению к себе и к своей жизни.

Благоприятное переживание кризисного периода ведет к формированию различных новообразований: развитию критического мышления; появлению интереса к собственному внутреннему миру; удовлетворению потребности в близких отношениях и признании окружающими. Отрицательной стороной неблагоприятного переживания критических моментов жизни, усиливающей симптоматику возрастного кризиса, является протестная активность молодых людей, приобретающая форму ра-

⁴ Чудинов, А. Н. (1894). *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*. Издание книгопродавца В. И. Губинского, Типография С. Н. Худекова. https://www.studmed.ru/chudinov-a-n-red-slovar-inostrannyh-slov-voshedshih-v-sostav-russkogo-yazyka_19d1d4f37c1.html

⁵ Попов, М. (1907). *Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке*: Сост. По лучшим источникам М. Попов. 3-е изд., доп. и испр. Т-во И. Д. Сытина.

⁶ Ожегов, С. И. *Толковый словарь*. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=25564>

⁷ *Философская энциклопедия*. Радикализм.

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f2fc88579f33e24aabc5>

⁸ *Энциклопедия Брокгауза и Ефрона: Том XXVI(51). Рабочая книжка — Резолюция* (1899). Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона). <https://runivers.ru/lib/book3182/10182>

дикальных взглядов. Мироощущение при этом основывается на бескомпромиссной приверженности к каким-либо взглядам и концепциям, все вокруг воспринимается посредством черно-белых красок и часто сопровождается желанием достичь поставленных целей любыми, даже криминальными способами (Гутгенбюль, 2021).

В данной статье рассмотрим механизм формирования радикального сознания молодежи сквозь призму аналитической психологии (Р. Джонсон, Э. Нойманн, К. Юнг, Дж. Холлис, М.-Л. Фон Франц, Д. Шарп). Согласно взглядам представителей данного подхода, в структуре личности выделяются три компонента. Сознательный аспект, включающий мысли, чувства, ощущения, информацию, доступную для воспоминания, представлен «Эго», которое определяет место человека в социуме, отвечает за идентификацию как отдельно существующей личности, за рациональное восприятие мира и сознательную деятельность (осознаваемое поведение).

Вторым компонентом является личное бессознательное – информация, которая была вытеснена из сознания в подсознание по причине травмирующего опыта. Данные компоненты психики ограничивают свободу и волю человека, выражаясь в том, что индивид начинает вести себя не в полной степени адекватно сложившейся внешней обстановке, поддаваясь воздействию (неактуальных в настоящий момент) внутренних причин из прошлого. Чаще всего эти ситуации сходны с теми травмирующими событиями (в большинстве случаев это детский опыт), при которых возникли впервые. Вытесненный материал К. Юнг обозначил комплексами, которые влияют на поведение человека, определяют его стиль жизни, видоизменяют его мироощущение и формируют перспективы дальнейшего развития.

Третьим элементом выступает коллективное бессознательное, включающее коллективное наследие наших предков, опыт, накопленный за сотни тысяч лет эволюции. Эта информация доступна для осознания, но находится в подсознании в форме скрытых образов – архетипов, которые, в свою очередь, проявляются в инстинктивном поведении, в восприятии мира посредством базовых идей, примерно одинаковых в различных культурах, но не связанных между собой напрямую. Одним из таких архетипов является Тень, представляющая собой вытесненные из сознания части личности, которые подавляются и игнорируются, тем не менее все равно управляют поведением человека через его желания, потребности, модели взаимодействия с другими людьми. Другими словами, Тень – это совокупность негативных качеств человека, которыми он обладает, но отрицает их наличие и не признает своими собственными. В повседневной жизни теневая сторона личности проявляется через защитный меха-

низм психики – проекцию, выражающуюся в том, что человек не приемлет в других людях те качества и свойства, которыми наделен сам (Юнг, 2020).

Процесс взросления молодой личности в идеале должен предполагать целенаправленную работу по формированию дисциплины, освоению моральных норм и общепринятых ценностных ориентаций, овладению будущей профессией. В этот период растет и теневая сторона личности. И если теневые аспекты не находят своего конструктивного выхода, не интегрируются в сознательную часть психики, то вероятность проявления данного явления в деструктивных формах поведения очень высока. Протестная активность, радикальность взглядов, желание самоутвердиться в глазах общества – вероятные исходы глубоких детских переживаний. Внешне это можно наблюдать в реакциях негативизма в результате жестких требований или запретов со стороны родителей на удовлетворение потребности в самостоятельности или как средство привлечения недостающего внимания. Результаты многих исследований показывают, что протестные поведенческие реакции начинают наблюдаться в возрасте еще до одного года, далее они актуализируются и имеют выраженное проявление в периоды возрастных кризисов. Именно период несовершеннолетия как один из кризисных этапов становления личности может стать катализатором в формировании радикальных взглядов и идей.

Благодатной почвой для формирования радикального сознания является конфликт между «Я-реальным» и «Я-идеальным». Уровень различий между этими подструктурами характеризует уровень расогласованности личности. Если сходство невелико, то расогласованность выступает в виде двигателя личностного развития. Но при высокой степени расогласованности (самооценка ниже пределов нормы) выявляется высокий уровень тревожности, или наличие неврозов, требующих компенсаторных форм в виде самоутверждения через радикальные идеи и поступки.

Осознаваемое или неосознаваемое желание властвовать также может быть подспорьем для формирования радикального сознания. Все это поддерживается часто бессознательными фантазиями о собственном всемогуществе. Сама идея протестующей и радикальной личности о том, что в ее руках находится возможность изменить сложившуюся ситуацию, способствует утверждению личной власти. Особенно ярко это проявляется, когда в качестве средства влияния выступают агрессия и насилие, через которые протестующий самоутверждается, обретая мнимую власть над окружающими (Джонсон, Руль, 2018).

Внешние детерминанты (условия) формирования радикального сознания молодежи рассмотрим сквозь призму культурного фактора. Именно культура и куль-

турная среда в своих разнообразных проявлениях становятся источником для формирования у личности интересов, представлений, потребностей и сконструированных на их основе ценностей. Вместе с тем, наряду с позитивно ориентированными социально значимыми конструкциями, культурная среда способна стать основой для развития деструктивных проявлений, в том числе радикальной направленности.

”

Процесс взросления молодой личности в идеале должен предполагать целенаправленную работу по формированию дисциплины, освоению моральных норм и общепринятых ценностных ориентаций, овладению будущей профессией

“

Культура как фактор радикализации может находить проявление в трех аспектах, оказывая воздействие на нравственное, эстетическое или религиозное сознание.

Нравственное сознание предполагает установление баланса между личными и общественными интересами. Для гармоничного существования общества в отдельных ситуациях общественное должно превалировать над личным. Например, конструируя собственное поведение, соответствующее нормам этикета как форме внешнего выражения отношения к людям, человек должен учитывать возможную реакцию общественности на предпринимаемые действия. Другим примером может являться поведение должностных лиц. Так, сотруднику органов внутренних дел, совершающему моральный выбор, следует ориентироваться, прежде всего, на мнение общества, а его решение должно соответствовать общественным ожиданиям. При этом право становится механизмом, одновременно обеспечивающим и ограничивающим свободу личности, закрепляющим лишь отдельные проявления, представляющие особую значимость для развития общества и личности, в которых проявляется наивысшая

степень риска совершения безнравственного, несправедливого или общественно опасного деяния.

Однако в условиях наличия особых потребностей могут приобретать значимость личные интересы. Такая тенденция актуализируется при взаимодействии с лицами, характеризующимися положительными или отрицательными девиациями. Повышенное внимание к нуждам данных лиц позволит поддержать социальную гармонию, восстановить социальную справедливость, а значит – избежать радикализации сознания.

Ключевым принципом морали традиционно является сформулированное Аристотелем требование соблюдать баланс между недостатком и избытком, иными словами, придерживаться правила золотой середины, которое по смысловой нагрузке тяготеет к понятию нормы. Учитывая особенности современной эпохи и смещение ракурса от поощрения «нормального» поведения в сторону пристального рассмотрения «исключительного» поведения во всех его проявлениях, проблемы радикальности приобретают новый окрас и в нравственном аспекте могут рассматриваться как следствие нравственного конфликта.

Нравственный конфликт может быть интерпретирован в двух контекстах. В соответствии с первой позицией нравственный конфликт рассматривается как внутреннее противоречие, зарождающееся у индивида в процессе совершения морального выбора. Несовпадения во мнении вызваны столкновением с внешней средой и основаны на осмыслении обстоятельств, противоречащих ранее сформированному нравственным убеждениям личности. В данном случае способом предупреждения развития радикальных взглядов будет правильная интерпретация понятий о добре и зле, расставление ценностных приоритетов в пользу их общечеловеческого значения.

Второй подход позволяет рассмотреть нравственный конфликт с внешней стороны как столкновение различных ценностных оснований конфликтующих сторон, свойственных им идеалов, норм. В данном случае возможны противоречия ввиду различного уровня развития нравственного сознания, нравственной деградации одной из сторон конфликта. Можно утверждать также о несовпадении во взглядах, обусловленном культурными особенностями.

В рамках второго подхода уместно привести в пример случаи нравственной деградации, связанные, в частности, с пропагандой так называемых западных ценностей, которые противоречат нормам традиционной морали. Более того, категоричные воззрения в современном обществе вызывают дискуссии относительно реализации прав на аборт, смену пола, выбор сексуальной ориентации, суррогатное материнство, клонирование и др. Невзирая на существующие в отечественном законодательстве запреты «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или)

предпочтений, смены пола»⁹, градус напряжения не снижается ввиду отказа отдельных государств от сохранения традиционных нравственных ценностей. Тот факт, что разрешение нравственного конфликта невозможно провести в консенсуальной или компромиссной форме, без категоричного отказа от одной из позиций, свидетельствует о высокой вероятности развития радикальных убеждений.

Однако наиболее острые нравственные противоречия могут возникать на почве этнических различий и касаться народов с высоким уровнем сплочения и ориентированности на традиции. Таковыми в России можно считать народы Кавказа, в среде которых нормы формируются исходя из традиционных представлений о поведенческих паттернах, исторически закреплённого распределения социальных ролей между женщиной и мужчиной. Это с раннего возраста создает устойчивую гендерную модель, определяет роль и функции членов семьи, предупреждает формирование протестных настроений ввиду возможного нарушения принципов равноправия (в соответствии с существующими в европейской цивилизации воззрениями).

На межэтническом уровне радикализм становится последствием существующих различий. В результате реализации контакта между представителями различных этносов радикализм надстраивается над ксенофобскими взглядами, усугубляя существующие противоречия.

Усложняющим межэтнические взаимодействия фактором является религия, закрепляющая отдельные моральные нормы с помощью их сакрализации. Религиозный догматизм, не терпящий вольностей трактовок, сам по себе формирует устойчивые, незыблемые убеждения.

Религия как детерминант радикализации взглядов главным инструментом выбирает веру. Краткий религиозно-философский словарь определяет религиозную веру как «веру в существование Высшего личностного начала бытия, связь с которым принципиально важна для жизни человека, когда он осознает себя призванным согласовать свои действия и поступки с невидимым порядком бытия, созданным его Творцом»¹⁰. Атеистический словарь отражает, что религиозная вера не основана на логических умозаключениях и данных науки, а представляет собой уверенность в реальном существовании сверхъестественных существ, свойств, отношений. Религиозная

вера «представляет собой основной признак религиозного сознания, определяет религиозный культ, переживания и поведение верующих»¹¹.

На основе религиозной веры формируется религиозное сознание, которое представляет собой «отражение людьми господствующих над ними природных и социальных сил в образах, представлениях, идеях, соотносимых с действием сверхъестественных сил. Имеет как познавательные, так и эмоциональные корни»¹².

Из предложенных определений можно выделить следующие особенности, свидетельствующие о предпосылках радикализации религиозного сознания. Во-первых, поскольку религиозная вера характеризуется не просто наличием в сознании представлений о сверхъестественном, но и убежденностью в его реальном существовании, у индивида стирается граница между реальным и сверхъестественным мирами. Это напрямую отражается на понимании жизни. Существование религии невозможно без анимистических представлений. В свою очередь, вера в бессмертие души провоцирует восприятие смерти как закономерного, предопределённого, а иногда и желанного процесса (например, апокалиптические секты, деструктивные объединения, оправдывающие суицид). В христианской традиции значимым остается призыв, в соответствии с которым «смерти не следует бояться, потому что ее нет».

Во-вторых, религиозная вера наделена эмоциональным отношением к объекту почитания. При этом чувства приобретают полярный характер: от трепета перед величием сверхъестественного до страха от понимания неотвратимости наказания за содеянное. Подобные контрастные чувства влекут за собой эмоциональное истощение, постепенный отказ от активной жизненной позиции, а значит – зависимость и подверженность влиянию чужого мнения. Адаптивность и конформизм сознания – устойчивый фундамент для восприятия радикальной идеологии.

В-третьих, религиозная вера в сверхъестественное связана с убежденностью в существовании особых двусторонних отношений – между сверхъестественным и верующим. Ощущение верующим присутствия божественного начала и реальности принципа провиденциализма и божественного предзнаменования вселяет в нем убежденность в необходимости жить по правилам, продиктованным религиозными догмами,

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу от 15.03.2023).

¹⁰ Василенко, Л. И. (2013). *Краткий религиозно-философский словарь*. Искусство и образование.

¹¹ Абдусамедов, А. И., Алейник, Р. М., Алиева, Б. А. и др., Новиков, М. П. (под общ. ред.) (1985). *Атеистический словарь*. 2-е изд., испр. и доп. Политиздат.

¹² *Словарь практического психолога*. <http://www.вокабула.рф/словари/словарь-практического-психолога/сознание-религиозное>

и поощрении как следствии праведной жизни. Отступление от установленных законов, как и скептическое и критическое отношение к прописанным в религии догмам, в обязательном порядке влечет за собой наказание. Описанная особенность религиозной веры становится неременным условием контроля поведения индивида, устанавливает систему дозволенного и запретного.

Наивысшая степень радикализации в противовес толерантности зарождается в религиозных сектах, т. е. «отколовшейся от основного или господствующего религиозного вероисповедания группы верующих, придерживающейся своих взглядов и толкований его отдельных догматов, обрядов, поучений и т. п.»¹³. И если в этническом аспекте радикализация – следствие различий, то в случае с расколом внутри религии – следствие явной схожести. Необходимость подчеркивания исключительности собственного вероучения привела к строгому размежеванию религий, проведению демаркационной черты между сектой и религией, на основании которой данное объединение возникло. У последователей первоначальных религиозных догм вновь образовавшееся учение воспринимается с позиции ложности и вызывает негативные чувства. Так, запрещенное на территории Российской Федерации течение ваххабизма крайне негативно относится к мусульманам, не разделяющим их догмы и склоняющимся к исторически сложившимся так называемым традиционным положениям ислама. В понятие «кафир» представители данной религиозно-политической секты вкладывают неверие, равное отказу от продуцируемых ими экстремистских убеждений.

Из этого следует, что радикализация религиозного сознания – опасная социально-психологическая тенденция, связанная с непринятием другого, способная спровоцировать религиозный фанатизм, разрушение личности и разжигание конфликтов, представляющих особую угрозу для поликонфессионального российского общества.

Приоритет эмоционального над интеллектуальным характерен и для эстетического сознания. Но если в религиозных детерминантах фундаментом является вера, то в разрезе искусства – это сочетание интеллектуального осмысления и чувств, которые вызывает у личности то или иное произведение искусства. При этом первостепенное значение имеет чувственная составляющая, которая пробуждает не всегда объяснимый логическими методами интерес.

Неоднократно нападениям вандалов подвергалась картина И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». В современном искусствоведении появилась условная

категория «тревожных» картин, эмоционально насыщенные образы которых влияют на психику человека, пробуждая его к радикальным действиям. У каждого из вандалов проявляются триггеры, понятные исключительно им. Кроме упомянутого произведения радикальные настроения пробуждали такие картины, как «Даная» Рембрандта Ван Рейна, «Гилей и нимфы» Джона Уильяма Уотерхауса (вызвала гнев у социальной группы феминисток). При этом случаи эпатажного публичного осквернения произведений мирового искусства в контексте проводимого исследования также могут быть изучены, но с позиции социального воздействия на личность.

Следует отметить, что радикальность как черта не была свойственна искусству на протяжении всех исторических этапов становления и развития культуры, а имеет отношение к его современным формам, не ориентирующимся на каноны. Более того, современное искусство часто имеет протестную форму, вступая в конфликт с устоями, традициями, ценностями. Так, в начале XX в. вызов миру канонического салонного искусства бросили импрессионисты. Безусловно, их творческий порыв нельзя сопоставить с радикализмом (чего нельзя сказать о представителях классической школы), однако переворот в сознании зрителей и представителей творческой элиты, категорически не принимающих живопись, которая пытается передать не столько интеллектуальную составляющую произведения, но и впечатления от его постижения, положил начало новому направлению беспредметного искусства.

В итоге, в середине XX в. появляется понятие контркультуры, объединившее в себе представления о разрозненных течениях, выступавших против принятия традиционных форм искусства, мотивов, способов выражения. Маргинальность и странность стали желаемыми образцами поведения, идеалом новой эпохи бунтарского искусства, «искусства не ради искусства, а искусства ради популярности и эпатажа, заработанных любой ценой»¹⁴. Погоня за популярностью в конечном счете привела к погоне за смыслом, что связано с культурным обнулением, детерминированным стремлением освободиться, очиститься от насыщенности артефактами.

Эффективность влияния искусства на сознание обеспечивается непрямым воздействием, в ходе которого объект не всегда ощущает на себе влияние, трансформирующее аксиологические ориентиры. Учитывая особенности современного восприятия, наиболее эффективным способом действия на сознание является кинематограф. Его выразительные средства способны обеспечить процесс идентификации с персонажем: «Мы получаем иллюзию свободы, погружа-

¹³ Юридический словарь. <https://slovariki.org/uridiceskij-slovar/17107>

¹⁴ Грицанов, А. А. (2002). *Всемирная энциклопедия: Философия XX век*. Москва: Харвест.

емя в жизнь героев, идентифицируемся с ними, идеализируем их и не замечаем, в какой перекокс при этом вступают наши собственные ценности и убеждения»¹⁵. Погружение в иллюзорный мир в большей степени обеспечивают фантастические сюжеты. Популярность фантастических фильмов во многом объясняется попыткой ухода от реальности. По данным известного российского киноресурса «Киноафиша», первые пять строчек рейтинга за 2022 г. среди наиболее популярных у зрителей кинофильмов заняли мультипликационные фильмы и фантастика¹⁶.

”

Радикализация религиозного сознания – опасная социально-психологическая тенденция, связанная с непринятием другого, способная спровоцировать религиозный фанатизм, разрушение личности и разжигание конфликтов, представляющих особую угрозу для поликонфессионального российского общества.

“

Негативной тенденцией в искусстве становится его политизированность. Давление, оказываемое в настоящее время на русское искусство, попытки реализации принципов «отмены» приводят к отстраненности, непринятию традиционных форм, идей, мотивов, не только нарушая связи на уровне международных отношений, но и теряя внутрикультурные контакты, стирая аутентичность и уникальность.

Если рассматривать социальные детерминанты радикального сознания, стоит отметить, что существуют общественные системы разного типа. Для того чтобы понять сущность формирования радикального сознания, необходимо учитывать, что есть общество традиционное, существующее в режиме функционирования и стабильности, когда в центре, т. е. в норме общественного существования, находится большая часть элементов этой системы, функционирующих на уровне стабильности и гармоничности. Но в системе также есть субъекты границ, максимумов существования, которые могут иметь радикальные идеи и признаки.

В равновесной системе режима функционирования субъектов с радикальными взглядами весьма мало, что позволяет говорить о равновесности системы и отсутствии формирования радикалов. В то же время при формировании общества трансформационных процессов ситуация с распределением индивидов в рамках системы кардинально меняется и в разные моменты времени может приобретать дифференцированные значения. Уже в рамках начального этапа выхода системы из режима функционирования можно говорить о начале трансформационных процессов, когда в обществе происходит резкий рост радикально настроенных личностей, которые запускают механизм расшатывания системы с последующим выходом на качественно новый уровень ее существования.

Именно для того чтобы система могла пройти путь выхода на трансформационные процессы, преодолеть его и сформировать новую систему, необходимы появление, становление и развитие радикально настроенных личностей.

Таким образом, заявляющие о себе трансформационные процессы запускают механизм формирования радикально настроенных личностей, которые, в свою очередь, должны привести эту систему в дестабилизационное состояние с последующим переходом на качественно новый уровень.

Если рассматривать политическую обусловленность радикального сознания, то следует указать, что ученые выделяют два вида радикализма: правый и левый. Данные виды, в свою очередь, подразделяются на множество иных структурных единиц, которые в некоторых своих аспектах отличаются друг от друга.

Здесь особое внимание стоит уделить именно крайним формам спектра политического действия, так как именно они наиболее четко отражают всю закономерность данного распределения, поскольку основными идеями в них выступают пересечение идей доминирования общества над человеком или человека над обществом, и отношение к необходимости существования частной собственности.

Как правило, «левые с оптимизмом смотрят на природу человека и полагают, что социальной справедливости в обществе можно достичь без чрезмерной опеки государства. Крайне левые – это анархисты, к ним близки коммунисты. Социал-демократы – сторонники умеренной левой идеологии. Либералы сейчас находятся ближе к центру. Собственно, центристами можно назвать и тех, кто совмещает идеи либерализма и консерватизма, – неолибералов и неоконсерваторов.

Правые смотрят на природу человека более пессимистично и считают, что стабильность возможна только на основе традиций, надзора, государственного кон-

¹⁵ Как кинематограф формирует реальность, в которой мы живем. <https://dzen.ru/a/XxP19jGVVGFStyK>

¹⁶ Рейтинг фильмов 2022 года. <https://www.kinoafisha.info/rating/movies/2022/>

троля. Консерваторы – в основном умеренно правые, а смещение к крайне правой позиции приводит к фашистской идеологии»¹⁷.

Выводы

Внутренние причины формирования радикального сознания несовершеннолетних и молодежи имеют сложную и глубокую сущность. Благоприятным периодом для развития радикального сознания молодежи являются кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию укоренившихся традиций и привычного уклада общества или определенных его слоев и групп. Соответственно, наиболее уязвимой для радикализации категорией населения являются именно молодые люди. В связи с этим научный интерес представляет изучение причин и условий, которые побуждают молодежь принимать какую-то одну сторону, отстаивать стремление к безусловной правоте и делать кардинальный выбор в пользу радикальных взглядов на мир.

Культурный фактор выступает важнейшим детерминантом формирования сознания, обеспечивая установление значимых для личности ценностных ориентиров. Культурная среда находит свое воплощение в нравственном, эстетическом и этическом проявлениях. Формируя эталоны и стандарты, культура обеспечивает реализацию эффективного механизма влияния на сознание и обеспечения поведенческой регуляции.

Кроме того, развитие субъектов радикального мировоззрения продуцирует не только социальная система, но и политическая система, что связано с возможностью существования и функционирования радикальной идеологии. Изложенное позволяет заключить, что формирование радикального сознания всегда будет свидетельствовать о начавшихся социокультурных трансформациях, которые согласно воззрениям мыслителей как древности, так и современного мира являются необходимым условием существования самого человечества.

Список литературы

- Башкиров, В. Г. (2013). Смерть человека в истории религиозной мысли и в святоотеческом предании. *Труды Минской духовной академии*, 11, 26–67.
- Вундт, В. (2001). *Проблемы психологии народов*. Санкт-Петербург: Питер.
- Геллнер, Э. (1995). *Условия свободы*. Москва: Ad Marginem.
- Гуггенбюль, А. (2021). *Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости*. Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Деррида, Ж. (2006). *Призраки Маркса* (пер. с франц. Б. Скуратова, под общей ред. Д. Новикова). Москва: Logos-altega, издательство «Ессе homo».
- Джонсон, Р., Руль, Дж. (2018). *Проживая свою непрожитую жизнь* (пер. с англ.), 2-е изд., (эл.) Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Дильтей, В. (2001). *Сущность философии* (пер. с немец., под ред. М. Е. Цельтера). Москва: Интрада.
- Зиммель, Г. (1996а). Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. В *Избранное. Том второй. Созерцание жизни* (стр. 301). Москва: Юрист.
- Зиммель, Г. (1996б). Проблема религиозного положения. В *Избранное. Том первый. Философия культуры* (стр. 651–662). Москва: Юрист.
- Злоказов, К. В., Караяни, А. Г., Прокурова, Н. С. (2022). Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 27 (3(90)), 246–256. <https://10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>
- Коноплева, А. А. (2019). Культурные предпочтения Z-поколения (на основе результатов социологического исследования). *Манускрипт. Тамбов: Грамота*, 12(9), 146–150. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.31>
- Пономаренко, В. В. (2019). *Практическая характерология. Методика 7 радикалов*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
- Самойлов, С. Ф., Насиров, М. Н. (2016). К проблеме различения понятий социального и политического радикализма. *Общество: политика, экономика, право*, 2, 13–17.
- Хабермас, Ю. (1991). Понятие индивидуальности. В И. Т. Фролов (ред.), *О человеческом в человеке: сборник* (стр. 195–207). Москва: Политиздат.
- Хабермас, Ю. (1995). Лекция вторая. Философский спор вокруг идеи демократии. В *Демократия. Разум. Ответственность. Московские лекции и интервью* (стр. 33–57). Москва: Академия.
- Шнеир, М. (ред.) (1992). *Феминизм: проза, мемуары, письма*: (пер. с англ.) Москва: Прогресс: Литера.

¹⁷ Иванова, М. В. (2015). Идеологическая обусловленность государственного управления. В *Основы государственного и муниципального управления: учебное пособие* (стр. 93–97). Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

- Шпенглер, О. (1999). *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Минск: ООО «Попури».
- Юнг, К. Г. (2020). *Человек и его символы: монография* (пер. с англ. В. В. Зеленский). Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Formosa, P. (2007). Is radical evil banal? Is ban al evil radical? *Philosophy & Social Criticism*, 33 (6), 717–735.
- Gielen, U. P. (1986). Moral reasoning in radical and non-radical german students. *Cross-Cultural Research*, 20 (1-4), 71–109.
- Lee, F. S. (2004). History and identity: the case of radical economics and radical economists, 1945-70. *Review of Radical Political Economics*, 36 (2), 177–195. <https://10.1177/0486613404264193>
- Murphy, L., & Livingstone, J. (1985). Racism and the limits of radical feminism. *Race and Class*, 26 (4), 61–70.
- Rooduijn, M., Burgoon, B., van Elsas, E. J., & van de Werfhorst, H. G. (2017). Radical distinction: support for radical left and radical right parties in Europe. *European Union Politics*, 18 (4), 536–559. <https://10.1177/1465116517718091>

References

- Bashkirov, V. G. (2013). Smert' cheloveka v istorii religioznoj mysli i v svyatootecheskom predanii. *Trudy Minskoj duhovnoj akademii*, 11, 26–67.
- Vundt, V. (2001). *Problemy psichologii narodov*. Saint Petersburg: Piter.
- Gellner, E. (1995). *Usloviya svobody*. Moscow: Ad Marginem.
- Guggenbyul', A. (2021). *Zloveshchee ocharovanie nasiliya. Profilaktika detskoj agressivnosti i zhestokosti*. Moscow: Institut obshchegumanitarnyh issledovaniy.
- Derrida, ZH. (2006). *Prizraki Marksa* (per. s franc. B. Skuratova, pod obshchej red. D. Novikova). Moscow: Logos-altera, izdatel'stvo «Esse homo».
- Dzhonson, R., Rul', Dzh. (2018). *Prozhivaya svoyu neprozhituyu zhizn'* (per. s angl.), 2-e izd., (el.) Moscow: Institut obshchegumanitarnyh issledovaniy.
- Dil'tej, V. (2001). *Sushchnost' filosofii* (per. s nemec. Pod red. M. E. Cel'tera). Moscow: Intrada.
- Zimmel', G. (1996a). Social'naya differenciaciya. Sociologicheskie i psihologicheskie issledovaniya. V *Izbrannoe. Tom vtoroj. Sozercanie zhizni* (str. 301). Moscow: Yurist.
- Zimmel', G. (1996b). Problema religioznogo polozheniya. V *Izbrannoe. Tom pervyj. Filosofiya kul'tury* (str. 651–662). Moscow: Yurist.
- Zlokazov, K. V., Karayani, A. G., Prokurova, N. S. (2022). Radikalizaciya predstavlenij molodezhi o roli religii v obshchestve metodami kognitivnoj vojny. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 27 (3(90)), 246–256. <https://10.24412/1999-6241-2022-390-246-256>
- Konopleva, A. A. (2019). Kul'turnye predpochteniya Z-pokoleniya (na osnove rezul'tatov sociologicheskogo issledovaniya). *Manuskript. Tambov: Gramota*, 12 (9), 146–150. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.9.31>
- Ponomarenko, V. V. (2019). *Prakticheskaya harakterologiya. Metodika 7 radikalov*. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST».
- Samojlov, S. F., Nasirov, M. N. (2016). K probleme razlicheniya ponyatij social'nogo i politicheskogo radikalizma. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2, 13–17.
- Habermas, Yu. (1991). Ponyatie individual'nosti. V I. T. Frolov (red.), *O chelovecheskom v cheloveke: sbornik* (str. 195–207). Moscow: Politizdat.
- Habermas, Yu. (1995). Lekciya vtoraya. Filosofskij spor vokrug idei demokratii. V *Demokratiya. Razum. Otvetstvennost'. Moskovskie lekicii i interv'yu* (str. 33–57). Moscow: Akademiya.
- Shneir, M. (red.) (1992). *Feminizm: proza, metuary, pis'ma*: (per. s angl.) Moscow: Progress: Litera.
- Shpengler, O. (1999). *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. Minsk: ООО «Popuri».
- Yung, K. G. (2020). *Chelovek i ego simvoly: monografiya* (per. s angl. V. V. Zelenskij). Moscow: Institut obshchegumanitarnyh issledovaniy.
- Formosa, P. (2007). Is radical evil banal? Is ban al evil radical? *Philosophy & Social Criticism*, 33 (6), 717–735.
- Gielen, U. P. (1986). Moral reasoning in radical and non-radical german students. *Cross-Cultural Research*, 20 (1-4), 71–109.
- Lee, F. S. (2004). History and identity: the case of radical economics and radical economists, 1945-70. *Review of Radical Political Economics*, 36 (2), 177–195. <https://10.1177/0486613404264193>
- Murphy, L., & Livingstone, J. (1985). Racism and the limits of radical feminism. *Race and Class*, 26 (4), 61–70.
- Rooduijn, M., Burgoon, B., van Elsas, E. J., & van de Werfhorst, H. G. (2017). Radical distinction: support for radical left and radical right parties in Europe. *European Union Politics*, 18 (4), 536–559. <https://10.1177/1465116517718091>

Информация об авторах:

Людмила Николаевна Никитина – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Анна Алексеевна Коноплева – кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Наталья Витальевна Чудина-Шмидт – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Одобрена после рецензирования 25.06.2023

Опубликована 28.07.2023

About the authors:

Lyudmila N. Nikitina – Ph.D. in psychology, Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anna A. Konopleva – Ph.D., Associate Professor, Deputy Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Natalya V. Chudina-Shmidt – Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 19, 2023

Approved after reviewing June 25, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-208-219

Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье

Александр Викторович Равнюшкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
ravnyushkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3604-5070

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы подросткового насилия над родителями как отдельной формы семейного (домашнего) насилия, обосновывается наличие проблемного характера этого противоправного феномена на основе анализа и обобщения результатов научных исследований российских и зарубежных ученых, включая полученные ими социологические и иные данные. Актуальность работы выражается в том, что семейное (домашнее) насилие, исходящее от несовершеннолетних, как негативное явление порождает вредные последствия, угрожающие развитию других членов семьи и в целом общества на основе высоких нравственных идеалов и крепкой семьи.

Целью работы является исследование и определение степени общественного и научного признания проблемы подросткового насилия над родителями как таковой в правовом и иных аспектах, выделение его в качестве отдельной формы семейного (домашнего) насилия, установление его особенных признаков и коррекция понятийного аппарата для включения подросткового насилия в правовой и научный оборот.

Автор применил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, связанных с совершением актов насилия со стороны детей (подростков) в отношении родителей, метод анализа и обобщения результатов научных исследований, сравнительно-правовой метод.

Результатами исследования явились подтверждение гипотезы о существовании феномена подросткового насилия над родителями (матерью), признание его как отдельной формы семейного насилия на основе выделенных особенных признаков, выработка авторских формулировок понятий в рассматриваемой сфере, а также предложение расширенного понимания объекта государственно-правовой защиты прав личности от домашнего (семейного) насилия в зависимости от вида лиц, покушающихся на нее.

Научная новизна исследования определяется тем, что в Российской Федерации феномен совершения актов насилия со стороны несовершеннолетних (подростков) в семье не рассматривался в качестве отдельной формы домашнего (семейного) насилия. На основе полученных обобщенных результатов исследования автор представил скорректированные формулировки понятий домашнего насилия и семейно-бытового правонарушения для включения их в правовой и научный оборот, что придало работе практическую значимость.

Ключевые слова

домашнее (семейное) насилие, форма семейного насилия, подростковое насилие над родителями, объект государственно-правовой защиты, административная и иная ответственность

Для цитирования: Равнюшкин, А. В. (2023). Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно-правовой защиты личности в семье. *Российский девиантологический журнал*, 3 (2), 208–219. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-208-219.

Adolescent to parent violence as a form of family (domestic) violence: the issue of expanding the object of state-legal protection of the individual in the family

Aleksandr V. Ravnyushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
ravnyushkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3604-5070

Abstract

The article examines the issues of adolescent to parents violence as a separate form of family (domestic) violence, substantiates the problematic nature of this unlawful phenomenon on the basis of analysis and generalization of the results of scientific research of Russian and foreign scientists, including their sociological and other data obtained. The relevance of the work is expressed in the fact that adolescent family violence, as a negative phenomenon, leads to harmful consequences that threaten the development of other family members and society as a whole on the basis of high moral ideals and a strong family.

The aim of the work is to study and determine the degree of public and scientific recognition of the problem of adolescent to parent violence as such in legal and other aspects, to identify it as a separate form of family (domestic) violence, to establish its special features and to adjust the conceptual apparatus for its inclusion in legal and scientific circulation.

The author applied a dialectical approach to the scientific knowledge of social relations related to the acts of violence committed by children (adolescents) against parents, a method of analyzing and generalizing scientific research results, a comparative legal method.

The results of the study confirm a hypothesis that there is a phenomenon of adolescent violence against parents (mother), its recognition as a separate form of family violence based on the identified special features, the development of author's formulations of concepts in the relevant field, as well as the proposal of an expanded understanding of the object of state-legal protection of individual rights from domestic (family) violence, depending on the type of perpetrator.

The scientific novelty of the study is determined by the fact that in the Russian Federation the phenomenon of the acts of violence committed by minors (adolescents) in the family has not been considered as a separate form of domestic (family) violence. Based on the obtained generalized results of the study, the author presented the adjusted formulations of the concepts of family violence and domestic abuse to include them in the legal and scientific circulation, which gave the work practical significance.

Keywords

domestic (family) violence, form of family violence, adolescent to parent violence, object of state legal protection, administrative and other responsibility

For citation: Ravnyushkin, A. V. (2023). Adolescent to parent violence as a form of family (domestic) violence: the issue of expanding the object of state-legal protection of the individual in the family. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (2), 208–219. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-208-219.

Введение

Уровень благополучия любого общества и государства находится в прямой зависимости от уровня соблюдения прав и свобод человека и гражданина государством, с одной стороны, и добросовестного выполнения своих обязанностей граждан перед государством – с другой. Такое гармоничное развитие возможно только на основе традиционных ценностей,

к которым среди прочих относятся высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд¹.

Насилие в семье (домашнее насилие) как фактор, порождающий вредные последствия, относится к числу не теряющих своей актуальности проблем как в Российской Федерации, так и за рубежом. В большинстве государств мира приняты и действуют законы, направленные на противодействие домашнему (семейному)

¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента № 809 от 9 ноября 2022 г.) <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

насилию, во многом основанные на положениях международных правовых актов.

В качестве лиц, страдающих от актов домашнего насилия, выступают женщины и дети. Эти лица являются первостепенными объектами государственно-правовой защиты от актов домашнего насилия, что отражено в правовых актах различного уровня (от международных до национальных).

В Преамбуле Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием отмечено: государства – члены Совета Европы и другие стороны, подписавшие Конвенцию, осознают, что домашнее насилие намного больше затрагивает женщин, однако мужчины тоже могут стать жертвами домашнего насилия, также жертвами домашнего насилия становятся дети, в том числе как свидетели насилия в семье².

Обозначенным формам домашнего (семейного) насилия, в которых жертвами являются женщины и дети, посвящено множество научных работ. Имеются исследования, в которых в качестве жертв домашнего насилия отмечаются мужчины, чаще всего преклонного возраста.

В контексте домашнего насилия наблюдается значительное или полное отсутствие в отечественной научной среде дискуссий и анализа такой формы насилия, как домашнее (семейное) насилие несовершеннолетних над родителями (преимущественно матерью). Официальные субъекты профилактики правонарушений не выделяют насилие несовершеннолетних в отношении родителей как отдельную форму насилия, соответственно, не ведут ее статистический учет. Такое непризнание порождает определенные трудности из-за различий в теоретических подходах к понятию домашнего (семейного) насилия.

Целью исследования является изучение подросткового насилия над родителями как формы домашнего (семейного) насилия в правовом и иных аспектах, мотивов совершения актов этой формы насилия, для того чтобы рассмотреть феномен домашнего насилия с новой позиции.

Это обусловило постановку следующих задач: исследовать степень общественного и научного признания проблемы подросткового насилия над родителями; выделить подростковое насилие над родителями как отдельную форму домашнего (семейного) насилия на основе ее особенных признаков; на базе полученных данных скорректировать формулировку понятий «домашнее насилие», «семейно-бытовое правонарушение»; уточнить содержание объекта семейно-бытового правонарушения как объекта государственно-правовой защиты.

Объектом исследования выступают общественные отношения, в которых совершаются акты насилия в семье, и несовершеннолетние лица в них, выступающие в качестве агрессора.

Предметом работы являются правовые нормы, регулирующие вопросы противодействия домашнему (семейному) насилию, научные работы российских и зарубежных ученых и приведенные ими результаты социологических исследований, другие данные.

Результаты исследования представляют подтверждение гипотезы о том, что существует отдельная форма семейного насилия – подростковое, совершаемое в отношении родителей, преимущественно матери, выделяемое на основе особенных признаков. Автором представлены предложения по включению в научный и правовой оборот скорректированных формулировок понятий «домашнее насилие», «семейно-бытовое правонарушение».

Обзор литературы

Авторское исследование основано на теоретических взглядах ведущих ученых. Среди отечественных специалистов, занимающихся вопросами противоправного поведения несовершеннолетних, следует выделить Г. А. Аванесова (Аванесов, 2012), Н. Ю. Волосову (Волосова, 2017), Н. И. Куликову (Куликов, 1996), Ж. Д. Дашиеву (Дашиева, 2019) и других. Исследования данных авторов посвящены или затрагивали только генезис насильственного и агрессивного поведения несовершеннолетних в целом, причем оцениваемого как обратную реакцию на агрессию взрослых членов семьи.

К числу материалов, содержание которых значимо для настоящего исследования, относятся достижения зарубежных ученых, области научного интереса которых так или иначе связаны с девиантным поведением несовершеннолетних, в том числе тех, чьи насильственные деяния направлены против родителей.

Ценность для настоящего исследования представляют работы отечественных ученых, направленные на изучение вопросов, связанных с уголовной и (или) административной ответственностью за совершение насильственных деяний, в том числе в семейно-бытовой сфере, разрабатывающих понятийный аппарат по данной проблематике.

Методология, методы и материалы исследования

Методологическую основу исследования составил диалектический подход к научному познанию общественных отношений, связанных с совершением ак-

² Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (2011). Стамбул, 11.V.2011. <https://docs.cntd.ru/document/420206767>

тов насилия со стороны детей (подростков) против родителей, методы анализа и обобщения результатов научных исследований, позволившие сформулировать и обосновать выводы. К числу специальных методов, примененных в исследовании, относятся сравнительно-правовой метод и метод исследования нормативных правовых актов. Основными материалами послужили результаты научных исследований российских и зарубежных ученых, нормативные акты и статистические данные.

Описание исследования

Сколько существует человек в цивилизации, столько исходит от него насилие. Среди теорий, объясняющих происхождение государства, особое место занимает теория насилия, основоположниками которой считаются китайский мыслитель и политик Шан Ян (390–338 до н. э.), немецкий философ Карл Евгений Дюринг (1833–1921), австрийский правовед и социолог Людвиг Гумплович (1838–1909) (Гумплович, 1910) и немецкий философ Карл Каутский (1854–1938) (Каутский, 1931). В дальнейшем в изучении этого вопроса ведущая роль оставалась за зарубежными исследователями. Конкретно семейное (домашнее) насилие впервые было признано социальной проблемой в конце XIX в. (Волосова, 2017, с. 311).

За рубежом проблеме насилия детей над родителями как форме домашнего насилия посвящено немало научных работ. Это позволяет сделать вывод, что данная проблема все же получила общественное и научное признание.

Подростковое насилие в отношении родителей было относительно неизвестным явлением, пока американские ученые Н. Т. Харбин и Ди Джей Мэдден (Н. Т. Harbin, D. J. Madden) в 1979 г. не обозначили новую форму насилия – насилие подростков над родителями, назвав его синдромом избитых родителей (Harbin & Madden, 1979). С тех пор это явление стало рассматриваться как вторичное по отношению к другим формам насилия в семье, несмотря на предположения, что оно не имеет социально-экономических границ (это происходит во всех типах семей) и часто оказывает глубокое воздействие на родителей (Moulds et al., p. 548).

Отмечается, что данная проблема нуждается в повышенном внимании и исследовании. «Насилие между детьми и матерями – это область семейного насилия, которой уделялось ограниченное внимание в течение последних лет, но которая является проблемой для многих семей» (Edenborough et al., p. 464).

Ученые допускают, что подобная ограниченность внимания к проблеме стала возможной из-за склонности общества к обвинению матери в допущении насилия со стороны детей (Kennair & Mellor, 2007).

Исследования, проведенные в США, Канаде и Испании, показывают, что распространенность физическо-

го насилия со стороны детей-подростков в отношении родителей находится в районе 5–13 % от общего количества семейного насилия (Calvete, Orue, & Gamez-Guadix, 2013, p. 777).

Барбара Коттрелл (Barbara Cottrell) пыталась ответить на вопросы о масштабах насилия несовершеннолетних в отношении родителей и его причинах. По ее мнению, частота явления определяется в 7–18 % случаев от общего количества проявлений семейного насилия (Parent abuse: the abuse of parents by their teenage children, 2001).

Ясминка Злокович (Jasminka Zloković) из университета Риеки (Хорватия) провела исследование, опросив старшеклассников Приморско-Горско-Котарского уезда. В день опроса присутствовали 188 обучающихся (76 % от их общего количества), которые представляли выборку данного исследования. Возраст участников – от 15 до 18 лет; 92 (48,9 %) из них девочки, 96 (51,1 %) – мальчики. Согласно этому исследованию, насильственное поведение в отношении родителей встречается среди подростков от 13 до 17 лет.

Опрос состоял из двух частей. В первой части были собраны демографические данные о родителях и участниках (пол, возраст, братья и сестры, вид работы и образование родителей, материальное положение семьи, структура семьи), а также личные сообщения участников о некоторых аспектах межличностных семейных отношений. Во второй части была разработана шкала из 40 пунктов, которая отражала определенное поведение детей по отношению к своим родителям, что указывало бы на потенциальное существование насилия. Психометрические индикаторы показали необходимость группирования шкал по четырем группам, первая из которых включает детское манипулирование родителями (альфа-коэффициент Кронбаха составил 0,93 %), вторая – склонность к психическому насилию родителей (0,98 %), третья – к материальной эксплуатации родителей (0,95 %) и последняя – к физическому насилию (0,96 %).

Если рассматривать проблему через призму индивидуальных форм в рамках полной выборки, то 31 из 188 (16 %) подростков манипулируют своими родителями.

Психическое насилие как поведение по отношению к родителям встречается у 27 подростков (14 %), материальная эксплуатация – у 18 (10 %) и физическое насилие – у 9 участников (4,8 %) (Zloković, 2021, p. 4–6).

Группой австралийских ученых было проведено исследование, в котором они попытались изучить масштабы данного негативного явления в Австралии. В результате авторы пришли к выводу, что в настоящее время нет общедоступных данных о его распространенности в масштабах всей страны. В этом исследовании использовались данные полиции из четырех австралийских штатов, чтобы задокументировать

показатели распространенности правонарушений, о которых сообщается в полицию, и характеристики подросткового насилия по отношению к родителям в Австралии. От 1 % до 7 % случаев насилия в семье, о которых сообщалось в полицию, приходится на подростковое насилие по отношению к родителям. «Типичный» преступник – молодой человек европеоидной расы 15–17 лет, который обычно проявляет насилие по отношению к своей матери (Moulds et al., 2018, p. 231).

Мэтью Далитц (Matthew Dahlitz) заключает: «Мы сталкиваемся с проблемой низкого уровня признания проблемы подросткового насилия над родителями, усугубляемой социальными нормами и искажением данных в средствах массовой информации, которые приводят к отсутствию последовательной социальной реакции» (Dahlitz, 2015, p. 19).

”

Среди мотивов, которые побуждали подростка на совершение акта насилия в отношении родителей, – не только желание причинить вред и страдания родителям, но и в определенных случаях стремление защитить свое право на владение определенными вещами

“

В числе детерминант подросткового насилия первостепенное значение имеет возрастное развитие: мозг подростка переживает период быстрого роста, во время которого происходит реорганизация или перепрограммирование нейронных сетей. В разгар изменений нейробиологических основ подростки обнаруживают, что у них растет способность к метапознанию и способность применять логику.

Луи Козолино (L. Cozolino) в книге «Неврология человеческих отношений: привязанность и развивающийся социальный мозг» описал, что во время перемен у подростка подвергаются стрессу критические функции: эмоциональная регуляция, контроль импульсов, суждение, моральное обоснование и способность к горизонтальной интеграции (интеграция левого / правого полушария мозга) и вертикальной интеграции (кортикальная / лимбическая интеграция) при интерпретации и реагировании на мир вокруг них (Cozolino, 2014).

Мэтью Далитц пришел к убеждению, что из-за этих изменений подросткам необходимо проходить социальную адаптацию с участием взрослых (обычно родителей), чтобы они приобрели навыки по эффективному регулированию своих эмоций и логичному рассуждению (Dahlitz, 2015, p. 20).

Кроме того, группа ученых из Испании добавляет еще одну причину: дети и подростки воспитываются в культуре потребления, которая достигает своего апогея в подростковом и юношеском возрасте и в которой родители играют роль «провайдеров». В этой культуре насилие со стороны подростков является средством достижения целей, когда родители отказываются продолжать удовлетворять желания своих детей. В соответствии с такими недавними изменениями в стилях воспитания и развития молодежи подростковое насилие связано с неспособностью родителей устанавливать ограничения на поведение своих детей и определять вероятные последствия их поведения (Calvete, Orue, & Gamez-Guadix, 2013).

Сьюзан К. Макки (S. K. Mackey) из Университета Оттавы отмечает, что в случае, когда отсутствует систематическое общение между детьми и взрослыми, особенно если не сформировалась привязанность между ними, то это может вызвать потерю способности детей к эмоциональной саморегуляции, и в дальнейшем способствовать к появлению у детей агрессивного поведения (Mackey, 1996).

В зарубежной научной литературе разрабатывается и некоторый понятийный аппарат. Так, жестокое обращение подростка по отношению к родителям характеризуется как «любое агрессивное действие, совершенное подростком в отношении родителей, которое порождает у них чувство страха, боязни, причиняет им вред здоровью» (Kennair, & Mellor, 2007, p. 204).

Наблюдается рокировка лиц в связи «жертва–преступник»: если в случаях домашнего насилия и жестокого обращения с детьми суд защищает жертву-ребенка, то в случае подросткового насилия в отношении родителей преступником является ребенок, а жертвой – взрослый, и это значительно усложняет осуществление правосудия (Moulds et al., 2016, p. 552).

Латентность рассматриваемого негативного явления усиливает тот фактор, что многие родители не хотят, чтобы их ребенок подвергся уголовному преследованию или был подвергнут административному наказанию.

Таким образом, за рубежом проблема подросткового насилия в отношении родителей (преимущественно матери) приобретает актуальный статус, получает признание в обществе и научной среде, прежде всего, среди специалистов в области психологии и виктимологии. И, как было отмечено выше, зарубежные ученые выделили новую форму домашнего (семейного) насилия – подростковую, при ко-

торой преступником является ребенок, а жертвой – взрослый.

Девиантное поведение детей и подростков входит в сферу научных интересов и российских ученых. Известным исследователем в этой области является А. А. Реан, опубликовавший ряд научных работ. К их числу относится монография «Психология девиантности. Дети. Общество. Закон», в которой рассматриваются помимо прочего вопросы психологии агрессии у детей и подростков, проблемы школьного насилия (буллинга) (Реан, 2020).

Одной из первопричин развития подростковой агрессии является насилие родителей и лиц, их замещающих, над ними. В результате мальчики осознают, что такая модель поведения допустима и что теперь они тоже могут издеваться над окружающими, а девочки свыкаются с установкой насилия над ними, унижением и оскорблением. «Отметим, что из 80 % лиц, испытывающих агрессию на себе, 72 % (почти все) во взрослом возрасте становятся агрессорами» (Авансов, 2012, с. 92).

Однако широкого признания проблема подросткового насилия над родителями в стране не получила, несмотря на нередкие сообщения в различных неофициальных источниках.

Вот некоторые анонимные обращения на интернет-сайты психологических служб о подростковых случаях насилия с сохранением авторской лексики:

1. «...Сын-подросток 15 лет. Рос беспроблемным: не хулиганил, был коммуникабельным, стремился к знаниям, делился со мной своими интересами. И тут нагрянул переходный возраст... Сын стал хамить, огрызаться, прогуливать школу. Когда пыталась отлучить его от компьютера, мог оттолкнуть меня. Я уже тогда почувствовала этот тревожный звонок, пошла к психологу. И вот 2 дня назад сын снова поднял на меня руку. И уже не просто оттолкнул, пытаясь защитить свой компьютер, а ударил сильно по больной ноге...»³.

2. «Меня вчера ударил сын. Ему 13 лет. Всегда был прилежный, внимательный, добрый. С сентября учился плохо, помогать по хозяйству не хочет, один интерес – компьютер, сотка. Стал меня передразнивать, игнорировать. И вчера я просила помочь, он сел и включил телевизор. Я спокойно попросила пульт, он не дал. Я выхватила пульт и выключила. Сын встал, размахнулся и ударил в лицо кулаком...»⁴.

³ Сын меня ударил. Как теперь жить? (2019). *Форум Дети* https://deti.mail.ru/forum/semeynye_otnoshenija/nepolnaja_semja/syn_menja_udaril_kak_teper_zhit/

⁴ Как вести себя маме, когда ее ударил сын-подросток? (2010). *Информационный портал Все психологи*. <https://www.all-psy.com/konsultacii/otvet/12765/>

⁵ Вопрос экспертам: как реагировать, если ударил собственный ребенок? (2017). <https://letidor.ru/psihologiya/vopros-ekspertam-kak-reagirovat-esli-udaril-sobstvennyy-rebenok.htm>; Подросток во время ссоры кричит и бьет родителей. Что делать взрослым? (2021). *Информационный портал Мел*. <https://mel.fm/deti/podrostki/1427863-podrostok-vo-vremya-ssory-krichit-i-byet-roditeley>; Сын бьет мать. *Юридическая социальная сеть*. https://www.9111.ru/сын_бьет_мать.

Таких случаев в интернете можно найти множество⁵.

Уровень латентности подобного рода фактов весьма высок, прежде всего, это объясняется нежеланием родителей распространять информацию о фактах противоправного поведения собственных детей, обращаться в правоохранительные органы и портить репутацию ребенка, надеясь, что подросток образумится и подобных случаев больше не будет. Однако проблема подросткового насилия над родителями является именно проблемой, нуждающейся в общественном, научном и официальном признании.

Дискуссия

Несмотря на определенные различия в политической, социально-экономической, культурной и иных сфер жизни в разных государствах, следует учитывать, что имеются общие тенденции, оказывающие все большее влияние на состояние семей с детьми. Среди них новые информационно-коммуникационные технологии, на основе которых работают различные устройства (мобильные телефоны, планшеты, игровые компьютеры и приставки и т. п.), которыми широко пользуются как взрослые, так и несовершеннолетние. Если они используются детьми в образовательном процессе и в целом для развития, то данный факт может вызвать положительный отзыв. Но когда родители предлагают детям «поиграть на телефоне или компьютере», чтобы чем-то их занять на долгое время, а самим решать собственные проблемы, то ребенок приобретает зависимость от этих игр. В дальнейшем все усиливающаяся зависимость от данного способа проведения детьми времени неблагоприятно сказывается на их психике.

Наблюдая чрезмерную увлеченность и растущую привязанность детей к игровым средствам, родители начинают осознавать необдуманность своих действий и отбирают их у детей. Однако нередки случаи, когда дети добровольно уже не могут отказаться от обозначенных благ цивилизации. Это часто вызывает конфликт, в ходе которого, как правило, совершаются акты подросткового насилия. Западными авторами было отмечено, что дети и подростки воспитываются в культуре потребления. В качестве рекомендаций можно предложить родителям не идти на поводу у детей и не занимать их гаджетами, а проводить с ними больше времени.

В рамках действующего российского законодательства лица, совершившие насильственные действия физического характера, в зависимости от степени и характера общественной опасности деяний подлежат административной либо уголовной ответственности. Согласно уголовному закону 14-летний подросток будет нести ответственность за умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (ст. ст. 111, 112 УК РФ). И только с 16 лет – за причинение легкого вреда здоровью либо без такового (ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. ст. 115, 116, 116¹ УК РФ).

Если несовершеннолетний на момент совершения противоправного деяния не достиг указанного возраста, то он не подлежит привлечению к административной и уголовной ответственности. Вместе с тем совершение несовершеннолетним противоправного деяния до достижения возраста ответственности является основанием для постановки его на профилактический учет в органах внутренних дел и последующей с ним работы со стороны сотрудников полиции подразделений по делам несовершеннолетних.

Кроме того, все материалы по данным фактам направляются в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав для проведения с несовершеннолетним профилактической беседы, принятия мер воздействия к подростку.

Следует отметить, что в научной среде продолжается дискуссия о возрасте, при достижении которого лицо должно подлежать ответственности. Так, А. В. Михайлюк возвращается к событиям 2016 г., когда законодатель установил уголовную ответственность за нанесение побоев среди прочих квалифицирующих признаков и как «в отношении близких лиц»⁶, которую через непродолжительное время отменил⁷.

Автор замечает, что, «уделяя в 2016 г. столь значительное внимание уголовной ответственности родителей за нанесение побоев, законодатель «скрыл» несовершеннолетних как субъектов преступления в ст. 116 УК РФ. Не совсем ясным является также его сегодняшнее решение, согласно которому в соответствии со ст. 20 УК РФ несовершеннолетние будут нести ответственность по ст. 116 и 116¹ УК РФ лишь с 16 лет. В связи с этим вполне обоснованным выглядит вопрос: почему так, а не иначе? Ведь налицо явная общественная опасность побоев даже для 14-летнего подростка» (Михайлюк, 2020, с. 58).

Далее А. В. Михайлюк предлагает «сделать более зримым возможное присутствие несовершеннолетних в качестве субъектов преступления, предусмотренно-

го ст. 116 УК РФ. Одновременно предлагаем установить ответственность за преступные посягательства по ст. 116 и 116¹ УК РФ с 14 лет» (Михайлюк, 2020, с. 60).

На поставленный автором вопрос следует ответить, что в случае принятия законодателем его предложений возникнет необходимость рассмотреть вопрос и о снижении возраста административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, с 16 до 14 лет. Если в первом случае снижение нижней границы возраста до 14 лет, скорее всего, не вызовет нарушения концептуальных основ уголовного законодательства, являясь в большей степени частным случаем, то подобные изменения в КоАП РФ будут носить более принципиальный характер и могут вызвать бурные дискуссии. Думается, что в целом общество и государство не готовы к общему снижению возраста административной ответственности.

Определенный научный интерес вызывает степень разработанности терминологии по рассматриваемой тематике. Термины «домашнее насилие» или «семейное насилие», которые используются в российской научной среде, не получили законодательного определения. Г. В. Чеботарева справедливо отмечает, что «в отечественном праве отсутствует понятие “домашнее насилие”, а фраза “насилие в семье” фигурирует только в Федеральном законе “Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации”, но без определения сущности данного термина» (Чеботарева, 2022, с. 183).

Рассмотрев ряд предлагаемых российскими учеными определений понятия «домашнее насилие», Г. В. Чеботарева обобщает их и дает общее определение домашнего насилия: «Это все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье или в быту между бывшими или нынешними супругами или партнерами. Домашнее насилие – это модель поведения, используемая одним человеком для контроля или доминирования над другим, с которым у него есть или были интимные или семейные отношения» (Чеботарева, 2022, с. 183).

Однако для более ясного понимания феномена домашнего насилия, разработки определения этого негативного явления следует рассматривать не только проработанные учеными его структурные элементы, но и те, которые еще в Российской Федерации не получили соответствующей проработки по той причине, что не все подвиды домашних (семейных) отношений выделяются, принимаются и учитываются. Если о насилии в школах как со стороны учителей в отношении

⁶ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». <http://ivo.garant.ru/#/document/71435376/paragraph/1:1>.

⁷ Федеральный закон от 7 февраля 2017 № 8-ФЗ «О внесении изменений в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212385/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009.

учеников, так и со стороны старших школьников в отношении младших и, наоборот, учеников в отношении учителей в Российской Федерации проводились научные исследования⁸, то далеко не всеми российскими учеными воспринимается такая форма домашнего насилия, как насилие, осуществляемое детьми (подростками) над родителями (матерью), а также старшими детьми (подростками) в семье над младшими. Обе эти формы насилия в семье учеными за рубежом активно исследуются. Степень изученности проблемы насилия старших детей над младшими лишь немного ниже, чем первой формы, что прослеживалось при изучении вышеназванных зарубежных научных материалов. В качестве примера можно привести случай, когда 18-летний сын отселился от родителей, проживает отдельно, но пристрастился к наркотикам, появляется в доме родителей в наркотическом опьянении в их отсутствие и совершает акты насилия в отношении младших брата или сестры. Происходят ли такие случаи в обыденной жизни? Думается, что да.

Однако вернемся к рассматриваемому вопросу. Особенность этих форм заключается не только в субъектах-агрессорах (несовершеннолетние), но и в мотивационной составляющей как части субъективной стороны правонарушения. Наличие мотива как структурного элемента субъективной стороны состава правонарушения указывает, что лицо, совершившее акт домашнего насилия, действовало умышленно. Например, мотивом причинения побоев, как правило, называется личная неприязнь, что подтверждается судебной практикой⁹.

Изучив приговоры судов о насилии родителей над детьми, Е. И. Думанская пришла к выводу о том, что большинство побоев причиняется по мотивам личной неприязни. Автор пишет, что «традиционно истоки неприязни коренятся в социальном чувстве “я” и базируются на чувстве обиды. Причиной личной неприязни может быть неприятное воспоминание, разные взгляды на мир и т. д.» (Думанская, 2021, с. 107–108).

Следует добавить, что у подростков одним из движущих мотивов может стать желание беспрепят-

ственно и безгранично проводить время за игровыми гаджетами отстоять свое «право» на времяпрепровождение с понравившейся и ставшей необходимой технологической игрушкой, а к родителям, лишаящим их этих средств, у подростков возникает личная неприязнь. В эту гипотезу вполне вписываются и случаи, описанные на различных интернет-сайтах¹⁰.

С учетом изложенного в определенной степени может измениться и формулировка понятия «домашнее насилие», под которым следует понимать все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье между бывшими или нынешними супругами или партнерами, между детьми и родителями, между старшими и младшими детьми, основанные на мотиве личной неприязни в целях удовлетворения своих личностных потребностей в ущерб другой стороне и себе.

Стоит оговориться, что причинами семейных конфликтов между родителями и детьми являются не только факты злоупотребления подростками игровым временем с гаджетами, но и другие причины. В большинстве случаев акты семейного насилия происходят между взрослыми людьми. «Семейное насилие оказывает негативное воздействие на несовершеннолетних детей, и последствием причинения физической боли в различных формах могут стать отклонения в психическом здоровье, расстройства, которые повлекут отклонения в развитии, суицидальные проявления и склонность к противоправному поведению» (Полякова, 2019, с. 181–182).

Однако роль рассматриваемых негативных явлений как причин семейных конфликтов на современном этапе все возрастает.

Кроме того, аналогично следует скорректировать понятие семейно-бытового правонарушения. Так, представленная Е. В. Герасимовой и Д. А. Боевой авторская формулировка («семейно-бытовое правонарушение – это противоправное деяние, совершенное на почве длительно существующих неприязненных взаимоотношений между членами семьи, которое характеризуется стремлением одного из них удовлетворить

⁸ Грибанов, Е. В., Иванченко, Р. Б., Кравцова, Ю. А., Кушнарев, М. А., Польшиков, А. В., Соловьев, В. С. (2014). Школьное насилие в Воронежской области: масштабы, детерминанты, предупреждение. В *Насилие в школе: состояние, причины, предупреждение (по материалам Воронежской области): учебное пособие* (стр. 13–71). Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.

⁹ Приговор № 1-28/2022 от 14 февраля 2022 г. по делу № 1-28/2022 Шарыповского районного суда Красноярского края. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EypCY0z8SlQ4> и другие решения на сайте [sudact.ru](https://sudact.ru/practice/poboi).

¹⁰ Попавшие в Сеть. Подростки конфликтуют с родителями из-за Интернета. (2014). *Аргументы и факты*. <https://spb.aif.ru/society/people/1150933>; Вред гаджетов: почему у детей возникает компьютерная зависимость. (2017). *Вестник Психологии*. <https://psychologyjournal.ru/public/vred-gadzheto/>; Ребенок не хочет учиться, все время сидит в телефоне. Как поговорить с ним и не поссориться? (2022). *Информационный портал Мел*. <https://mel.fm/vospitaniye/eksperty/1284507-syn-vse-vremya-traitit-na-igry-i-rugayetsya-iz-za-urokov-kak-privit-emu-interes-k-uchebe>; Родители vs. Гаджеты: бой продолжается? (2016). *Отношения с ребенком*. <https://otnosheniyasrebenkom.com/bitva-s-gadzhetaми-v-rukax/>.

свои личностные потребности в ущерб другой стороне, и способное причинить физические, моральные и материальные страдания», для закрепления его в примечании к ст. 6.1.1 КоАП РФ нуждается в некоторой поправке (Герасимова, Боева, 2022, с. 285).

Вред (ущерб), как это ни странно звучит, причиняется обеим сторонам конфликта: агрессор, осуществляющий акт насилия, находится в психически раздраженном состоянии, гневе, злости, ярости, ненависти и т. п., что влияет на состояние его здоровья.

Но дело даже не в этом, а в том, что подросток движим мотивом вернуть себе возможность снова погрузиться в интернет-пространство, длительное пребывание в котором причиняет вред его психическому здоровью. Так, Всемирная организация здравоохранения рекомендует, что сидячее экранное время для детей в возрасте 3–4 года должно составлять не более 1 часа в течение дня; чем меньше, тем лучше¹¹.

Вот одна из экспертных оценок влияния современных гаджетов на развитие подростков: «У детей формируется такой паттерн мышления, что если перед тобой оказалась сложная задача и ее не хочется решать, можно просто переключиться на что-то другое. Или, например, надо сделать домашнее задание – написать эссе или сочинение, но ты пропустил последнее занятие и не знаешь, что и как надо делать, и поэтому просто находишь готовое сочинение, меняешь в нем какие-то слова, запятые – и все. Таким образом, подростки избегают ситуации, когда им тяжело и нужно преодолевать трудности. Полагаем, на этом отчасти основываются продажи современных экранных игровых устройств: они становятся все удобнее, все комфортнее, все меньше. Не нужно запоминать номера телефонов: они все записаны. Не нужно помнить пароль: телефон разблокируется по отпечатку пальца. Все это нацелено на то, чтобы человек, который пользуется данным продуктом, испытывал все меньше напряжения и раздражения от его использования, и у него формировалась все более сильная привычка, привязанность к этой технике»¹².

Очевидно, что чрезмерное пользование новыми техническими средствами наносит вред развитию подростка. Поэтому при конфликте с родителями подростками движет мотив вернуть себе эту вещь, и они осознанно причиняют вред родителям (матери) и, не задумываясь, причиняют вред и себе. Данная особенность подросткового насилия может служить вторым особым признаком этой формы домашнего (семейного) насилия.

Исходя из этого, в понятие «семейно-бытовое правонарушение», представленное Е. В. Герасимовой

и Д. А. Боевой, следует внести следующую коррективу: «Семейно-бытовое правонарушение – это противоправное деяние, совершенное на почве длительно существующих неприязненных взаимоотношений между членами семьи, которое характеризуется стремлением одного из них удовлетворить свои личностные потребности в ущерб другой стороне и (или) себе (добавлено автором), и способное причинить физические, моральные и материальные страдания».

Заключение

Проведенное исследование позволяет не только выделить подростковое насилие над родителями как отдельную форму домашнего насилия (5–13 % от общего количества семейного насилия), но определить его особые признаки:

1) субъектный признак (в случае подросткового насилия в отношении родителей преступником является ребенок, а жертвой – взрослый). По мнению Г. А. Аванесова, «агрессивной может быть только активная личность. Пассивная личность не может выполнять роль агрессора» (Аванесов, 2012, с. 91). В данном случае произошла смена статуса лица с пассивного (беззащитного ребенка) на активный (активный подросток);

2) среди мотивов, которые побуждали подростка на совершение акта насилия в отношении родителей, – не только желание причинить вред и страдания родителям, но и в определенных случаях стремление защитить свое право на владение определенными вещами. Соглашаясь с мнением А. И. Плотникова о том, что «мотив есть нормативно-ценностное отношение человека к тем или иным ситуациям, выражающее жизненную, социальную позицию человека и характеризующиеся обобщенными понятиями (корысть и т.п.)» (Плотников, 2011, с. 119), следует добавить, что он «играет ведущую роль в оценке действий и поступков, так как от них зависит, какой субъективный смысл имеет действие для данного человека» (Аванесов, 2012, с. 162).

Кроме того, признанная форма домашнего насилия и другие рассмотренные вопросы транспонируют постановку вопроса и о трактовке объекта домашнего насилия. Так, в случае причинения побоев как наиболее часто совершаемого вида административных правонарушений (ст. 6.1.1 КоАП РФ) есть мнение, что в научной традиции «понимание объекта противоправных посягательств лишь на здоровье следует признать узким, нуждающимся в расширительном толковании, так как лицо, умышленно наносящее побои, таким образом, посягает на личную неприкосновенность и челове-

¹¹ Рекомендации по физической активности, малоподвижному образу жизни и сну для детей в возрасте до 5 лет. (2019). В *Всемирная организация здравоохранения* (стр. 8). <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311664/9789241550536-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

¹² Хломов, К. (2017). Как гаджеты влияют на подростков. *ПостНаука*. <https://postnauka.ru/faq/82079>

ческое достоинство, а не только собственно на здоровье потерпевшего» (Шурухнова, Капкова, 2019, с. 322), но требует расширение границ основного объекта.

Объектом государственно-правовой защиты и других производных от нее видов защиты (уголовно-правовой, административно-правовой) следует признать права женщин и детей не только от агрессии мужчин,

но и от агрессии других лиц, в том числе подростков (старших детей), совершающих насилие в отношении родителей и младших братьев и сестер. Личная неприкосновенность и человеческое достоинство наравне с правом на здоровье являются структурными элементами основного (непосредственного) объекта семейно-бытового правонарушения.

Список литературы

- Аванесов, Г. А. (2012). *10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии*: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право.
- Волосова, Н. Ю. (2017). Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера. *Вопросы российского и международного права*, 7 (3А), 310–319.
- Герасимова, Е. В., Боева, Д. А. (2022). Правонарушения в семейно-бытовой сфере: характеристика отдельных составов и проблемы правоприменения. *Вестник Воронежского института МВД России*, 3, 281–287. EDN GHWITJ.
- Гумплович, Л. (1910). *Общее учение о государстве* (пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив. Н. Неровецкого). Санкт-Петербург: Тип. Т-ва «Обществ. польза». <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81953-gumplovich-l-obschee-uchenie-o-gosudarstve-spb-1910>
- Дашиева, Ж. Д. (2019). Насильственная преступность несовершеннолетних в криминологическом аспекте. *Новый юридический вестник*, 1 (8), 48–51.
- Думанская, Е. И. (2021). Установление мотивов как условие для выработки мер профилактики домашнего насилия. *Вестник Югорского государственного университета*, 2 (61), 106–111. <https://doi.org/10.17816/byusu202102106-111>
- Каутский, К. (1931). *Материалистическое понимание истории* (пер. с нем. Е. А. Преображенского). Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во.
- Куликов, Н. И. (1996). *Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых несовершеннолетними с проявлением жестокости*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва.
- Михайлюк, А. В. (2020). Побои в отношении близких лиц: проблемы квалификации. *Национальная Ассоциация Ученых*, 51-1(51), 57–60.
- Плотников, А. И. (2011). *Объективное и субъективное в преступлении*: монография. Москва: Проспект.
- Полякова, Н. В. (2019). Особенности применения ст. 6.1.1 КоАП РФ в отношении несовершеннолетних и с их участием. *Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия*, 1 (3), 181–186. EDN ВСIEKG.
- Реан, А. А. (ред.) (2020). *Психология девиантности. Дети. Общество. Закон*: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА.
- Чеботарева, Г. В. (2022). Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*, 8 (3), 181–191.
- Шурухнова Д. Н., Капкова М. А. (2019). К вопросу об объекте состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои». В Л. В. Павлова (ред.), *Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран*: сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Рязань, 25 апреля 2019 г., стр. 320–323). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Calvete, E., Orue, I., & Gamez-Guadix, M. (2013). Child-to-parent violence: Emotional and behavioral predictors. *Journal of Interpersonal Violence*, 28 (4), 755–772. <https://doi.org/10.1177/0886260512455869>
- Cozolino, L. (2014). *The neuroscience of human relationships: Attachment and the social brain* (2nd ed.). New York, NY: W. W. Norton & Co.
- Dahlitz, M. A. (2015). Theoretical Commentary of Parent Abuse and Intersibling Violence From Both Neurobiological and Social Perspectives. *The Neuropsychologist*, 18–27. https://www.researchgate.net/publication/275346686_A_Theoretical_Commentary_of_Parent_Abuse_and_Intersibling_Violence_From_Both_Neurobiological_and_Social_Perspectives
- Edenborough, M., Jackson, D., Mannix, J., & Wilkes, L. M. (2008). Living in the red zone: The experience of child-to-mother violence. *Child & Family Social Work*, 13 (4), 464–473. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2008.00576.x>
- Harbin, H. T., & Madden, D. J. (1979). Bettered parents: a new syndrome. *American Journal of Psychiatry*, 136 (10), 1288–1291. <https://doi.org/10.1176/ajp.136.10.1288>

- Kennair, N., & Mellor, D. (2007). Parent abuse: A review. *Child Psychiatry and Human Development*, 38, 203–219. <https://doi.org/10.1007/s10578-007-0061-x>
- Mackey, S. K. (1996). Nurturance: A neglected dimension in family therapy with adolescents. *Journal of Marital and Family Therapy*, 22 (4), 489–508. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1996.tb00223.x>.
- Moulds, L., Day, A., Mildred, H., Miller, P., & Casey, Sh. (2016). Adolescent Violence Towards Parents – The Known and Unknowns. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*, 37, 547–557. <https://doi.org/10.1002/anzf.1189>
- Moulds, L., Day, A., Mayshak, R., Mildred, H., & Miller, P. (2018). Adolescent violence towards parents —Prevalence and characteristics using Australian Police Data. *Journal of Criminology*, 52 (2), 231–249. <https://doi.org/10.1177/0004865818781206>
- Parent abuse: the abuse of parents by their teenage children* (2001). Prep by Barbara Cottrell for the Family violence prevention unit, Health Canada. Ottawa, Cop.
- Zloković, J. (2021). *Violence of minors against parents -family and social problem*. https://www.researchgate.net/publication/350514030_VIOLENCE_OF_MINORS_AGAINST_PARENTS_-FAMILY_AND_SOCIAL_PROBLEM

References

- Avanesov, G. A. (2012). *10 glav o motivaciji i motivah. Cherez prizmu nauki kriminologiji: monografiya*. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo.
- Volosova, N. Yu. (2017). Semejnoe (domashnee) nasilie kak problema mezhdisciplinarnogo haraktera. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 7 (3A), 310–319.
- Gerasimova, E. V., Boeva, D. A. (2022). Pravonarusheniya v semejno-bytovoj sfere: harakteristika otdel'nyh sostavov i problemy pravoprimeneniya. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 3, 281–287. EDN GHWITJ.
- Gumplovich, L. (1910). *Obshchee uchenie o gosudarstve* (per. so 2-go nem. izd. so vstup. ocherkom, primech. i dop. st. Iv. N. Neroveckogo). Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestv. pol'za". <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81953-gumplovich-l-obshee-uchenie-o-gosudarstve-spb-1910>
- Dashieva, Zh. D. (2019). Nasilstvennaya prestupnost' nesovershennoletnih v kriminologicheskom aspekte. *Novyy yuridicheskij vestnik*, 1 (8), 48–51.
- Dumanskaya, E. I. (2021). Ustanovlenie motivov kak uslovie dlya vyrabotki mer profilaktiki domashnego nasiliya. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (61), 106–111. <https://doi.org/10.17816/byusu202102106-111>
- Kautskij, K. (1931). *Materialisticheskoe ponimanie istorii* (per. s nem. E. A. Preobrazhenskogo). Moscow; Leningrad: Gos. soc.-ekon. izd-vo.
- Kulikov, N. I. (1996). *Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie organami vnutrennih del prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi s proyavleniem zhestokosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*. Moscow.
- Mihajlyuk, A. V. (2020). Poboji v otnoshenii blizkikh lic: problemy kvalifikacii. *Nacional'naya Associaciya Uchenyh*, 51-1(51), 57–60.
- Plotnikov, A. I. (2011). *Ob'ektivnoe i sub'ektivnoe v prestuplenii: monografiya*. Moscow: Prospekt.
- Polyakova, N. V. (2019). Osobennosti primeneniya st. 6.1.1 KoAP RF v otnoshenii nesovershennoletnih i s ih uchastiem. *Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya*, 1 (3), 181–186. EDN BCIEKG.
- Rean, A. A. (red.) (2020). *Psihologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon: monografiya*. Moscow: YUNITI-DANA.
- Chebotareva, G. V. (2022). Administrativno-pravovye aspekty protivodejstviya nasiliyu v sem'e. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. *Yuridicheskie nauki*, 8 (3), 181–191.
- Shuruhnova D. N., Kapkova M. A. (2019). K voprosu ob ob'ekte sostava administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo stat'ej 6.1.1 KoAP RF «Poboji». V L. V. Pavlova (red.), *Administrativnaya deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Ryazan', 25 aprelya 2019 g., str. 320–323). Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Calvete, E., Orue, I., & Gamez-Guadix, M. (2013). Child-to-parent violence: Emotional and behavioral predictors. *Journal of Interpersonal Violence*, 28 (4), 755–772. <https://doi.org/10.1177/0886260512455869>
- Cozolino, L. (2014). *The neuroscience of human relationships: Attachment and the social brain* (2nd ed.). New York, NY: W. W. Norton & Co.
- Dahlitz, M. A. (2015). Theoretical Commentary of Parent Abuse and Intersibling Violence From Both Neurobiological and Social Perspectives. *The Neuropsychotherapist*, 18–27. https://www.researchgate.net/publication/275346686_A_Theoretical_Commentary_of_Parent_Abuse_and_Intersibling_Violence_From_Both_Neurobiological_and_Social_Perspectives
- Edenborough, M., Jackson, D., Mannix, J., & Wilkes, L. M. (2008). Living in the red zone: The experience of child-to-mother violence. *Child & Family Social Work*, 13 (4), 464–473. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2008.00576.x>

- Harbin, H. T., & Madden, D. J. (1979). Bettered parents: a new syndrome. *American Journal of Psychiatry*, 136 (10), 1288–1291. <https://doi.org/10.1176/ajp.136.10.1288>
- Kennair, N., & Mellor, D. (2007). Parent abuse: A review. *Child Psychiatry and Human Development*, 38, 203–219. <https://doi.org/10.1007/s10578-007-0061-x>
- Mackey, S. K. (1996). Nurturance: A neglected dimension in family therapy with adolescents. *Journal of Marital and Family Therapy*, 22 (4), 489–508. <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1996.tb00223.x>
- Moulds, L., Day, A., Mildred, H., Miller, P., & Casey, Sh. (2016). Adolescent Violence Towards Parents – The Known and Unknowns. *Australian and New Zealand Journal of Family Therapy*, 37, 547–557. <https://doi.org/10.1002/anzf.1189>
- Moulds, L., Day, A., Mayshak, R., Mildred, H., & Miller, P. (2018). Adolescent violence towards parents —Prevalence and characteristics using Australian Police Data. *Journal of Criminology*, 52 (2), 231–249. <https://doi.org/10.1177/0004865818781206>
- Parent abuse: the abuse of parents by their teenage children* (2001). Prep by Barbara Cottrell for the Family violence prevention unit, Health Canada. Ottawa, Cop.
- Zloković, J. (2021). *Violence of minors against parents -family and social problem*. https://www.researchgate.net/publication/350514030_VIOLENCE_OF_MINORS_AGAINST_PARENTS_-FAMILY_AND_SOCIAL_PROBLEM

Информация об авторе:

Александр Викторович Равнюшкин – заместитель начальника кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 20.04.2023

Одобрена после рецензирования 25.05.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Aleksandr V. Ravnyushkin – Deputy Head of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted April 20, 2023

Approved after reviewing May 25, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 343.9.01

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-220-231

Тенденции развития геронтологической преступности с учетом современных вызовов и угроз

Татьяна Игоревна Вишневская

Могилевский институт МВД Республики Беларусь
(Могилев, Республика Беларусь)
Tanya-shukailo@yandex.by

ORCID: 0009-0007-6865-3576

Аннотация

Статья анонсирует важный вектор в криминологической науке посредством выделения и исследования геронтологической преступности в качестве относительно автономной криминогенной социальной воспроизводящей. Автор предлагает криминологический анализ геронтологической преступности посредством комплексного биарного подхода к ее пониманию в ракурсе семантического (критического) и традиционных подходов, выявляет основные тенденции геронтологической преступности в Республике Беларусь через призму характеристики ее уровня, динамики, структуры, что имеет большое значение для прогнозирования и предупреждения данного вида преступности.

Введение. Геронтологическая преступность, или преступность, связанная с девиантным поведением пожилых людей, в различных сферах человеческой деятельности сегодня растет в абсолютном большинстве государств, что и предопределяет актуальность ее углубленного научного криминологического исследования с целью разработки современной эффективной комплексной системы предупреждения.

Цель. Развитие теоретико-прикладных аспектов криминологической характеристики геронтологической преступности.

Методология, методы и методики исследования. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический метод научного познания, общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение и др.), а также специальные методы (исторический, логический, юридический, социологический и др.).

Результаты. Дано уточненное авторское определение геронтологической преступности, проанализированы ее основные количественные и качественные показатели, выявлены тенденции, установлены основные детерминанты, что позволяет более действенно осуществлять предупредительную деятельность.

Научная новизна. Сформулированные в исследовании выводы и предложения существенно дополняют понятийный криминологический аппарат, систематизируют и расширяют научные знания о геронтологической преступности. Принципиально новым в постановочном отношении в познании геронтологической преступности является то, что она исследуется как объект социальных отношений, которые предопределяют и мотивируют лиц пожилого возраста на совершение противоправных поступков как проявление их негативной реакции на не удовлетворяемые обществом социальные потребности.

Практическая значимость. Результаты исследования направлены на достижение и поддержание максимальной степени защищенности интересов личности, общества и государства от геронтологической преступности и могут быть использованы при совершенствовании законодательства, правоохранительной и правоприменительной деятельности различных субъектов предупреждения геронтологической преступности, что создаст условия для обеспечения конституционной законности и правопорядка.

Ключевые слова

пожилые лица, пожилой возраст, геронтологическая преступность, криминологические показатели и тенденции, детерминанты

Благодарности

Выражаю слова признательности и почтения Хомичу Владимиру Михайловичу, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь за поддержку в научных изысканиях, ориентир на научный вектор в сфере криминологии социальной системы пожилых людей.

Для цитирования: Вишневецкая, Т. И. (2023). Тенденции развития геронтологической преступности с учетом современных вызовов и угроз. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 220-231. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-220-231.

Original paper

Trends in gerontological crime in the context of contemporary challenges and threats

Tatiana I. Vishnevskaya

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
(Mogilev, Republic of Belarus)
Tanya-shukailo@yandex.by

ORCID: 0009-0007-6865-3576

Abstract

The article reveals the important vector in criminological science by highlighting and studying gerontological crime as a rather autonomous criminogenic social reproduction phenomenon. The author offers the criminological analysis of gerontological crime by means of complex binary approach to its understanding in the view of semantic (critical) and traditional approaches, reveals the main trends of gerontological crime in the Republic of Belarus with regard to its level, dynamics and structure in order to forecast and prevent this type of crime.

Introduction. Gerontological crime, or crime involving deviant behaviour of older people in various spheres of human activity, is increasing in the majority of states today. This determines the relevance of its in-depth scientific criminological research in order to develop a modern, effective and comprehensive system of prevention.

Objective. Development of the theoretical and applied aspects of criminological characteristics of gerontological crime.

Research methodology, methods and techniques. The dialectical-materialistic method of scientific cognition, general scientific methods (analysis, synthesis, comparison etc.) as well as special methods (historical, logical, legal, sociological etc.) formed the methodological basis of the research.

Results. The author's definition of gerontological crime is refined, its main quantitative and qualitative indicators are analysed, trends are revealed and the main determinants are identified, making it possible to carry out preventive activities more effectively.

Scientific novelty. The conclusions and proposals developed in the research significantly enrich the conceptual criminological apparatus, systematise and expand the scientific knowledge on gerontological crime. Fundamentally new in knowledge concerning gerontological crime is that it is examined as an object of social relations that predetermine and motivate the elderly to commit unlawful acts as a manifestation of their negative response to social needs not satisfied by the society.

Practical significance. The results of the research are aimed at achieving and maintaining a maximum degree of protection of the interests of individuals, society and the state against gerontological crime and can be used to improve legislation, law enforcement activities of the various subjects of prevention of gerontological crime, which will create conditions for ensuring constitutional legality and the rule of law.

Keywords

older persons, old age, gerontological crime, criminological indicators and trends, determinants

Acknowledgements

I express my gratitude and respect to Khomich Vladimir Mikhailovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus for his support in scientific research, a landmark in the scientific vector in the field of criminology of the social system of the elderly.

For citation: Vishnevskaya, T. I. (2023). Trends in gerontological crime in the context of contemporary challenges and threats. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 220-231. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-220-231.

Введение

Защита лиц пожилого возраста – гарантия стабильности и процветания каждого государства. Не случайно многие авторы напоминают читателям об этом в своих трудах, например, Н. Ю. Василенко пишет, что старик является хранителем законов, традиций, истории¹. История человеческой цивилизации демонстрирует необходимость использования опыта, мудрости и позитивно-активного поведения пожилых людей в целях гармоничного общественного и государственного устройства. Между тем в настоящее время в Республике Беларусь наблюдается рост удельного веса пожилых лиц, активно продуцирующих криминальные конфликты, и увеличение количества пожилых лиц, пострадавших от противоправных деяний.

Сегодня геронтологическая преступность выступает в качестве сложного социального явления, которое хотя и зародилось в глубокой древности, но приобрело новую социальную реальность, правильная криминологическая идентификация которого предполагает научную дискуссию. Антисоциальное поведение пожилых людей и их социальная уязвимость обусловлены рядом деструктивных социальных, экономических, организационно-правовых и иных детерминант. Особое негативное влияние на криминогенность и виктимность пожилых людей оказывает демографический кризис, который проявляется в усилении процесса старения населения при одновременном сокращении рождаемости.

В отчете Организации Объединенных Наций о мировых демографических перспективах отмечается, что количество людей в возрасте 65 лет и старше увеличивается наиболее активно по сравнению с другими возрастными категориями: в 1950 г. люди пожилого возраста составляли 5 % от населения мира, в 2019 г. – 9 %, а к 2050 г. их количество увеличится до 16 %². Согласно прогнозам экспертов, пожилых людей к концу столетия будет 23 % от населения всей планеты, или 2,5 миллиарда человек в возрасте 65 лет и старше (Leeson, 2018, p. 145). По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в стране по состоянию на 2022 г. проживали 9 255 524 человека, среди которых почти 1 500 000, или 16 % – лица пожилого возраста³. К 2030 г., согласно демографическому прогнозу, количество пожилых людей в Республике Беларусь будет составлять 21 %⁴.

В Российской Федерации также наблюдается тенденция ежегодного прироста количества людей в возрасте 65 лет и старше в структуре всего населения: 1989 г. – 10 %, 2021 г. – 16 %⁵.

Предполагаем, что в условиях прогнозируемого роста количества пожилых людей их социально-мотивационная тональность деструктивного поведения может изменяться в нежелательном для общества и государства направлении (Blowers, 2015, p. 2–3). Развитие криминологического знания в заявленной тематике может сдерживать на социально допустимом уровне современные криминальные вызовы и обеспечить формирование мер по предупреждению геронтологической преступности. В настоящее время практика остро нуждается в рекомендациях по повышению эффективности профилактической работы с пожилыми лицами, склонными к криминогенному и виктимному поведению, по формированию действенного криминологического законодательства, отвечающего современным реалиям, международным нормам и стандартам, адаптированного к государственной политике по противодействию преступности.

Обзор литературы

В объем реферативной базы включены положения актов законодательства, научные труды, судебная практика по вопросам, связанным с геронтологической преступностью. Из крупных российских исследований, посвященных геронтологической преступности, опубликованных за последние годы, следует выделить работы Ю. М. Антоняна, Т. Н. Волковой, О. В. Барсуковой, А. А. Байбарина, П. В. Разумова, Т. В. Темаева. Вместе с тем научно-исследовательские работы указанных ученых не отвечают потребностям нынешней правоприменительной практики, в них остаются неизученными современные показатели геронтологической преступности; выводы о детерминантах и личности пожилых лиц, склонных к криминальному, виктимному поведению, носят фрагментарный характер; положения о предупредительных мерах требуют совершенствования. В Республике Беларусь научные труды по заявленной тематике практически отсутствуют, за исключением изысканий автора.

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения ряда источников информации: данных статистических отчетов Информационного центра Министерства внутренних дел Республики Беларусь о лицах, совершивших преступления, и о лицах, пострадавших в результате совершения в отношении них преступлений; данных информационно-аналитических материалов Департамента исполнения наказаний Ми-

¹ Василенко, Н. Ю. (2003). *Социальная геронтология: учебное пособие* (стр. 33). Издательство Дальневосточного университета.

² *World Population Prospects* (2019). United Nations. URL: <https://population.un.org/wpp>

³ *Статистический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник* (2022) (стр. 49). Белстат.

⁴ *О Государственной программе «Социальная защита» на 2021–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2020 г. № 748*. (2020). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

⁵ *Демографический ежегодник России: статистический сборник* (2021). (стр. 20–21). Росстат.

нистерства внутренних дел Республики Беларусь о численности, движении и составе осужденных; данных Национального статистического комитета Республики Беларусь о половозрастном составе населения; данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации о половозрастном составе населения; данных аналитических документов органов государственной власти, публикаций в средствах массовой информации о геронтологической преступности; материалов уголовных дел о преступлениях, совершенных пожилыми лицами, и о преступлениях, совершенных в отношении пожилых лиц; данных результатов опроса пожилых лиц, осужденных к лишению свободы, находящихся в исправительных учреждениях Республики Беларусь; данных результатов опроса сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь.

”

Детерминанты геронтологической преступности связаны главным образом с антагонизмами социальной жизни и деятельности, экономической нестабильностью и утратой почтенно-достойного места пожилых людей в условиях существующего социального пространства.

“

Методология, методы и материалы исследования

Методологической основой исследования является системный подход, основывающийся на диалектико-материалистическом методе, применяемый в сочетании с общенаучными и специальными методами научного познания. Диалектико-материалистический метод познания, характеризующийся признанием в качестве определяющего фактора общественной жизни материальных отношений, рассмотрением всех объективных явлений как находящихся в постоянном развитии, лежит в основе изучения сущности геронтологической преступности. Из ряда общенаучных методов широко применялись анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, индукция, дедукция, моделирование и др. Среди специальных методов познания чаще всего использовались следующие: исторический и логический методы (для формирования представления об общем направ-

лении развития теоретико-правовых взглядов на проблему геронтологической преступности); юридические методы: сравнительно-правовой и метод толкования правовых норм (в том числе для изучения законодательства и правоприменительной практики в сфере исследуемых общественных отношений); социологические методы (для получения социально-правовой информации): опрос (анкетирование сотрудников правоохранительных органов, осужденных пожилой возрастной категории), документальный метод (изучение материалов уголовных дел и др.), метод экспертных оценок (в качестве специалистов были опрошены сотрудники органов внутренних дел, непосредственно контактирующие с пожилыми гражданами в своей служебной деятельности); статистические методы (данные уголовной статистики позволили обобщить количественные и качественные показатели геронтологической преступности, выявить ее тенденции, детерминанты); математические методы (позволили осуществить расчет показателей геронтологической преступности) и др.

Результаты исследования

Для проведения научных исследований считаем оправданным выработку единых международных подходов относительно возрастных критериев, связанных с началом старости. По нашему мнению, наиболее целесообразно исходить из предложенного Организацией Объединенных Наций понимания начала старости – 65 лет. Соответственно, акты национального законодательства, статистические издания и отчеты Республики Беларусь, Российской Федерации и других стран следует привести в соответствие с нормами международного права, закрепив границы пожилого возраста в рамках от 65 лет и старше, что будет способствовать развитию юридической науки.

Геронтологическую преступность следует понимать, исходя из бинарного подхода (семантического, или критического, традиционного), и исследовать ее сущностно-содержательные аспекты в ракурсе одновременно познания криминального и виктимного аспектов.

Основные тенденции геронтологической преступности в Республике Беларусь: устойчивый рост криминальной активности пожилых лиц; волнообразный характер виктимности пожилых лиц с направленностью к росту в течение последних лет; преобладание в структуре геронтологической преступности преступлений против собственности, преступлений против жизни и здоровья.

Детерминанты геронтологической преступности связаны главным образом с антагонизмами социальной жизни и деятельности, экономической нестабильностью и утратой почтенно-достойного места пожилых людей в условиях существующего социального пространства.

Обсуждение результатов исследования

Пожилой возраст как классификационный признак занимает важное место в криминологической доктрине, является отличительной чертой геронтологической преступности (Blowers & Doerner, 2015; Lachs, Bachman, Williams, Kossack, Bove, & O’Leary, 2004; Policastro, Gainey, & Payne, 2015; Snyder, 2014; Антонян, Волкова, 2005; Андрушко, 2010; Барсукова, 2003; Байбарин, 2009; Касимов, 2018; Разумов, 2005; Темаев, 2005). Отметим, что вопрос определения границ пожилого возраста рассматривается криминологами, медиками, политологами, экономистами и специалистами других наук. Неоднозначность и сложность в определении начала старости человека состоит в том, что процесс старения весьма индивидуален, зависит от генетики, экологии, поведения человека и поэтому не имеет универсальной границы. В настоящее время в каждой стране подход к определению возраста пожилых лиц решается по-разному. Чаще всего начало старости колеблется в пределах 55–67 лет и зависит от установленного пенсионного возраста, дифференциации пола. Однако для криминологической науки решающую роль играет не сам по себе пожилой возраст как хронологический количественный показатель. Ведущее значение имеет качественная характеристика пожилого возраста, определяющая социальный конструкт причинного комплекса девиантного поведения. Инволюционные физиологические и психологические изменения организма пожилого человека лишь в преломлении через призму деструктивных факторов социальной системы, социальных конфликтов и противоречий определяют преступное и виктимное поведение. С этой позиции четкая хронологическая граница абсолютно непринципиальна. Однако для проведения криминологического исследования, выявления ведущих тенденций геронтологической преступности необходимо провести сбор и анализ эмпирического материала, расчет криминологических показателей, что представляется возможным только при установлении конкретного цифрового значения пожилого возраста. Обратим внимание, что по классификации, утвержденной Всемирной организацией здравоохранения, к представителям пожилой возрастной группы относятся лица старше 60 лет⁶. В недавно принятых правовых актах Республики Беларусь закреплены нормы, определяющие пожилых граждан как

лиц в возрасте 65 лет и старше⁷. В законодательстве Российской Федерации указано, что гражданином пожилого возраста является мужчина старше 60 лет, женщина старше 55 лет⁸. Считаем рациональным выработку общего международного подхода понимания пожилого возраста, что будет способствовать более быстрому и продуктивному проведению геронтологических исследований, позволит проводить сравнительный анализ в ракурсе различных стран мира, рассчитать верификации результатов. В данном контексте согласимся со специалистами Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения, которые предлагают прийти к единому международному пониманию начала старости – 65 лет⁹.

Кроме того, в нормативных правовых актах Республики Беларусь и Российской Федерации при дифференциации возраста старости используются такие разноплановые определения, как «старость», «престарелое лицо», «пенсионный возраст», что вызывает смешение понятий, связанных с возрастными границами. Предлагаем унифицировать понятийный аппарат национального законодательства – ввести единый термин «пожилые лица», что будет способствовать имплементации норм международного права, единому уяснению содержания термина «пожилое лицо», создаст дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, которые в силу своих психофизиологических особенностей нуждаются в особом отношении.

Понятие «геронтологическая преступность» производно от греческого слова *gerontos* – «старый» и буквально означает преступность, связанную со старостью. Исследуя геронтологическую преступность, мы исходим из необходимости комплексного одновременного изучения преступлений, совершаемых пожилыми лицами, и преступлений, совершаемых в отношении пожилых лиц, поскольку виктимология является одной из важнейших отраслей криминологии, названные общественно опасные явления имеют сходные детерминанты и взаимосвязанные меры предупреждения. Следовательно, под геронтологической преступностью мы понимаем патологию социальной системы, проявляющуюся в деструктивных противоречиях, конфликтных взаимодействиях пожилых людей друг с другом и обществом, выражающуюся в воспроизводстве определенной суммы преступных деяний, со-

⁶ *Половозрастная классификация*. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 05.05.2023).

⁷ *Национальная стратегия «Активное долголетие – 2030», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2020 г. № 693*. (2020). Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 05.05.2023).

⁸ *Приказ Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532 «ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения»*. КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru>.

⁹ *Демографические изменения*. Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (дата обращения: 07.05.2023).

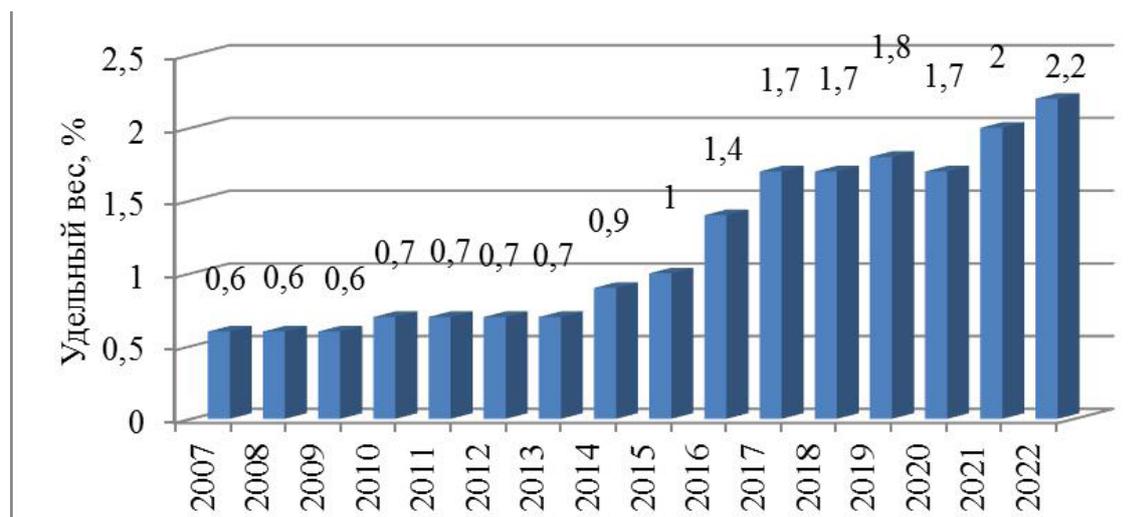

Рис. 1. Удельный вес пожилых лиц в общем числе лиц, совершивших преступления, в Республике Беларусь (2007–2022 гг.)

Fig. 1. Proportion of older persons in the total number of persons having committed crimes in the Republic of Belarus (2007-2022)

вершенных пожилыми лицами, а также преступных деяний, совершенных в отношении пожилых лиц. Предложенное определение геронтологической преступности обладает существенной новизной, так как, во-первых, исходит из семантического (критического) подхода к пониманию преступности как свойства социальной системы (Шестаков, 2005; Хомич, 2007), что открывает новые возможности при криминологической характеристике геронтологической преступности в аспекте познания социальной обусловленности преступности пожилых людей, а равно социально образующих особенностей преступности в отношении пожилых людей, и, во-вторых, включает доминирующее в отечественной криминологии традиционное понимание преступности как совокупности преступлений (Долгова, 2003; Кудрявцев, Эминов, 2006), что позволяет осуществить углубленный анализ уголовно-статистических сведений о преступности исследуемого вида, оценить ее показатели с помощью средств математического аппарата.

Комплексный анализ геронтологической преступности позволяет выйти на социально-системный уровень ее криминологической характеристики. В этой связи охарактеризуем основные криминологические показатели геронтологической преступности (уровень, динамику, структуру) на примере Республики Беларусь. Данные показатели рассчитаны по устоявшимся в криминологии формулам (Лунеев, 2007)¹⁰. Чтобы избежать объемных сложных вычислений показателей, в данном исследовании мы приведем установленные нами конечные результаты расчетов.

Уровень преступности является одним из важнейших показателей, позволяющих оценить распространенность преступности через сопоставление данных о количестве совершенных преступлений (лиц, их совершивших) с показателями численности населения. Для анализа уровня геронтологической преступности нами рассчитан коэффициент преступной активности пожилых лиц из расчета на 100 000 населения в Республике Беларусь, который в 2007 г. был равен 5, в 2010 г. – 5, 2015 г. – 6, в 2021 г. – 9.

О криминальной активности пожилых людей свидетельствует и специальный коэффициент преступной активности пожилых лиц, который определяется как отношение числа пожилых лиц, совершивших преступления, к общему количеству населения в возрасте 65 лет и старше. Так, специальный коэффициент в Республике Беларусь в 2007 г. был равен 33, в 2010 г. – 34, 2015 г. – 41, в 2021 г. – 57.

Необходимо обратить внимание, что одним из показателей, характеризующих геронтологическую преступность, выступает удельный вес пожилых лиц, совершивших преступления, в общем количестве преступников всех возрастных групп. При оценке этого показателя следует учитывать, что и количество пожилых людей в обществе меньше по сравнению с другими возрастными группами. Как видно на рисунке 1, удельный вес пожилых лиц, совершивших преступления, в общем количестве лиц, совершивших преступления, с 2007 г. увеличился на 1,6 %.

О росте криминальной активности среди лиц старших возрастных групп свидетельствуют и данные Де-

¹⁰ Ананич, В. А., Аникеева, Н. А. (2017). *Анализ и прогнозирование преступности: методические рекомендации*. Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

партамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел Республики Беларусь. В информационно-аналитических материалах указанного Департамента содержится информация о криминологической характеристике осужденных к лишению свободы в возрасте 60 лет и старше. Так, в 2016 г. удельный вес таких лиц составил 2,3 % от общего количества осужденных всех возрастных групп, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в 2017 г. – 3,0 %, 2018 г. – 3,3 %, в 2019 г. – 3,6 %, 2020 г. – 4,0 %, 2021 г. – 5,3 %.

Следующий показатель, характеризующий состояние геронтологической преступности и отражающий ее изменение во времени, – динамика. В соответствии с базисным методом (база – 2007 г.), абсолютный рост количества лиц в возрасте 65 лет и старше, совершивших преступления, в 2021 г., по отношению к 2007 г. составил 382; темп роста численности лиц в возрасте 65 лет и старше, совершивших преступления, в 2021 г. по отношению к 2007 г. составил 183 %; темп прироста количества преступников в возрасте 65 лет и старше в 2021 г. по отношению к 2007 г. составил 83 %. Анализ приведенных выше данных позволяет сделать вывод об устойчивой тенденции роста криминальной активности пожилых лиц.

Важным показателем преступности является ее структура, отражающая в общем объеме преступности соотношение различных видов, групп преступлений и преступников. Рис. 2 демонстрирует удельный вес наиболее распространенных групп преступлений (по главам Уголовного кодекса Республики Беларусь), совершенных пожилыми лицами в Республике Беларусь за 2021 г.

Статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь за 2007–2021 гг. показывают, что наибольшую часть в структуре преступности пожилых лиц составляют преступления против собственности (около 28 %). Исследование криминальной активности пожилых людей в сфере совершения различного рода хищений позволило установить наиболее распространенные из них. Большинство пожилых лиц совершают кражи: в 2007 г. – 15,7 %, 2008 г. – 15,8 %, 2009 г. – 17,0 %, 2010 г. – 18,2 %, 2011 г. – 20,0 %, 2012 г. – 21,8 %, 2013 г. – 15,3 %, 2014 г. – 18,8 %, 2015 г. – 21,4 %, 2016 г. – 24,2 %, 2017 г. – 25,1 %, 2018 г. – 28,3 %, 2019 г. – 29,7 %, 2020 г. – 28,8 %, в 2021 г. – 27,0 %.

Следует отметить, что существенно изменились данные о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации. Так, если ранее имелись единичные факты осуждения за совершение данно-

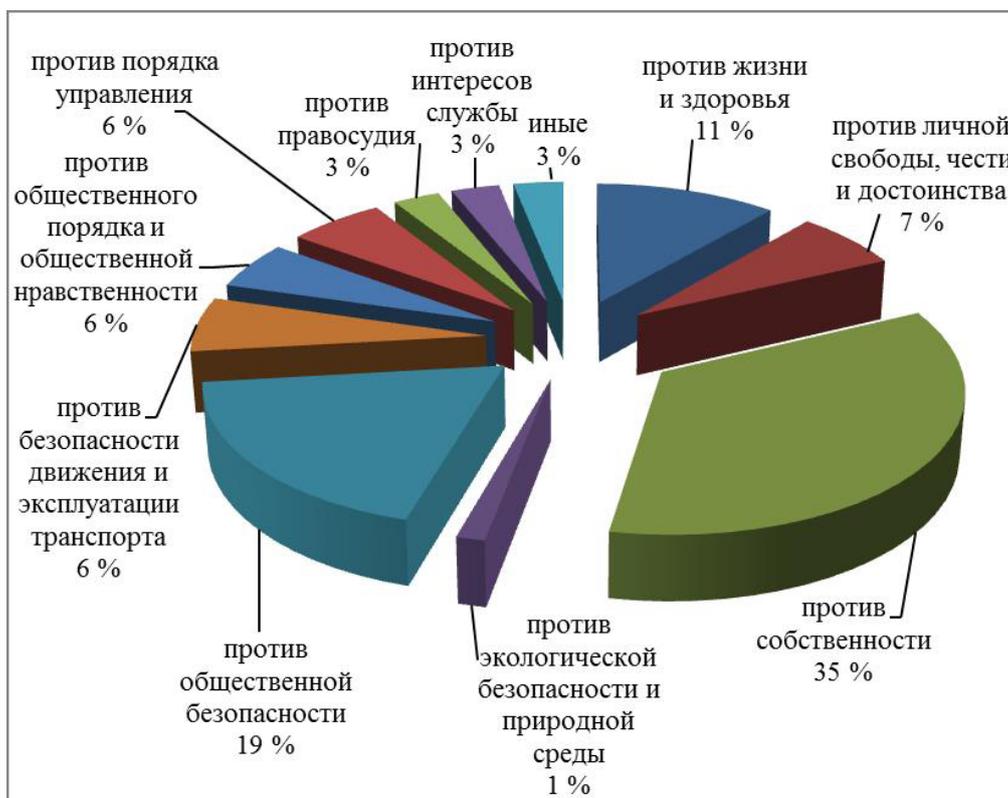

Рис. 2. Структура преступлений, совершенных пожилыми лицами в Республике Беларусь (2021 г.)

Fig. 2. Structure of crimes committed by older persons in the Republic of Belarus (2021)

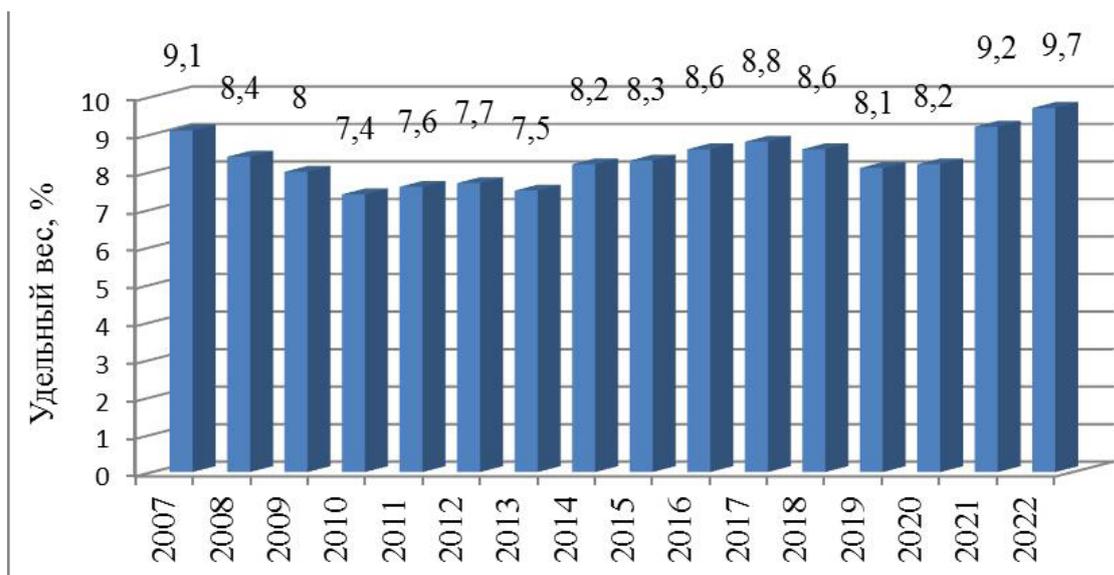

Рис. 3. Удельный вес пожилых лиц в общем числе лиц, пострадавших от преступлений, в Республике Беларусь (2007–2022 гг.)

Fig. 3. Proportion of older persons in the total number of victims of crime in the Republic of Belarus (2007-2022)

го преступления, то с развитием современных технологий наблюдается рост количества пожилых лиц, осужденных по соответствующей статье Уголовного кодекса Республики Беларусь (2007 г. – 0, 2008 г. – 0, 2009 г. – 0, 2010 г. – 0,2 %, 2011 г. – 0, 2012 г. – 0, 2013 г. – 0,3 %, 2014 г. – 0,2 %, 2015 г. – 0,7 %, 2016 г. – 0,8 %, 2017 г. – 0,2 %, 2018 г. – 0,8 %, 2019 г. – 3,0 %, 2020 г. – 5,8 %, 2021 г. – 3,7 %).

Типичным признаком преступности пожилых лиц является высокий удельный вес насильственных преступлений. Так, доля пожилых лиц, совершающих преступления насильственной направленности, в 2007–2021 гг. составила около 17 %. К наиболее часто совершаемым пожилыми лицами насильственным преступлениям относятся убийства, которые за исследуемый период составили около 3 %, умышленные причинения тяжких телесных повреждений – около 5 %, умышленные причинения легких телесных повреждений – около 4 %, истязания – около 1 %. Наблюдается тенденция роста совершения хулиганств: 2007 г. – 5,0 %, 2008 г. – 3,2 %, 2009 г. – 2,2 %, 2010 г. – 1,1 %, 2011 г. – 0,7 %, 2012 г. – 0,3 %, 2013 г. – 1,4 %, 2014 г. – 2,3 %, 2015 г. – 2,5 %, 2016 г. – 2,7 %, 2017 г. – 2,9 %, 2018 г. – 2,4 %, 2019 г. – 3,5 %, 2020 г. – 3,3 %, 2021 г. – 4,5 %.

Большой удельный вес в структуре геронтологической преступности составляют пожилые лица, совершающие преступления против общественной безопасности, – около 17 %. В основном это лица, совершившие преступления, связанные с незаконным хранением без специального разрешения огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (2007 г. – 3,3 %, 2008 г. – 4,5 %, 2009 г. – 15,8 %, 2010 г. –

27,1 %, 2011 г. – 25,2 %, 2012 г. – 23,2 %, 2013 г. – 18,3 %, 2014 г. – 16,7 %, 2015 г. – 16,7 %, 2016 г. – 16,3 %, 2017 г. – 14,9 %, 2018 г. – 16,7 %, 2019 г. – 15,1 %, 2020 г. – 17,8 %, 2021 г. – 17,6 %). Между тем уголовные дела данной категории возбуждаются по факту совершения противоправного деяния, однако впоследствии производства по ним прекращаются ввиду смерти виновных лиц.

Учитывая выявленные характеристики преступности пожилых лиц, необходимо определить также особенности преступности в отношении последних. Проведенное исследование позволило рассчитать коэффициент виктимности пожилых лиц в структуре всего населения: в 2007 г. – 138, 2010 г. – 77, 2015 г. – 60, 2021 г. – 67. В 2007 г. специальный коэффициент виктимности среди населения пожилого возраста был равен 967, в 2010 г. – 547, 2015 г. – 420, 2021 г. – 425.

Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в общей численности всех потерпевших от преступлений количество лиц в возрасте 65 лет и старше ежегодно остается достаточно высоким. Данные на рис. 3 отражают частично и тенденцию к снижению, и тенденцию к росту количества пожилых лиц, пострадавших от преступлений, среди потерпевших всех возрастов в течение исследуемого периода. Удельный вес пожилых лиц, пострадавших от преступлений, в общем количестве потерпевших от преступлений всех возрастных групп с 2007 г. по отношению к 2022 г. увеличился на 0,6 %.

Анализ динамики, в соответствии с базисным методом (база – 2007 г.), в 2021 г. по отношению к 2007 г. в Республике Беларусь показывает абсолютное снижение количества лиц в возрасте 65 лет и старше, по-

страдавших от преступлений, на 6 919; темп снижения числа потерпевших в возрасте 65 лет и старше в 2021 г. по отношению к 2007 г. составил 47 %; темп снижения потерпевших в возрасте 65 лет и старше в 2021 г. по отношению к 2007 г. составил – 53 %. Целесообразно сделать вывод об устойчивой тенденции к снижению виктимизации пожилых лиц с 2007 г., однако и численность всех пострадавших от преступлений за этот период уменьшилась в два раза. В рамках исследуемого вопроса представляется необходимым рассмотреть структуру преступлений, которые совершаются в отношении пожилых лиц. Рис. 4 демонстрирует удельный вес наиболее распространенных групп преступлений (по главам Уголовного кодекса Республики Беларусь), совершенных в отношении пожилых лиц, в Республике Беларусь за 2021 г.

В период 2007–2021 гг. по долевым показателям количества пожилых лиц, пострадавших от преступлений, на первом месте находятся жертвы преступлений против собственности (около 87 %). Наиболее часто совершаемым преступлением является кража: в 2007 г. удельный вес пострадавших составил 77,4 % от всех потерпевших пожилых лиц, в 2008 г. – 76,6 %, 2009 г. – 78,5 %, 2010 г. – 80,4 %, 2011 г. – 80 %, 2012 г. – 79,7 %, 2013 г. – 75,9 %, 2014 г. – 74,3 %, 2015 г. – 73,5 %, 2016 г. – 73 %, 2017 г. – 73,2 %, 2018 г. – 70,5 %, 2019 г. –

65,9 %, 2020 г. – 55,6 %, в 2021 г. – 54,6 %. Среди других преступлений против собственности за исследуемый период в отношении пожилых лиц также совершались мошенничества (около 3 %) и грабежи (около 4 %).

В условиях развития современных технологий наблюдается значительный рост количества пожилых лиц, пострадавших от хищений имущества путем модификации компьютерной информации: в 2007 г. – 0,1 %, 2008 г. – 0,2 %, 2009 г. – 0,5 %, 2010 г. – 0,7 %, 2011 г. – 0,9 %, 2012 г. – 1,1 %, 2013 г. – 1,5 %, 2014 г. – 1,5 %, 2015 г. – 1,9 %, 2016 г. – 2 %, 2017 г. – 2 %, 2018 г. – 2,9 %, 2019 г. – 7,8 %, 2020 г. – 24,7 %, в 2021 г. – 23,6 %. Как правило, данные преступления представляют собой незаконные действия с использованием бесконтактных банковских платежных карт. В 90 % случаев преступники привлекаются по ч. 2 ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь, т. е. за хищение имущества путем модификации компьютерной информации, совершенное повторно либо группой. Отметим, что в сфере информационных технологий в последние годы также наблюдается рост преступлений в отношении пожилых людей, связанных с несанкционированным доступом к их компьютерной информации.

В контексте изучения криминологической характеристики виктимологического аспекта геронтологической преступности представляет интерес анализ

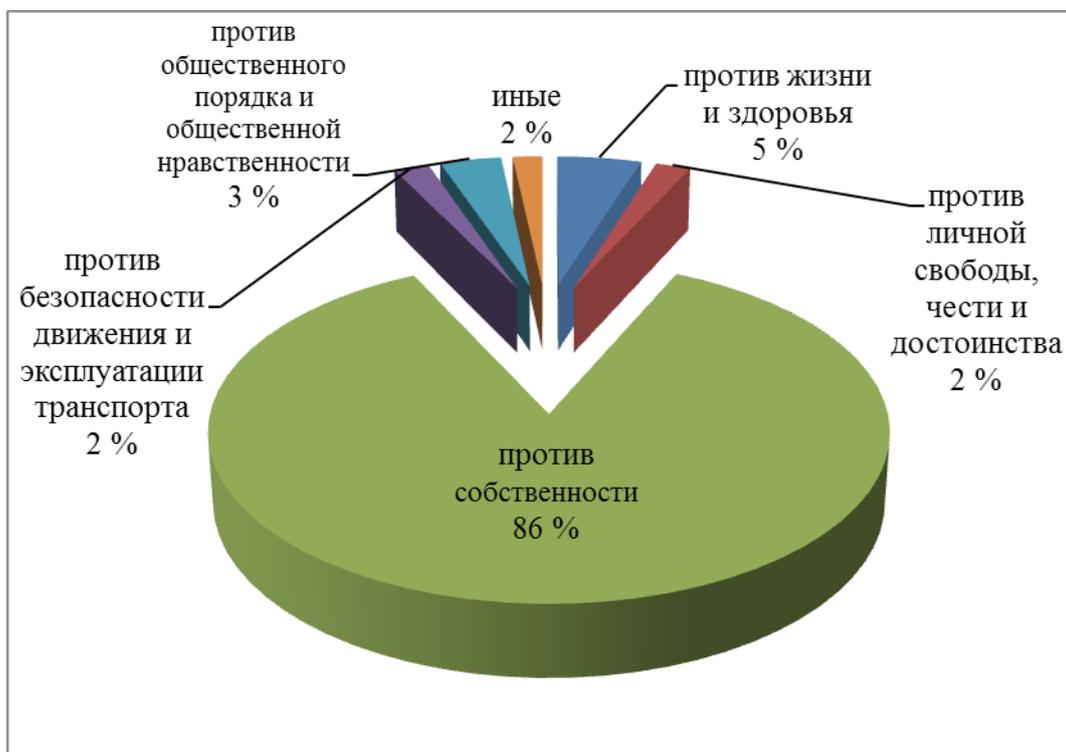

Рис. 4. Структура преступлений, совершенных в отношении пожилых лиц, в Республике Беларусь (2021 г.)

Fig. 4. The structure of crimes committed against the elderly in the Republic of Belarus (2021)

структуры насильственной преступности в отношении пожилых людей (около 6 %). В структуре насильственных преступлений, совершаемых в отношении пожилых лиц, самым распространенным деянием является хулиганство (около 3 %), далее – умышленное причинение легкого телесного повреждения (около 0,9 %), истязание (около 0,8 %), убийство (около 0,8 %), умышленное причинение тяжких телесных повреждений (около 0,7 %). Отметим, что в 2007–2021 гг. наблюдалась отрицательная тенденция роста числа пожилых потерпевших от хулиганств и истязаний.

Тенденции геронтологической преступности, которые в той или иной мере отражаются на уровне, динамике и структуре преступности, необходимы для уяснения ее детерминант. Придерживаясь интеракционистского подхода к осмыслению причинности преступности, полагаем, что геронтологическая преступность причинно связана с личностью пожилого возраста и обществом, со всеми сферами деятельности, с их многочисленными противоречиями. На основе анализа эмпирических данных нами выделены основные комплексы причин и условий. Выявленные детерминанты, одновременно воздействуя и преломляясь через сознание личности, влияют как на преступное поведение пожилых лиц, так и на их виктимное поведение:

- демографический комплекс, связанный с негативными последствиями регрессивной возрастной структуры населения;
- экономический комплекс, заключающийся в снижении качества жизни и финансового благополучия пожилых людей;
- социальный комплекс, проявляющийся в конфликтогенности взаимодействия поколений, неудовлетворенности социально-статусных потребностей пожилых людей на исходе жизни;
- нравственно-психологический комплекс, выражающийся в девальвации моральных ценностей и нравственных императивов, потере авторитета опыта пожилых людей в обществе;
- организационно-правовой комплекс, проявляющийся в малоэффективности деятельности государственных органов по обеспечению мер предупреждения, несовершенстве действующего законодательства и правоприменительной практики.

Как видно, специфика детерминации геронтологической преступности многогранна. Вместе с этим именно социальный комплекс детерминант мы считаем определяющим. Аномия социальной среды, в пределах которой существуют пожилые лица, влияет на их дезорганизованность, дезадаптивность и девиантность. Современная социальная система характеризуется социальным отчуждением, эгоистической самоидентификацией ее членов, изменением в социальном мировоззрении – молодое поколение воспринимается как прогрессивное, пожилые люди – как бесперспек-

тивные. Требуется внимания проблематика сложившейся стигматизации пожилых людей как инфантильных и бесполезных, в результате чего общество налагает на представителей геронтогруппы социальные запреты и ограничения, ожидания отсутствия позитивно оцениваемых возможностей и качеств, что порождает обесценивание авторитета пожилых людей и воспроизводство с их стороны модели ограниченного человека. Влиянию микросреды, непосредственно контактирующей с пожилыми лицами, принадлежит особая роль. Семейное неблагополучие, проявляющееся в нарушении эмоциональных коммуникаций, геронтологическом насилии, безразличном, потребительском отношении со стороны родных, обуславливает возникновение физических, психологических, материальных и иных осложнений у пожилых людей. Изложенное свидетельствует, что снижение социального статуса и качества жизни пожилых людей в условиях конфликтогенности и разобщенности существующего общества, аккумулируют такое негативное явление, как геронтологическая преступность.

Выводы

В современных условиях всестороннее криминологическое исследование геронтологической преступности имеет большое предупредительное значение, поскольку позволяет не только объяснять различные явления преступности, связанные с возрастными изменениями человека, но и совершенствовать меры по ее общесоциальному и специально-криминологическому предупреждению.

Основные проявления и тенденции геронтологической преступности в Республике Беларусь: устойчивый рост коэффициента преступной активности пожилых лиц среди групп населения всех возрастов и рост специального коэффициента преступной активности пожилых лиц среди групп населения в возрасте 65 лет и старше; устойчивое увеличение удельного веса пожилых лиц, совершивших преступления, в общем количестве лиц, совершивших преступления (с базисного периода 2007 г. по 2022 г. + 1,6 %); устойчивый рост удельного веса лиц старших возрастных групп, отбывающих наказание в виде лишения свободы (с базисного периода 2016 г. по 2021 г. + 3 %); темп прироста количества преступников в возрасте 65 лет и старше в 2021 г. по отношению к 2007 г. составил 83 %; волнообразное изменение коэффициента виктимности и специального коэффициента виктимности пожилых лиц с тенденциями и снижения, и роста; увеличение удельного веса пожилых лиц, пострадавших от преступлений, в общем количестве потерпевших от преступлений всех возрастных групп (с 2007 г. по отношению к 2022 г. на 0,6 %); темп снижения пострадавших в возрасте 65 лет и старше (в 2021 г. по отношению к 2007 г. составил 53 %); устоявшаяся структура геронтологической

преступности в виде совершения деяний против собственности (включая хищения имущества путем модификации компьютерной информации), жизни и здоровья граждан.

Установленные уровень, структура, динамика и другие показатели геронтологической преступности характеризуют ее основные тенденции в Республике Беларусь, однако осмысление ее сущности представляется возможным только через призму углубленного криминологического анализа социокриминогенного причинного комплекса, присущего современной социальной системе.

Результаты исследования об основных тенденциях и детерминантах геронтологической преступности в Республике Беларусь социально функциональны и могут быть использованы в качестве основы для разработки криминологических прогнозов и планов, предложений по предупреждению преступности указанного вида, что в конечном итоге позволит снизить степень криминогенности и виктимности лиц пожилого возраста. Мыслится, что уважительное отношение к пожилым людям в обществе при обеспечении достойного качества жизни определяет их безопасное и созидательное поведение.

Список литературы

- Антонян, Ю. М., Волкова, Т. Н. (2005). *Преступность стариков*. Монография, 2-е изд., испр. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
- Байбарин, А. А. (2009a). Пожилой возраст потерпевшего от преступления. *Научные труды Российской академии юридических наук*, 9 (3), 385–389.
- Байбарин, А. А. (2009b). *Уголовно-правовая дифференциация возраста*: монография. Москва: Высшая школа.
- Барсукова, О. В. (2003). *Старческая преступность и преступления против лиц пожилого возраста: криминологические и уголовно-правовые проблемы*: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток.
- Долгова, А. И. (2003). *Преступность, ее организованность и криминальное общество*. Москва: Российская криминологическая ассоциация.
- Касимов, В. О. (2018). *Возраст преступника как криминологическая проблема*: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов.
- Кудрявцев, В. Н., Эминов, В. Е. (2006). *Причины преступности в России. Криминологический анализ*. Москва: Норма.
- Лунеев, В. В. (2007). *Юридическая статистика*. Москва: Юристъ.
- Разумов, П. В. (2005). *Криминологическая характеристика геронтологической преступности и меры ее предупреждения*: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь.
- Темаев, Т. В. (2005). *Социальный контекст геронтологической преступности*: дис. ... канд. социол. наук. Саратов.
- Шестаков, Д. А. (2005). Школа преступных подсистем: (парадигма, отрасли, влияние вовне). *Российский криминологический взгляд*, 1, 45–53.
- Хомич, В. М. (2007). Криминологическое (критическое) понимание преступности – методологическая основа криминологии правообразования. *Законность и правопорядок*, 4, 21–27.
- Blowers, A. N. (2015). Elders and the criminal justice system. *Journal of Crime and Justice*, 38 (1), 1–8. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2014.931509>
- Blowers, A. N., & Doerner, J. K. (2015). Sentencing outcomes of the older prison population: an exploration of the age leniency argument. *Journal of Crime and Justice*, 38 (1), 58–76. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2013.822161>
- Lachs, M., Bachman, R., Williams, C., Kossack, A., Bove, C., & O'Leary, J. (2004). Older Adults as Crime Victims, Perpetrators, Witnesses, and Complainants: A Population-Based Study of Police Interactions. *Journal of Elder Abuse and Neglect*, 16 (4), 25–40. https://doi.org/10.1300/J084v16n04_02
- Leeson, G. W. (2018). Global demographic change and grandparenthood. *Contemporary Social Science*, 13 (2), 145–158. <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1433316>
- Policastro, C., Gainey, R., & Payne, B. K. (2015). Conceptualizing crimes against older persons: elder abuse, domestic violence, white-collar offending, or just regular old crime. *Journal of Crime and Justice*, 38 (1), 27–41. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2013.767533>
- Snyder, D. R. (2014). *Elder Crimes, Elder Justice*. Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning.

References

- Antonyan, Yu. M., Volkova, T. N. (2005). *Prestupnost' starikov*. Monografiya, 2-e izd., ispr. Ryzan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Bajbarin, A. A. (2009a). Pozhiloy vozrast poterpevshego ot prestupleniya. *Nauchnye trudy Rossijskoj akademii yuridicheskikh nauk*, 9 (3), 385–389.
- Bajbarin, A. A. (2009b). *Ugolovno-pravovaya differenciaciya vozrasta*: monografiya. Moskow: Vysshaya shkola.
- Barsukova, O. V. (2003). *Starcheskaya prestupnost' i prestupleniya protiv lic pozhilogo vozrasta: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy*: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladivostok.

- Dolgova, A. I. (2003). *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo*. Moscow: Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya.
- Kasimov, V. O. (2018). *Vozrast prestupnika kak kriminologicheskaya problema*: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov.
- Kudryavcev, V. N., Eminov, V. E. (2006). *Prichiny prestupnosti v Rossii. Kriminologicheskij analiz*. Moscow: Norma.
- Luneev, V. V. (2007). *Yuridicheskaya statistika*. Moscow: Yurist.
- Razumov, P. V. (2005). *Kriminologicheskaya harakteristika gerontologicheskoy prestupnosti i mery ee preduprezhdeniya*: dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol'.
- Temaev, T. V. (2005). *Social'nyj kontekst gerontologicheskoy prestupnosti*: dis. ... kand. sociol. nauk. Saratov.
- Shestakov, D. A. (2005). Shkola prestupnyh podsystem: (paradigma, otrasli, vliyanie vovne). *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad*, 1, 45–53.
- Homich, V. M. (2007). Kriminologicheskoe (kriticheskoe) ponimanie prestupnosti – metodologicheskaya osnova kriminologii pravooobrazovaniya. *Zakonnost' i pravoporyadok*, 4, 21–27.
- Blowers, A. N. (2015). Elders and the criminal justice system. *Journal of Crime and Justice*, 38 (1), 1–8. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2014.931509>
- Blowers, A. N., & Doerner, J. K. (2015). Sentencing outcomes of the older prison population: an exploration of the age leniency argument. *Journal of Crime and Justice*, 38 (1), 58–76. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2013.822161>
- Lachs, M., Bachman, R., Williams, C., Kossack, A., Bove, C., & O'Leary, J. (2004). Older Adults as Crime Victims, Perpetrators, Witnesses, and Complainants: A Population-Based Study of Police Interactions. *Journal of Elder Abuse and Neglect*, 16 (4), 25–40. https://doi.org/10.1300/J084v16n04_02
- Leeson, G. W. (2018). Global demographic change and grandparenthood. *Contemporary Social Science*, 13 (2), 145–158. <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1433316>
- Policastro, C., Gainey, R., & Payne, B. K. (2015). Conceptualizing crimes against older persons: elder abuse, domestic violence, white-collar offending, or just regular old crime. *Journal of Crime and Justice*, 38 (1), 27–41. <https://doi.org/10.1080/0735648X.2013.767533>
- Snyder, D. R. (2014). *Elder Crimes, Elder Justice*. Burlington. MA: Jones & Bartlett Learning.

Информация об авторе:

Татьяна Игоревна Вишневецкая – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Одобрена после рецензирования 25.06.2023

Опубликована 28.07.2023

About the authors

Tatiana I. Vishnevskaya – senior lecturer of the Department of Legal Disciplines Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Cand. Sci. (jurid.).

The author declare no conflicts of interests.

Submitted May 19, 2022

Approved after reviewing June 25, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-232-243

Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции

Маргарита Александровна Яковлева

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

boss.andre.777@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8739-3913

Елена Михайловна Зорина

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

(Санкт-Петербург, Россия)

zorinaem@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9589-3678

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции. В историческом контексте данные проблемы актуальны во время любых военных действий, что подтверждается материалами времен Великой Отечественной войны: ресоциализация иностранных военнопленных сопровождалась формированием у данных лиц мировоззрения, политических установок, оказавших воздействие на общественное мнение других граждан. Обосновано: с учетом современных реалий данный положительный опыт для личности военнопленного целесообразно использовать при ресоциализации украинских военнопленных в условиях продолжающейся специальной военной операции.

Цель статьи – обозначить пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации, необходимые для формирования позитивного мировоззрения в условиях специальной военной операции.

Методология, методы и методики. Научный инструментарий исследования – комплекс общенаучных и частнонаучных методов: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, дедуктивный и индуктивный методы, метод анализа, иные методы научного познания.

Результаты. Обоснована необходимость совершенствования путей трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции посредством следующих действий: 1) создания новых психологических методик воздействия на личность военнопленного, позволяющих сформировать положительное мировоззрение, переосмыслить необходимость участия в специальной военной операции; 2) учреждения новой должности Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека по военным вопросам, вменив совокупность полномочий, связанных с ресоциализацией военнопленных; 3) включения в штат заместителя Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека по военным вопросам военных психологов, обладающих навыками применения данных методик; 4) совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в направлении предупреждения девиантного поведения военнопленных, учитывающем индивидуальные особенности личности военнопленного.

Научная новизна заключается в формировании авторского видения конкретных путей трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации.

Практическая значимость. Предложенные пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации позволят сформировать положительное мировоззрение, вернуть человека к мирной жизни.

Ключевые слова

специальная военная операция, военнопленный, ресоциализация, положительное мировоззрение

Для цитирования: Яковлева, М. А., Зорина, Е. М. (2023). Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 232-243. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-232-243.

Original paper

Paths to personality transformation of a prisoner of war towards resocialization under conditions of a special military operation

Margarita A. Yakovleva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
boss.andre.777@mail.ru

Elena M. Zorina

Saint-Petersburg University of Management
Technologies and Economics (Saint Petersburg, Russia)
zorinaem@bk.ru

ORCID: 0000-0002-8739-3913**ORCID:** 0000-0002-9589-3678**Abstract**

Introduction. The article considers the directions of prisoner of war personality transformation for resocialization, necessary under conditions of a special military operation. In the historical context, these problems are relevant during any military operations, which is confirmed by the materials of the Great Patriotic War: the resocialization of foreign prisoners of war was accompanied by these persons' worldview and political attitudes formation affected the public opinion of other citizens. Due to the importance for the prisoner of war's personality and taking into account modern realities, it is advisable to use this positive experience in the resocialization of Ukrainian prisoners of war in the conditions of the ongoing special military operation.

The purpose of the article is to outline the directions of the prisoner of war personality transformation in the field of resocialization, necessary for the formation of a positive worldview in the conditions of a special military operation.

Methodology, methods and techniques. Scientific tools of the research include a set of general and private scientific methods applied comprehensively: dialectical method, historical, comparative-legal, deductive and inductive, analysis, other methods of scientific knowledge.

Results. The article substantiates the need to improve the paths to transformation of the prisoner of war personality towards resocialization in the conditions of a special military operation by means of 1) creating new psychological methods of influencing the prisoner of war personality, allowing to form a positive worldview, to rethink the necessity of participation in a special military operation; 2) introducing a new position of the Presidential Commissioner for Human Rights on Military Issues with a set of powers related to the resocialization of prisoners of war; 3) recruiting military psychologists with skills for applying these techniques in the department of the Deputy Presidential Commissioner for Human Rights on Military Issues; 4) improving penal enforcement legislation in the area of preventing deviant behavior of prisoners of war, taking into account the individual characteristics of the prisoner of war personality.

Scientific novelty of the article is to form the author's vision of specific directions of transformation of the prisoner of war personality towards resocialization.

Practical significance. The proposed directions of personality transformation of the prisoner of war towards resocialization will allow to form a positive worldview and to return the person to peaceful life.

Keywords

a special military operation, a prisoner of war, resocialization, positive worldview

For citation: Yakovleva, M. A., Zorina, E. M. (2023). Paths to personality transformation of a prisoner of war towards resocialization under conditions of a special military operation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (2), 232-243. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-232-243.

Введение в проблематику исследования

Война в любой цивилизации – сложный инструмент политического аппарата государства, затрагивающий актуальные вопросы внешнего столкновения государственных структур и внутреннее состояние наций, общества, государства, отдельных лиц, участвующих в войне, включая военнопленных (Усанкина, 2020). При этом современная эпоха характеризуется не только военной опасностью и военной угрозой, представляющими характеристики существующей либо прогнозируемой политической обстановки, отношений между коалициями отдельных государств, странами (Коржевский, 2021). Данный этап – время малых нарративов, в которых отмечается явление (прием) сторителлинга (метод подачи информации, когда повествование об исторических событиях привлекают внимание больше, чем историческая правда) (Комиссарова, Васильева, Горбань, 2017). Среди наиболее болезненных тем истории любой войны, в который проявляется явление сторителлинга, – проблемы военного плена в целом и ресоциализации пленных в частности.

Данные вопросы актуализированы не только политическими, правовыми, но и психологическими последствиями военного плена: во-первых, война, приводящая к разрушению личности, – чудовищная по реалистичности, трагичности жизненная драма, оставляющая неизгладимые психологические травмы (Дрейлинг, 1997); во-вторых, военный плен как тюремное заключение оказывает пагубное долгосрочное влияние на психическое и физическое, социальное и экономическое благополучие человека (Beckett & Goldberg, 2022); в-третьих, у военнопленных констатируется негативная трансформация личности, которую в условиях специальной военной операции целесообразно корректировать в направлении позитивной трансформации (ресоциализации). Изложенное обусловлено тем, что явление «ресоциализация» (от лат. «re» – повторное, возобновляемое действие, и от «socialis» – общественный) – необходимая (повторная) социализация в общество, происходящая в связи с негативными изменениями личных целей, мотивов, установок, жизненных ценностей. Важность ресоциализации военнопленного в том, что это процесс приспособления лица с отклоняющимся поведением (девиантным) к полноценной жизни, обретения социальной идентичности, закрепления реальности реконструированного типа (Крайнова, 2023).

Обозначенные проблемы и пути их решения опосредованы историческим опытом Великой Отечественной войны. Так, в сфере психологических и иных проблем военнопленных, включая сферу постпентенциарного контроля и ресоциализации названного

исторического периода, одним из сложнейших вопросов стала ресоциализация иностранных военнопленных, формирование советскими психологами соответствующего положительного менталитета. Подобный опыт ресоциализации военнопленных, вернувшихся в свою страну после окончания Великой Отечественной войны, был источником формирования личных политических установок, оказавших влияние на общественное мнение других граждан относительно причин и итогов Великой Отечественной войны, которые они транслировали, создавая национальное мнение об СССР, об истинных причинах и итогах Великой Отечественной войны.

Анализ архивных материалов Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД-МВД СССР, включая интервьюирования немецких репатриантов, собранных в 1950–1960 гг. специальной комиссией ФРГ под руководством профессора Э. Машке, немецкой мемуаристики (Колер, 1955), свидетельствует о следующем. Существуют конкретные факты о процессах кардинальных изменений личности немецких военнопленных (сознание, правосознание, цели, мотивации, целеполагания), о системе моральных, нравственных ценностей русского народа, его патриотизме. Подобная позитивная трансформация личности военнопленного оказала значительное влияние на положительный образ Советского Союза после окончания Великой Отечественной войны в мировом сознании, определив впоследствии политическую ситуацию в мире, как и направленность военных мемуаров бывших немецких военнопленных.

Данными вопросами занимались профессиональные военные психологи, насчитывавшие к 1 сентября 1939 г. 14 специальных рот и осуществлявшие во время Великой Отечественной войны посредством применения особых психологических методик ресоциализацию иностранных военнопленных, пропаганду среди них общепризнанных ценностей советского народа. Подобные психологические методики, направленные на трансформацию личности военнопленных других стран, разработанные и внедренные в практику в годы Первой мировой войны, войн в Корее и во Вьетнаме, достигли высоких технологических форм: 70 % военнопленных или признались военными преступниками, или формировали заверения об отсутствии намерения продолжения участия в военных действиях¹.

Актуальность вопросов трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации на современном этапе подтверждается в условиях сложившейся политической обстановки и специальной военной операции на Украине, в степени интенсивности военно-политического конфликта.

¹ Караяни, А. Г., Сыромятников, И. В. (2016). *Военная психология: учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации*. Москва: Военный университет.

Несмотря на то что в условиях трансформации личности военнопленных ресоциализация реализуется соответствующими государственными учреждениями и органами, эффективность применения основных средств исправления иностранных военнопленных (по ст. 9 УИК РФ – установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), общественно полезный труд, воспитательная работа, общественное воздействие и пр.) вызывает многочисленные вопросы. Так, в рамках созидательного характера обращения с иностранными военнопленными, разграничения от других осужденных требует разрешения вопрос повышения эффективности ресоциализации, совершенствования действующего законодательства межведомственного взаимодействия в данном направлении, включения в систему уполномоченных к ресоциализации лиц новых специалистов.

Обзор литературы

Проблемы трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации волнуют российских и иностранных ученых на протяжении многих лет. Заметный вклад в развитие военной психологии и военной психиатрии внес психиатр, психолог, военный врач Г. Е. Шумков.

В научных работах, опубликованных в военной печати в 1905–1916 гг., заложены основы военной психологии, психиатрии, сформированы задачи научных исследований, применяемые на современном этапе в отношении военнослужащих и военнопленных. Ученым собран уникальный научный материал о поведении военнослужащих и военнопленных в различных ситуациях военной обстановки, о физиологических и психологических изменениях, происходящих в психике под влиянием угрожающей в бою опасности для жизни. Автором сформирован вывод о корреляции между внешними проявлениями военнослужащего и «волнующими чувствами, мыслями» (Шумков, 1907).

Подобными исследованиями в обозначенный исторический период занимались многие другие ученые² (Яковлев, 1930; Сосков, 1993; Перевалов, 1993), у которых появились преемники, осуществляющие современные научные разработки. Так, актуальные проблемы девиантного поведения и ресоциализации военнопленных затронуты в научных трудах А. П. Скибы и Н. С. Малелеткина, Ю. М. Антоняна и Н. В. Минстера, П. В. Тепляшина и Е. А. Тепляшиной, А. М. Давлетшиной, Г. Зиммеля, А. Тоффлера, иных зарубежных и отечественных авторов.

Методология, методы и материалы исследования

Методологическая основа статьи представлена системой общих и частных методов научного познания:

диалектическим методом познания социально-правовых явлений; историческим и сравнительно-правовым, дедуктивным и индуктивным методами, методом анализа, иными методами научного познания.

Актуальность вопросов трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции обусловлена, в частности, тем, что военнопленные в соответствии с Женевской конвенцией 1949 г. об обращении с военнопленными, истоки которой датируются 1874 г. (Брюссельская декларация), признаны в качестве обезоруженного противника, временно находящегося под властью одного из воюющих государств (стороны), несущих полную ответственность за судьбу военнопленного. В обновленном комментарии к Конвенции III (2020 г.), в котором использованы общепризнанные правила толкования международных соглашений, изложенных в Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров (ст. ст. 31–338), отмечена необходимость предоставления особой защиты лицам из состава вооруженных сил другого государства, попадающим во власть противника (в плен) во время межнациональных вооруженных конфликтов. При этом военнопленные не должны наказываться исключительно за участие в военных действиях, а их содержание под стражей должно быть признано не уголовным наказанием, а актом, направленным на воспрепятствование участию в актах войны (Арман, Кротюк, Хенкергс, Химстра, 2021).

Положения Женевской конвенции от 1949 г. «Об обращении с военнопленными» прямо или опосредованно касаются применения отдельных средств ресоциализации военнопленных и исполнения уголовных наказаний в их отношении (например, по ст. 101 смертный приговор военнопленному приводится в исполнение по истечении шестимесячного срока, а по ст. 87 запрещены наказания в виде лишения звания или права носить знаки различия).

В статьях 18, 21, 25, 97, 108 Женевской конвенции отражены отдельные аспекты обеспечения режима в местах принудительного содержания интернированных лиц:

- осужденным военнопленным запрещается выход с территории учреждений закрытого типа;
- изъятие ценных вещей осуществляется для обеспечения безопасности, то есть фактически для обеспечения режимных требований учреждения;
- запрещается отбытие военнопленными дисциплинарных взысканий в исправительных учреждениях (тюрьмах, исправительных заведениях, каторжных тюрьмах и др., однако, данный запрет не распространяется на осужденных военнопленных);

² Феденко, Н. Ф., Раздубев, В. А. (1993). *Русская военная психология. (Середина XIX — начало XX века): учебное пособие.* Москва.

– женщины должны быть изолированы от мужчин во время сна, а при отбытии дисциплинарных взысканий предусматривается изолированное содержание офицеров и женщин-военнопленных, осужденных военнопленных.

В соответствии со ст. ст. 30, 49, 108 Женевской конвенции отражены следующие вопросы в направлении ресоциализации военнопленных:

– не подлежат применению коллективные, телесные наказания, лишение дневного света, иные проявления пыток, жестокости;

– военнопленные вправе получать духовную поддержку от духовенства;

– трудоспособные военнопленные могут быть использованы в трудовой деятельности (с учетом возраста, пола, званий, физических, психических способностей);

”

Война в любой цивилизации – сложный инструмент политического аппарата государства, затрагивающий актуальные вопросы внешнего столкновения государственных структур и внутреннее состояние наций, общества, государства, отдельных лиц, участвующих в войне

“

– предусмотрено переобучение военнопленных (как отдельное средство ресоциализации).

Особое значение для решения вопросов ресоциализации военнопленных имеет Венский документ о мерах укрепления доверия 2011 г. (ВД-2011), направленный на обмен государствами-участницами информацией о военных мероприятиях, на формирование правовых механизмов по снижению рисков, по укреплению доверия (Долгов, 2023). К подобным рискам относятся риски психологического воздействия трагических событий военных действий на личность военнопленного, на его ресоциализацию, что актуализируется в условиях военной операции, трансформирующей социальную систему (Иншаков, Казакова, 2022) и личность военнопленного. У военнопленных, ввиду постоянного стресса, проявляются «стойкие изменения личности» (устойчивые, персеверирующие «нарушения самоорганизации», особенно у лиц, перенесших комплексную

психологическую травму) (Екимова, Лучникова, 2020). Расстройства, обусловленные таким стрессом, – один из наиболее распространенных диагнозов при оказании психологической помощи при подобных психических расстройствах во всем мире. При этом система научных подходов к диагностике данных состояний, ввиду неспецифичности проявлений, как и сложностей по разграничению с нормальными реакциями на стресс, присутствия социокультурных, психологических особенностей личности, – предмет научного интереса многих специалистов (Bessel van der Kolk, 2005; D’Andrea et al., 2012; Schmid, Peterman, & Fegert, 2013; Damir & Toader, 2014; Mosquera & Steele, 2017).

Вопрос ресоциализации украинских военнопленных волнует Уполномоченного при Президенте по правам человека на федеральном и региональном уровне. Так, 22 февраля 2023 г. Уполномоченный по правам человека в Луганской Народной Республике (ЛНР) Виктория Сердюкова отметила, что многие украинские военнопленные, в том числе посредством профессиональной деятельности военных психологов по формированию соответствующего менталитета, отказываются от включения их в список на обмен. Аналогичная ситуация возникает и в Донецкой Народной Республике (ДНР): около 200 украинских военнопленных выразили желание вступить в добровольческий батальон имени Богдана Хмельницкого в ДНР.

Как отмечено Уполномоченным при Президенте РФ по правам человека Татьяной Москальковой, несмотря на тот факт, что координация вопросов, связанных с военнопленными, является компетенцией Министерства обороны РФ, омбудсмены России принимают участие в данном процессе: в соответствии со специальным соглашением ведут диалог с Международным комитетом Красного Креста, непосредственно с Петером Маурером (президентом Международного комитета Красного Креста), Правительством Украины, украинскими омбудсменами, в частности новым Уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека Дмитрием Лубинцом.

По мнению Татьяны Москальковой, в рамках диалога омбудсменов соблюдаются договоренности дистанцироваться от каких-либо политических оценок и работать исключительно в гуманитарном направлении.

Наличие данной проблемы подтвердила член Совета по правам человека, председатель постоянной комиссии по личным правам Татьяна Мерзлякова.

Указано: на настоящем этапе в России отсутствует правовой механизм, позволивший гарантировать бывшим украинским военнопленным и после их ресоциализации бессрочное пребывание на территории государства. Однако необходимо признать, что проблема существует и ее необходимо решать. По мнению Татьяны Мерзляковой, данный правовой механизм может представлять собой следующее: военнопленный–

военнослужащий ВСУ должен иметь право подать соответствующее заявление в Совет по правам человека или в аппарат омбудсмена. После обращения данное заявление рассматривается и передается в Министерство обороны РФ, которое посредством анализа личности, степени ресоциализации принимает решение, подкрепленное как резолюцией специальной комиссии, так и данными по линии спецслужб.

По словам Т. Мерзляковой, обозначенную идею она планирует обсудить с Уполномоченным по правам человека Татьяной Москальковой и председателем Совета по правам человека Валерием Фадеевым. После принятия и одобрения в установленном порядке данного решения можно будет начать разработку соответствующего правового механизма (нормативного правового акта).

Проблемы трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции актуализируются в связи с тем, что поведение таких военнопленных обладает спецификой, отличается от общепринятых поведенческих моделей, характеризуется отклонениями от принятых в обществе нравственных и правовых стандартов и может быть признано девиантным (Скиба, 2022), продуцирующим психологическое игнорирование, неприятие признанных норм (Балахонский, Балахонская, 2022). Эти важные для личности военнопленного факты должны быть учтены при ресоциализации и оказывать влияние на избрание соответствующей психологической методики.

Представляется, что профессиональным военным психологам, принимающим участие в ресоциализации украинских военнопленных, необходимы новейшие научные достижения (психологические методики), методики криминологического прогноза. В целях анализа личности ресоциализируемого военнопленного целесообразно применять также периодическое (еженедельное) тестирование, позволяющее установить истинные мотивы и целеполагания индивида, определить уровень ресоциализации и направления дальнейшей профилактической работы.

Ключевым фактором в процессе ресоциализации личности военнопленного необходимо признать терпение, понимание и эмпатию уполномоченных к ресоциализации лиц, осознающих, что каждый военнопленный имеет свои собственные потребности и уникальную жизненную ситуацию, в зависимости от которой должен быть сформирован алгоритм ресоциализации (с учетом личности военнопленного, индивидуальных особенностей, психического, психологического, физического состояния, мотивации и целеполагания, отношения к военной специальной операции).

Алгоритм ресоциализации военнопленных может включать следующие шаги:

1) *оценка состояния военнопленных*: медицинская и психологическая, в соответствии с которой возможно признать, что военнопленным предоставляются необходимые условия, помощь для физического и психологического здоровья. Результаты психологической оценки могут определить, какие виды помощи и поддержки наиболее полезны для конкретных лиц. Для получения информации о различных факторах личности ресоциализируемого (усталость, тревожность, депрессия, посттравматическое расстройство, пр.) и разработки индивидуальных планов ресоциализации оценка личности должна проводиться квалифицированными психологами, использующими новые методы и инструментарий;

2) *постановка целей*: в целях осознания истинных жизненных мотивов, военнопленные должны иметь возможность определить свои цели и актуальные для личности ценности;

3) *планирование индивидуальных программ ресоциализации*, включающих обучение профессиональным навыкам, физическую активность, религиозные практики и иные методы формирования психологической, физической устойчивости;

4) *реализация плана ресоциализации*;

5) *постоянная оценка и корректировка программы*, позволяющая оценить ее эффективность и определить необходимость в изменениях.

Практические аспекты трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции должны иметь следующие характеристики.

Военнопленные, в зависимости от индивидуальных особенностей личности, должны получать периодические консультации и терапию психологов, включая групповые консультации и терапию, арт-терапию, индивидуальные и групповые психологические тренинги, восстанавливающие моральное и физическое равновесие. Целесообразно организовывать консультации военных юристов, аргументированно транслирующих знания норм действующего законодательства о правах и обязанностях военнопленного, юридической ответственности, о возможностях улучшить свое положение (правовой статус).

В качестве способа трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции возможна организация семинаров на психологические и юридические темы, проведение специальных психологических квестов, посредством которых предоставляется возможность избрания определенной жизненной позиции (от жизнеутверждающей до жизнеразрушающей). Например, сюжет квеста основан на жизни человека, попавшего на фронт и впоследствии в плен, человек должен сделать выбор из нескольких предложенных вариантов поведения (около 10–15). В результате

избрания соответствующего варианта поведения военнопленный может прийти к различным решениям – от выбора смерти либо пожизненного заключения до возвращения к мирной жизни. Квесты целесообразно сопровождать анализом норм действующего законодательства и конкретных практических жизненных ситуаций бывших военнопленных.

В связи с тем, что труд признан наиболее распространенным и эффективным инструментом социализации и ресоциализации лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, предоставление военнопленным возможности получать новые трудовые навыки может обусловить повышение самооценки, способствовать трансформации личности в направлении ресоциализации, переосмыслению отношения к образованию и к трудовой деятельности, профессии. Подобные навыки и умения могут помочь управлять эмоциями и стрессом в ситуациях повседневной жизни, могут быть применены в период после плена. Однако целесообразно обучать именно практическим навыкам, которые невозможно в дальнейшем применить в военных действиях (кулинарное или парикмахерское искусство, ремесло с деревом, металлом, сервис и туризм, пр.).

Трансформация личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции возможна также посредством:

- занятия спортом, участия в спортивных мероприятиях;
- организации встреч с параолимпийцами и другими категориями лиц, включая бывших военнопленных и осужденных к лишению свободы, которые избрали жизнеутверждающую позицию, вернулись к нормальной, мирной и свободной жизни;
- участия в командных играх, включая настольные игры (шахматы и нарды), в культурных мероприятиях (участие в производстве театральных постановок, просмотр фильмов, чтение книг, посещение концертов и пр.);
- чтения художественной литературы исторической направленности, повествующей об исторической правде в различные эпохи;
- использования положительных религиозных убеждений для военнопленных соответствующей конфессии, предоставление возможностей для молитвы, общения с духовным наставником, чтения священных текстов и участия в религиозных мероприятиях (при этом религия должна приводить к духовному очищению, смирению, пресекать ярость и гнев).

При работе с военнопленными важно обладать максимальным объемом информации о личности, что позволит сформировать индивидуальный психологический портрет, получить представление о социально-психологическом статусе, избрать необходимую методику ресоциализации.

Актуальным является вопрос конфиденциальности личности военнопленного: при появлении открытой информации данный факт может формировать обвинение в предательстве, слухи о физическом или психологическом насилии, пр. Между тем демонстрация видеозаписи, свидетельствующей о гуманном обращении, способна создать положительный образ и военнопленного, и противоположной стороны военного конфликта. В подобном случае важна демонстрация именно факта гуманного обращения, без раскрытия персональных данных военнопленного.

Убеждены, что истинное понимание личности военнопленного, сформированное военными психологами в условиях изоляции посредством применения на постоянной основе названных специальных психологических инструментов, позволит предсказывать поведение, определить приоритеты и ценностные ориентиры после освобождения и возвращения в свою страну.

В целях эффективной психологической трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции данных лиц целесообразно дифференцировать на несколько категорий, в зависимости от которых избирается соответствующий вид ресоциализации:

- 1) военнопленные, которые имеют ярко выраженный настрой на идеологию нацизма и желание участвовать в военных действиях;
- 2) военнопленные, случайно попавшие на войну (наильно мобилизованные), не имеющие намерения участвовать в военных действиях;
- 3) военнопленные, сдавшиеся в плен и желающие сменить гражданство;
- 4) военнопленные, находящиеся в рядах вооруженных сил до начала военных действий;
- 5) военнопленные, воюющие по контракту и имеющие интерес без соответствующей идеологии.

Следует признать проблемы ресоциализации военнопленных из категории профессионалов, у которых констатируется четкая политическая идеология, негативное отношение к противоположной стороне специальной военной операции и обусловленные изложенным жестокость, самоуверенность, хладнокровность, агрессия. От данной категории военнопленных следует получить важную оперативную информацию, применить военный трибунал, поскольку в случае освобождения данная категория лиц с большой вероятностью вернется к участию в специальной военной операции против Российского государства, демонстрируя ненависть к русскому народу.

Результаты исследования

Обозначенные проблемы отразили следующие результаты исследования:

- 1) ввиду необходимости совершенствования путей трансформации личности военнопленного

в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции необходим новый подход к формированию психологических методик воздействия на личность военнопленного, позволяющих переосмыслить необходимость участия в специальной военной операции;

2) принимая во внимание авторитет и полномочия Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека, в целях совершенствования процесса ресоциализации украинских военнопленных, формирования у данных лиц мировоззрения и мирных политических установок, а после возвращения в свою страну – общественного мнения у украинской нации относительно истинных причин военного конфликта между Россией и Украиной, целесообразно сконцентрировать данную деятельность у специального заместителя Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека по военным вопросам, вменив совокупность полномочий, связанных не только с ресоциализацией украинских военнопленных, но и с ресоциализацией российских военнослужащих, возвращающихся в Россию после плена, вменив ряд других полномочий, в том числе обеспечивающих государственные гарантии по защите прав, свобод, интересов данных и иных граждан, связанных со специальными военными операциями, другими военными событиями и интересами;

3) целесообразно включить в штат заместителя Уполномоченного при Президенте РФ по правам человека по военным вопросам военных психологов, реализующих полномочия по предоставлению психологической помощи военнопленными бывшим военнопленным, которые должны быть призваны к постоянному взаимодействию с психологами системы ФСИН России, осуществляя контроль за эффективностью деятельности по ресоциализации;

4) ввиду того, что на современном этапе российское уголовно-исполнительное, другое законодательство не осуществляет правовое регулирование обращения с военнопленными, в связи с чем основное внимание уделяется международно-правовому регулированию, целесообразно в российском уголовно-исполнительном законодательстве сформировать систему предупреждения девиантного поведения военнопленных, учитывающую индивидуальные особенности военнопленных, включая положения о противодействии членовредительству (что в УИК РФ фрагментарно предусмотрено в ст. 102), в том числе при принятии решения об их освобождении по состоянию здоровья.

Полагаем, что обозначенные направления совершенствования механизмов трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции позволят осознать иностранным военнопленным фактическую причину возникшего международного конфликта,

нивелировать уровень межнационального напряжения, избежать нового участия в специальной военной операции против Российской Федерации.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследования коррелируют значительному массиву российской и иностранной научной литературы.

Несмотря на признанное отдельными учеными мнение, в силу которого общество нуждается и в войнах, и в преступности как двигателях социального развития, без которых общество застыло бы в развитии (Кунц, 2019), многие известные ученые сформировали следующие выводы. Так, Р. Габриэль справедливо полагает, что примерно у 2 % комбатантов (участников военных конфликтов) констатирован факт получения удовольствия от событий боя, войны (Габриэль, 1987), среди которых лица, идентифицируемые как «агрессивные психопаты» (большинство комбатантов, по мнению Леви, испытывают выраженный страх от событий войны, ее явное непризнание, как и проблемы, связанные с ресоциализацией, социальной адаптацией в мирное общество, пребывая в статусе военнопленного) (Леви, 1970).

Я. И. Гишинский, занимающийся актуальными вопросами политических преступлений и проблемами девиантологии, отмечает, что любые модели поведенческого отклонения, не соответствующие официальным нормам и формальным правилам, могут быть признаны социальным феноменом и девиантным поведением (Гишинский, 2021). В девиантологии некоторыми учеными (Змановская, 2021; Кириллова, Рогов, 2022) необходимо внимание уделено многоаспектным проявлениям девиантного поведения, в том числе в условиях боевых действий и военного плена (криминальное поведение, эмоциональная неустойчивость, зависимости, самоубийства, членовредительство и др.), приемам ресоциализации.

Проблемы девиантного поведения в целом и в отношении военнопленных в частности, вопросы необходимости их ресоциализации для эффективной реализации контроля за поведением исследованы А. П. Скиба, по справедливому мнению которого в целях эффективной ресоциализации необходимо многоаспектное обеспечение пребывания иностранных граждан в условиях плена: оперативно-режимное, воспитательное, коммунально-бытовое, санитарно-эпидемиологическое, медицинское и пр., в особенности при факте продолжения боевых действий. Разделяем мнение, в соответствии с которым подобное обеспечение должно осуществляться комплексно и военнослужащими различных родов войск, включая военных психологов, другими лицами государственных органов и общественности (Скиба, 2022).

Как правильно отмечено учеными (Скиба, Малолеткина, 2022; Тепляшин, Тепляшина, 2019), в российском законодательстве заложены правовые основы влияния на осужденных в рамках их исправления (ресоциализации), однако не учитываются особенности организации подобной работы с военнопленными, как и с другими категориями участников боевых действий, осложненными тяжелыми психологическими состояниями военного плена, приверженностью радикальным политическим и религиозным идеям, пр. Данный факт требует дальнейшего совершенствования норм действующего законодательства.

Ценностные ориентации в опыте советских и российских военнопленных (на материале войн XX–XXI вв.) исследованы А. М. Давлетшиной, справедливо отмечающей, что особенность плена проявляется, в частности, в том, что человек, прежде контролирующей ситуацию своей жизни, теряет фактическую возможность ее прогнозировать, как и предвидеть с учетом жизненного цикла время смерти, что оказывает влияние на трансформацию ценностных ориентаций личности в целом (Давлетшина, 2022). А. М. Давлетшина выражает согласие с правильной позицией Г. Зиммеля: «управление» жизнью и смертью является достаточно важным для человека: «...мы с самого начала соразмеряем наши

планы, действия, обязательства и межличностные связи... теми масштабами, которые соответствуют ограниченной смертью жизни. Однако ограничение или формирование жизни и ее определенных элементов определено тем, что, хотя мы уверены в факте смерти, однако, абсолютно не уверены в конкретном ее времени» (Зиммель, 1996).

Разделяем мнение А. Тоффлера в том, что в результате психических перегрузок (что свойственно военной операции, иным боевым действиям, военному плену) рассудочный механизм человека по принятию решений, в том числе жизненно важных, начинает проявлять себя не с полноценной адекватностью происходящей ситуации. Подобная количественная и качественная перегрузка психики человека непрерывными негативными изменениями отрицательным образом влияет и на здоровье (военнослужащего, военнопленного), и на способность рационального осмысления и переосмысления ситуации в рамках соответствующих правовых и нравственных норм. Ситуация осложняется нестабильностью норм законодательства, коррективы которых могут иметь существенный характер для эффективной ресоциализации военнопленных (Тоффле, 1997).

Изложенное подтверждает необходимость проведения дальнейших научных исследований в обозначенной актуальной плоскости.

Список литературы

- Арман, Дж., Кротюк, К., Хенкерцс, Ж.-М., Химстра, Х. (2021). Цифровые технологии и война Обновленный Комментарий МККК к Женевской конвенции III: новый инструмент для защиты военнопленных в XXI веке. *Международный журнал Красного Креста*, 913.
- Балахонский, В. В., Балахонская, Л. В. (2022). Девиантное поведение: проблема методологического понимания нормы и ее социально-образовательных репрезентаций. *Российский девиантологический журнал*, 2 (1), 27–38. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-27-38>
- Габриэль, Р. (1987). Героев больше нет (пер. с англ.) Нью-Йорк.
- Гишинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*: монография (4-е изд., испр. и доп.). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Давлетшина, А. М. (2022). Ценностные ориентации в опыте советских и российских военнопленных (на материале войн XX–XXI вв.). *Общество: философия, история, культура*, 12, 133–141. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.12.21>
- Долгов, В. (2023). Венский документ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности. *Зарубежное военное обозрение*, 1, 23–28.
- Дрейлинг, Р. (1997). Военная психология как наука. В И. В. Домнин (сост.), *Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы*: российский военный сборник (стр. 156–166). Москва: Военный университет.
- Екимова, В. И., Лучников, Е. П. (2020). Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса. *Современная зарубежная психология*, 9 (1), 50–61. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
- Зиммель, Г. (1996). Созерцание жизни. Четыре метафизические главы. В *Избранное. Том второй. Созерцание жизни* (стр. 7–185). Москва: Юрист.
- Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>

- Иншаков, С. М. Казакова, В. А. (2022). Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 847–857. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>
- Кириллова, Т. В., Рогов, А. В. (2022). Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. *Российский девиантологический журнал*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Колер, О. (1955). *Колочая проволока – голод – ностальгия. Воспоминания.*
- Комиссарова, Л. М., Васильева, А. С., Горбань, Е. Е. (2017). Сторителлинг как коммуникационная технология. *PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект*, 3, 96–104.
- Коржевский, А. С. (ред.) (2021). *Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации.* Москва: Издательство РГГУ.
- Крайнова, Н. А. (2023). Некоторые аспекты реализации уголовной политики в сфере ресоциализации в Российской Федерации. *Уголовно-исполнительное право*, 18(1-4) № 1, 24–34. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).1.024-034](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.024-034)
- Кунц, К.-Л. (2019). *Введение в криминологическое мышление.* Санкт-Петербург: Алеф-Пресс.
- Леви, Л. (1970). *Эмоциональный стресс.* Ленинград: Медицина.
- Малолеткина, Н. С., Скиба, А. П. (2022). О взаимосвязи репатриации осужденных военнопленных с исправительным воздействием в их отношении. *Вестник Самарского юридического института*, 1 (47), 70–74. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.47.1.009>
- Перевалов, В. Ф. (1993). Победители стрессов сумеют не дрогнуть в бою. *Вестник противовоздушной обороны*, 9.
- Скиба, А. П. (2022). Девиантное поведение осужденных военнопленных и исправительно-профилактическое воздействие в их отношении: постановка проблемы. *Российский девиантологический журнал*, 2 (3), 332–345. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-332-345>
- Сосков, В. (1993). Тест – это серьезно. (О психологических исследованиях в армии). *Вестник противовоздушной обороны*, 4.
- Тепляшин, П. В., Тепляшина, Е. А. (2019). Исполнение лишения свободы в отношении пожилых осужденных: перспективы расширения реализации принципа дифференциации. *Вестник Кузбасского института*, 3 (40), 87–96.
- Тоффле, А. (1997). *Футурошок* (пер. с англ.) Санкт-Петербург: Лань.
- Усанкина, И. А. (2020). Феномен войны в современной цивилизации. *Молодой ученый*, 9 (299), 200–202. URL: <https://moluch.ru/archive/299/67788/>
- Шумков, Г. Е. (1907). *Первые шаги психиатрии во время русско-японской войны за 1904–1905 гг.* Киев: Просвещение.
- Яковлев, Г. (1930). Рецензия на книгу Рукьера «Психоневрозы войны». *Военно-санитарное дело*, 10, 48–50.
- Beckett K., & Goldberg, A. (2022). The Effects of Imprisonment in a Time of Mass Incarceration. *The University of Chicago Press Journals*, 51 (4). <https://doi.org/10.1086/721018>
- Bessel van der Kolk, M. D. (2005). Disorders of extreme stress: The empirical foundation of a complex adaptation to trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 18 (5), 389–399.
- Damir, D., & Toader, E. (2014). Posttraumatic Stress Syndrome – Ethical and Biopsychosocial Implications. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 149, 276–279. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.229>
- D'Andrea, W., Ford, J., Stolbach, B., Spinazzola, J., & van der Kolk, B. A. (2012). Understanding interpersonal trauma in children: Why we need a developmentally appropriate trauma diagnosis. *American Journal of Orthopsychiatry*, 82 (2), 187–200. <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.2012.01154.x>
- Konsalik, H. G. (1956). *Der Arzt von Stalingrad: Roman.* München.
- Mosquera, D., & Steele, K. (2017). Complex trauma, dissociation and Borderline Personality Disorder: working with integration failures. *European Journal of Trauma & Dissociation*, 1 (1), 63–71.
- Schmid, M., Peterman, F., & Fegert, J. M. (2013). Developmental trauma disorder: pros and cons of including formal criteria in the psychiatric diagnostic systems. *BMS Psychiatry*, 13 (3), 12.

References

- Arman, Dzh., Krotiyuk, K., Henkerts, Zh.-M., Himstra, H. (2021). Cifrovye tekhnologii i vojna Obnovlennyj Kommentarij MKKK k Zhenevskoj konvencii III: novyj instrument dlya zashchity voennoplennyh v XXI veke. *Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta*, 913.
- Balahonskij, V. V., Balahonskaya, L. V. (2022). Deviantnoe povedenie: problema metodologicheskogo ponimaniya normy i ee social'no-obrazovatel'nyh reprezentacij. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (1), 27–38. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-27-38>

- Gabriel, R. (1987). *Geroev bol'she net* (per. s angl.) N'yu-York.
- Gilinskij, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»: monografiya* (4-e izd., ispr, i dop.). Saint Petersburg: Aletejya.
- Davletshina, A. M. (2022). Cennostnye orientacii v opyte sovetskih i rossijskih voennoplennyh (na materiale vojn XX–XXI vv.). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 12, 133–141. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.12.21>
- Dolgov, V. (2023). Venskij dokument 2011 goda o merah ukrepleniya doveriya i bezopasnosti. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 1, 23–28.
- Drejling, R. (1997). Voennaya psihologiya kak nauka. V I. V. Domnin (sost.), *Dusha armii: russkaya voennaya emigraciya o moral'no-psihologicheskikh osnovah rossijskoj vooruzhennoj sily: rossijskij voennyj sbornik* (str. 156–166). Moscow: Voennyj universitet.
- Ekimova, V. I., Luchnikov, E. P. (2020). Kompleksnaya psihologicheskaya travma kak posledstvie ekstremalnogo stressa. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 9 (1), 50–61. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
- Zimmel, G. (1996). Sozercanie zhizni. CHetyre metafizicheskie glavy. V *Izbrannoe. Tom vtoroj. Sozercanie zhizni* (str. 7–185). Moscow: Yurist.
- Zmanovskaya, E. V. (2021). Sovremennaya rossijskaya deviantologiya: istoriya, metodologiya, social'nye vyzovy i aktual'nye tendencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 1 (1), 12–23. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23>
- Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. (2022). Special'naya voennaya operaciya kak instrument povysheniya urovnya antikorrupcionnogo potenciala. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (4), 847–857. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.4.847-857>
- Kirillova, T. V., Rogov, A. V. (2022). Issledovanie fenomena suicidal'nogo povedeniya podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (2), 164–180. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-164-180>
- Koler, O. (1955). *Kolyuchaya provoloka – golod – nostalgija. Vospominaniya*.
- Komissarova, L. M., Vasil'eva, A. S., Gorban', E. E. (2017). Storitelling kak kommunikacionnaya tekhnologiya. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyj aspekt*, 3, 96–104.
- Korzhevskij, A. S. (red.) (2021). *Prognoziruemye vyzovy i угрозы nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU.
- Krajnova, N. A. (2023). Nekotorye aspekty realizacii ugolovnoj politiki v sfere resocializacii v Rossijskoj Federacii. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 18(1-4) № 1, 24–34. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18\(1-4\).1.024-034](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.024-034)
- Kunc, K.-L. (2019). *Vvedenie v kriminologicheskoe myshlenie*. Saint Petersburg: Alef-Press.
- Levi, L. (1970). *Emocional'nyj stress*. Leningrad: Medicina.
- Maloletkina, N. S., Skiba, A. P. (2022). O vzaimosvyazi repatriacii osuzhdennyh voennoplennyh s ispravitel'nyj vozdeystviem v ih otnoshenii. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 1 (47), 70–74. <https://doi.org/10.37523/SUI.2022.47.1.009>
- Perevalov, V. F. (1993). Pobediteli stressov sumeyut ne drognut' v boju. *Vestnik protivovozdushnoj oborony*, 9.
- Skiba, A. P. (2022). Deviantnoe povedenie osuzhdennyh voennoplennyh i ispravitel'no-profilakticheskoe vozdeystvie v ih otnoshenii: postanovka problemy. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (3), 332–345. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-332-345>
- Soskov, V. (1993). Test – eto ser'ezno. (O psihologicheskikh issledovaniyah v armii). *Vestnik protivovozdushnoj oborony*, 4.
- Tepliyashin, P. V., Tepliyashina, E. A. (2019). Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii pozhiylyh osuzhdennyh: perspektivy rasshireniya realizacii principa differenciacii. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 3 (40), 87–96.
- Toffle, A. (1997). *Futuroshok* (per. s angl.) Saint Petersburg: Lan'.
- Usankina, I. A. (2020). Fenomen vojny v sovremennoj civilizacii. *Molodoj uchenyj*, 9 (299), 200–202. URL: <https://moluch.ru/archive/299/67788/>
- Shumkov, G. E. (1907). *Pervye shagi psihiatrii vo vremya russko-yaponskoj vojny za 1904–1905 gg.* Kiev: Prosveshchenie.
- Yakovlev, G. (1930). Recenziya na knigu Ruk'era «Psihonevrozy vojny». *Voennno-sanitarnoe delo*, 10, 48–50.
- Beckett K., & Goldberg, A. (2022). The Effects of Imprisonment in a Time of Mass Incarceration. *The University of Chicago Press Joynals*, 51 (4). <https://doi.org/10.1086/721018>
- Bessel van der Kolk, M. D. (2005). Disorders of extreme stress: The empirical foundation of a complex adaptation to trauma. *Journal of Traumatic Stress*, 18 (5), 389–399.
- Damir, D., & Toader, E. (2014). Posttraumatic Stress Syndrome – Ethical and Biopsychosocial Implications. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 149, 276–279. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.08.229>
- D'Andrea, W., Ford, J., Stolbach, B., Spinazzola, J., & van der Kolk, B. A. (2012). Understanding interpersonal trauma in children: Why we need a developmentally appropriate trauma diagnosis. *American Journal of Orthopsychiatry*, 82 (2), 187–200. <https://doi.org/10.1111/j.1939-0025.2012.01154.x>

Konsalik, H. G. (1956). *Der Arzt von Stalingrad*: Roman. München.

Mosquera, D., & Steele, K. (2017). Complex trauma, dissociation and Borderline Personality Disorder: working with integration failures. *European Journal of Trauma & Dissociation*, 1 (1), 63–71.

Schmid, M., Peterman, F., & Fegert, J. M. (2013). Developmental trauma disorder: pros and cons of including formal criteria in the psychiatric diagnostic systems. *BMS Psychiatry*, 13 (3), 12.

Информация об авторах:

Маргарита Александровна Яковлева – доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Елена Михайловна Зорина – доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат педагогических наук.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Одобрена после рецензирования 25.06.2023

Опубликована 28.07.2023

About the authors:

Margarita A. Yakovleva – Associate Professor of the Department of Criminology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Elena M. Zorina – Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Candidate of Pedagogical Sciences.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 19, 2023

Approved after reviewing June 25, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 343.91:343.81

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-244-249

Противодействие совершению преступлений и правонарушений лицами, отбывающими наказание в пенитенциарных учреждениях Монголии

Чулуунбаатар Батболд

Центр исследования исполнения судебных решений
Научно-исследовательского института
Университета внутренних дел Монголии (Улан-Батор, Монголия)
chbatbold8@mail.com

ORCID: 0009-0008-6303-4597

Аннотация

В статье описываются результаты исследования причин и условий преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными в учреждениях исполнения судебных решений Монголии. Дается характеристика монгольской системы пенитенциарных учреждений, анализируется специфика преступлений и правонарушений, совершенных в стране за пятидесятилетний период. Отмечен рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психоактивных веществ, а также коррупционных и должностных преступлений. Акцентируется внимание на повышении нагрузки на пенитенциарные учреждения и, как следствие, увеличение преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными. Показаны основные мероприятия по предупреждению и профилактике индивидуальным и групповым посягательствам осужденных на деятельность пенитенциарных учреждений. Дается оценка эффективности выполненных мероприятий, определяются перспективные направления работы по снижению криминализации осужденных, предупреждению рецидивов. Разъясняются их предпосылки и особенности применения мер противодействия, а также повышения эффективности профилактики.

Методология, методы. Выводы, сделанные в процессе исследования, являются результатом использования различных научных методов, в частности, анализа и синтеза, а также системного и сравнительного методов научного познания.

Результаты. В ходе исследования осуществлен анализ организации системы исполнения решений Монголии, а также статистических сведений о преступлениях и правонарушениях, совершаемых лицами, осужденными к лишению свободы. Обосновывается необходимость комплексного и междисциплинарного изучения причин совершения преступлений и правонарушений, формулируются предложения по снижению уровня пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова

уголовное наказание, лишение свободы, пенитенциарное преступление, осмотр, обыск, запрещенные предметы, нарушение порядка отбывания наказания, дисциплинарный изолятор

Для цитирования: Чулуунбаатар, Б. (2023). Противодействие совершению преступлений и правонарушений лицами, отбывающими наказание в пенитенциарных учреждениях Монголии. *Российский девиантологический журнал*, 3 (2), 244-249. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-244-249.

Original paper

Countering crimes and infractions committed by persons serving prison sentences in Mongolian prisons

Batbold Chuluunbaatar

Center for the Study of the Execution of Judicial Decisions of the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
chbatbold8@mail.com

ORCID: 0009-0008-6303-4597

Abstract

The article describes the results of investigating the causes and conditions of crimes and infractions committed by convicts in Mongolian penitentiary institutions. The author describes the Mongolian penal system and analyses the specifics of crimes and infractions committed in the country over a fifty-year period. An increase in crimes related to illicit trafficking in drugs and psychoactive substances, as well as corruption and malfeasance are noted. Attention is drawn to the growing burden on penitentiary institutions and, as a result, the increase in crimes and infractions committed by convicts. The main measures for preventing both individual and group encroachments of convicts on the activity of penitentiary institutions are shown. The effectiveness of the implemented measures is evaluated, promising directions for reducing the criminalization of convicts and preventing recidivism are identified. Their preconditions and peculiarities of countermeasures are explained, as well as the efficiency of prevention.

Methodology, methods. The conclusions made during the research process are the result of using various scientific methods, in particular, analysis and synthesis, as well as systematic and comparative methods of scientific cognition.

Results. The research analyses the organization of Mongolia's penal system, as well as statistical data on crimes and infractions committed by persons sentenced to imprisonment. The need for a comprehensive and multidisciplinary study of the causes of crimes and infractions is substantiated, and proposals for reducing the level of penal offences are outlined.

Keywords

criminal punishment, imprisonment, prison offence, inspection, search, prohibited items, punishment violation, disciplinary isolation cell

For citation: Chuluunbaatar, B. (2023). Countering crimes and infractions committed by persons serving prison sentences in Mongolian prisons. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3 (2), 244-249. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-244-249.

Введение

Лишение свободы является одной из форм уголовного наказания, применяемого в Монголии для борьбы с преступностью, поддержания общественного порядка, обеспечения прав, свобод и законных интересов человека. Лишение свободы осуществляется уполномоченными на это государственными структурами и реализуется в соответствии с требованиями, установленными монгольским законодательством в системе учреждений, подчиненных Главному управлению исполнения судебных решений Монголии (Алтангэрэл, 2014, р. 15).

Одной из ключевых функций монгольских пенитенциарных учреждений выступает предупреждение повторных правонарушений осужденными, содержащимися в местах лишения свободы, а также защита прав и свобод как самих осужденных, так и персонала

организаций. Правонарушения и преступления, совершенные в период отбывания наказания, признаются противоправными в любой стране. Как правило, в уголовном законодательстве зарубежных стран под ними понимаются любые действия или бездействие, приводящие к нарушению соответствующих законов, норм и правил, устанавливающих режим отбывания наказания, со стороны должностных лиц, сотрудников и работников исправительных учреждений, а также самих осужденных.

В монгольской научной публицистике пенитенциарное учреждение определяется как место отбывания наказания, в котором осужденные могут содержаться в одиночных или коллективных условиях. Функционирование монгольской пенитенциарной системы предполагает соблюдение лицами, осужденными к лишению свободы, правил внутреннего распорядка

пенитенциарного учреждения¹. Нарушение этого порядка расценивается как преступление, субъектами которого могут выступать лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

Статистические исследования показывают, что количество преступлений, зарегистрированных в Монголии, увеличилось в 10 раз за последние 50 лет (Алтангэрэл, Менх-Эрдэнэ, 2019, р. 30).

Кроме того, в Монголии в 2007–2010 гг. из 31 393 человек, признанных виновными и осужденных судами, 23 193 человека (более 60 %) были приговорены к тюремному заключению (Гэмт хэрэгтэй тэмцэх терийн бодлогын хэрэгжилт, 2013). Среди этих осужденных, приговоренных к лишению свободы, только в период с 2003 по 2020 гг. 441 совершил преступление повторно во время отбывания наказания (Алтангэрэл, Менх-Эрдэнэ, 2019, р. 92).

Таким образом, для повышения эффективности предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, в первую очередь необходимо всесторонне изучить и установить причины и влияющие факторы этих деяний.

Теоретические основания исследования

В структуру Главного управления исполнения судебных решений Монголии входит 21 учреждение. Специфика монгольской пенитенциарной системы заключается в том, что, являясь, как и российская уголовно-исполнительная система, колониальной, она подразделяется на учреждения открытого и закрытого видов. Отличие между ними заключается в категориях охраны (режима) отбывания наказания и ограничений прав осужденных.

Учреждения закрытого вида обладают максимальными ограничениями прав, выражающимися, например, в размещении осужденных в одиночных камерах, предоставлении им наименьшего числа краткосрочных свиданий, возможности получения только одного письма в течение месяца и одной посылки в течение трех месяцев. Учреждения открытого вида налагают меньшие ограничения на права и свободы осужденных, что выражается в возможности получения неограниченного количества писем и посылок. Кроме того, по решению начальника исправительного учреждения осужденным может быть разрешен выезд к месту проживания родственников либо членов семьи в случае трудной жизненной ситуации.

Кроме учреждений закрытого и открытого типов, функционируют две комплексные специализированные больницы, специальные учебно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних, лечебно-профилактическое и лечебно-исправительное учреждения.

В центрах содержания под стражей и следственных изоляторах действуют 1 следственный изолятор в столице и 25 следственных изоляторов в районах Монголии. Система обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений Монголии включает в себя: 1) охрану тюрем; 2) меры обеспечения безопасности персонала тюрем; 3) меры обеспечения безопасности заключенных, осужденных и других лиц, относимых к данной категории; 4) меры обеспечения безопасности следственных изоляторов, помещений и оборудования учреждений, составляющих пенитенциарную систему (Очгэрэл, 2017, р. 91). По состоянию 2020 г., в тюрьмах открытого типа содержались 3126 заключенных, в тюрьмах закрытого типа – 1336, под стражей – 1132, а всего в тюрьмах – 5594 осужденных².

”

... заключенные предпринимают следующие действия, направленные на нарушение безопасности тюрем и нарушение нормальной работы: сбор информации о расположении тюрьмы, особенностях ее местонахождения, характеристиках системы охраны, сигнализации и связи, количестве сотрудников, их постах и вооружении, составе смен, а также сведений о лицах, привлекаемых к охране зоны безопасности вокруг тюрьмы

“

Характеризуя лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих его в учреждениях исполнения судебных решений, проанализируем виды преступлений.

За совершение преступления, предусмотренного п. 10.1 специальной части Уголовного кодекса Монголии (далее – УК Монголии) – убийство, отбывают наказание 1134 человека, или 25,2 % от общего числа осужденных. За совершение преступления, предусмотренного п. 12.1 УК Монголии – изнасилование, осуждены к лишению свободы 775 человек, или 16,8 % от общего числа лиц, находящихся в исправительных учреждениях.

За совершение преступлений, связанных с незаконным употреблением наркотических средств и психоактивных веществ, предусмотренных п. 20.7 УК Мон-

¹ Долгова, А. И. (под общ. ред.) (2000). *Российская криминологическая энциклопедия*. Москва: Норма.

² *Хорих ял эдлэгдэх албаны 2020 оны жилийн эцсийн тайлан* (2020).

голии, отбывают наказание 256 человек, или 5,7 % от общего числа осужденных. Осужденными за хищения являются 1229 человек, или 27,3 % от общего числа лиц, отбывающих наказание. Отметим, что за совершение кражи животных в монгольских тюрьмах содержится 221 человек, или 4,9 %. Наконец, 25,8 % осужденных к лишению свободы отбывают наказание за различные виды преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Монголии³.

В целом, характеризуя преступления, за которые предусмотрено наказание, связанное с лишением свободы, можно заключить, что наиболее распространены семь видов. К ним относятся убийство, умышленное причинение вреда здоровью человека, кража, разбой, мошенничество, нарушение правил безопасности дорожного движения и эксплуатации автотранспортных средств. Следует отметить изменения в уголовной практике, обусловленные новеллами монгольского уголовного законодательства, происшедшими с 2016 г.

Отмечается повышение количества осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психоактивных веществ, а также за коррупционные и должностные преступления. Так, в 2006 г. состоялись обвинительные приговоры по 6 преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, уголовному преследованию подверглись 33 человека, а в 2018 г. число подобных преступлений увеличилось более чем в 30 раз и составило 197. Количество осужденных увеличилось в 12 раз и составило 402 человека. Сохраняется на неизменном уровне количество преступлений, совершаемых в системе учреждений исполнения судебных решений. Так, за 5 лет состоялось 19 преступных деяний, из которых 12 случаев (63,2 %) составили побеги из мест лишения свободы и 6 случаев (31,6 %) причинения телесных повреждений другим осужденным или сотрудникам исправительных учреждений.

Помимо преступлений, осужденным свойственно и правонарушающее поведение. Так, за пятилетний период было зафиксировано 1733 правонарушения, из них 531 (30,7 %) связано с неправомерным использованием лицами, отбывающими наказание, мобильных телефонов; 466 правонарушений (26,9 %) составили нарушения законных требований сотрудников; 566 (32,6 %) правонарушений выразились в конфликтном поведении; 52 правонарушения (3 %) составило употребление алкогольных напитков; 118 – (6,8 %) участие в азартных играх, передача и хранение запрещенных предметов.

Эмпирическое исследование преступлений и правонарушений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях Монголии

Анализируя рост нарушений режима учреждений исполнения судебных решений лицами, отбывающими

ми в них наказание, можно прийти к выводу, что они обусловлены в основном повышением численности осужденных. Можно отметить, что росту правонарушений на 5,9 % соответствует прирост числа осужденных на 7,8 %. Вместе с тем исследования показывают, что количество преступлений и правонарушений, совершаемых в местах лишения свободы, хотя и имеет тенденцию к снижению, но продолжает сохраняться на высоком уровне. Учитывая цель проводимого исследования, обратимся к анализу представлений о предупреждении совершения осужденными преступлений в местах отбывания ими уголовного наказания. Некоторые исследователи говорят, что одной из мер противодействия выступает регулярный комиссионный осмотр осужденного психологом или врачом. Кроме того, существенное значение имеет анализ форм, содержания, характера совершенного преступления или правонарушения, а также причин и условий, повлиявших на него (Даваа-Очир, 2010).

По результатам изучения представлений охраны учреждений исполнения судебных решений установлено, что заключенные предпринимают следующие действия, направленные на нарушение безопасности тюрем и нарушение нормальной работы: сбор информации о расположении тюрьмы, особенностях ее местонахождения, характеристиках системы охраны, сигнализации и связи, количестве сотрудников, их постах и вооружении, составе смен, а также сведений о лицах, привлекаемых к охране зоны безопасности вокруг тюрьмы. Отдельные усилия предпринимаются, чтобы вовлечь персонал и администрацию тюрем в незаконную деятельность, в том числе склонить к коррупции.

К посягательствам на нормальную работу пенитенциарного учреждения следует относить такие действия осужденных, как нарушения работы его структурных подразделений, заключающиеся в организации массовых беспорядков, распространении информации, которая может негативно повлиять на работу тюрьмы, равно как и в подстрекательстве в отношении других осужденных.

К индивидуальным действиям осужденных, нацеленным на нарушение работы учреждений исполнения судебных решений Монголии, относятся побеги, самоповреждающее поведение осужденных, в том числе манипуляции угрозами самоубийства в целях принятия выгодных им решений со стороны администрации пенитенциарного учреждения, нарушение режима, правил и распорядка тюрьмы.

Групповые действия осужденных нацелены на формирование противоправных групп и сообществ, а также вовлечение в преступную деятельность других осужденных. Для этого используются стратегии запугивания, преследования или провокации, направ-

³ Хорих ял эдлелгэх албаны 2020 оны жилийн эцсийн тайлан (2020).

ленные на подчинение других осужденных и контроль над их поведением, насаждение противоправных идей. Результатом выступает формирование сообщества из числа лиц, отбывающих наказание, в дальнейшем нередко используемое для осуществления противоправных действий.

Проводимые с 2020 г. по настоящее время мероприятия нацелены на противодействие противоправному поведению осужденных. Так, в рамках профилактики и пресечения преступлений и правонарушений в учреждениях исполнения судебных решений Монголии осуществляются плановые и внеплановые проверки осужденных и их личных вещей в местах их нахождения (тюремных камерах, помещениях изоляторов временного содержания, больничных палатах), а также рабочих мест и транспортных средств, используемых для перевозки лиц, отбывающих наказание.

Можно заключить, что по результатам более 13 тысяч проверок и обысков удалось предупредить противоправное поведение, а также выявить и изъять у отбывающих наказание лиц запрещенные вещи и предметы. Так, выявлено 20 единиц средств связи, 106 млн монгольских тугриков (более 2,5 млн рублей), 432 единицы оружия. В целом обнаружено, проверено и принято решение в установленном порядке относительно 4973 запрещенных предметов⁴. В ходе профилактических мероприятий были выявлены 25 осужденных, нарушавших правила внутреннего распорядка тюрем в целях причинения вреда обществу и гражданам, дезорганизации деятельности учреждений исполнения судебных решений. Удалось установить личности 64 осужденных, не выполнявших законных требований сотрудников пенитенциарных учреждений, а также 20 осужденных, незаконно использовавших средства связи и иные запрещенные предметы. Кроме того, был выявлен и подвергнут профилактическим мероприятиям 151 осужденный с агрессивным-конфликтным поведением, конфликтовавший с другими осужденными и персоналом тюрем.

По результатам описанных нарушений 22 заключенным ужесточены условия отбывания наказания, 55 заключенных ограничены в использовании права на общение с членами семьи и родственниками, 115 заключенных помещены в штрафные изоляторы⁵.

Вместе с тем проведенные мероприятия лишь частично способствуют снижению преступлений и правонарушений, совершаемых в учреждениях исполнения судебных решений, поскольку нацелены на противодействие конкретным формам противоправного поведения и не способствуют устранению причин их возникновения. В частности, контроль над лицами,

отбывающими наказание, не способствует полному устранению описанных противоправных деяний без раскрытия предпосылок подобного поведения, выявлению проблем в организации режима безопасности, проведению групповой и индивидуальной работы с осужденными, нацеленной на сдерживание и превенцию преступлений и правонарушений.

Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что профилактика преступлений и правонарушений в местах лишения свободы представляет собой комплексную задачу, состоящую из многогранных организационных мероприятий, требующих не только карательных мер, но и ведения профилактической работы. Поэтому, изучая пенитенциарные преступления, анализируя причины, а также условия, способствующие их возникновению, можно вносить обоснованные предложения по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений в местах лишения свободы, а также по внесению изменений в соответствующие законы. Эта работа нуждается в большом количестве эмпирического материала и его глубоком осмыслении. Данная работа носит междисциплинарный характер, поскольку требует соучастия криминологов и психологов, специалистов в области организации пенитенциарных учреждений. Ее результаты должны быть выражены не только в актуализации законодательства, но и в методических рекомендациях по совершенствованию работы пенитенциарных учреждений.

Вместе с тем по результатам исследования можно сформулировать ряд предложений, способствующих снижению риска совершения противоправных действий осужденными.

1. Из 19 преступлений, зарегистрированных за последние 5 лет в учреждениях исполнения судебных решений Монголии, 12 составили преступления с побегом.

Причина этого – невозможность организовать охрану объектов, в том числе охрану в тюрьмах, в соответствии с требованиями безопасности. Наиболее очевидной причиной выступает выполнение сотрудниками службы безопасности дополнительных функций, что не позволяет им осуществлять свои непосредственные обязанности.

Устранение проблемы видится в изменении подхода к оценке количества лиц, привлекаемых к охране тюрем и иных объектов. Следует исходить не из штатной численности подразделений службы безопасности, а из выполняемой сотрудниками нагрузки. Это позволит определить оптимальное количество смен (нарядов) и рассчитать необходимое количество со-

⁴ Хорих ял эдлелгэх албаны 2020 оны жилийн эцсийн тайлан (2020).

⁵ Там же.

трудников службы безопасности.

2. Необходимо строго соблюдать требования п. 208.3 Закона об исполнении судебных решений Монголии, определяющего, что «лица, осужденные к лишению свободы впервые, отделяются от осужденных, совершивших повторное преступление», а также предусматривающего отдельное отбывание наказания лицами, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления, выполнившие их в составе организованной группе.

3. Необходимо актуализировать вопрос дисциплинарного наказания осужденных за противоправные деяния в местах лишения свободы (например, самовольное оставление территории учреждения, нанесение телесных повреждений другим осужденным, хищение чужих вещей и т. п.). Учитывая, что отсутствие должной реакции формирует ложное представление

о безнаказанности, полагаем что правонарушения, совершенные в пенитенциарных учреждениях, должны быть тщательно расследованы, а привлечение к ответственности должно осуществляться с обязательным учетом мотивов противоправных действий и личности заключенного.

4. Необходимо повысить уровень подготовки персонала пенитенциарных учреждений – социальных работников, психологов, сотрудников больниц и охраны – к работе с заключенными, осужденными за новые виды преступлений, совершенных в онлайн-среде, коррупцию, взяточничество, должностные преступления и преступления, связанные с наркотическими средствами и психоактивными веществами. Это будет способствовать усилению профилактического воздействия и снижению риска совершения ими повторных преступлений.

Список литературы

- Алтангэрэл, Б. (2014). *Хорих ял эдлуулэх ажиллагааны явцад үйлдэгдэж буй гэмт хэрэг, туунийг судлах нь*. Ulaanbaatar.
- Алтангэрэл, Б., Менх-Эрдэнэ, Ч. нар. (2019). *Хорих ял эдлуулэх ажиллагааны хэрэгжилтэд хийсэн дун шинжилгээ 2003-2018*. Ulaanbaatar.
- Даваа-Очир, Д. (2010). *Хорих ангийн ахуй дэглэмийн байцаагчийн гарын авлага*. Ulaanbaatar.
- Гэмт хэрэгтэй тэмцэх төрийн бодлогын хэрэгжилт* (2013). Ulaanbaatar.
- Очгэрэл, Ц. (2017). *Хорих байгууллагын аюулгүй байдал*. Ulaanbaatar.

References

- Altangerel, B. (2014). *Horih yal edlyylekh azhillagaany yavcad ejldegdezh buj gemt hereg, tyunijg sudlah n'*. Ulaanbaatar.
- Altangerel, B., Menh-Erdene, Ch. nar. (2019). *Horih yal edlyylekh azhillagaany hereghilted hijsen dyn shinzhilgee 2003-2018*. Ulaanbaatar.
- Davaa-Ochir, D. (2010). *Horih angijn ahuj deglemijn bajcaagchijn garyn avlaga*. Ulaanbaatar.
- Gemt heregtej temcekh terijn bodlogyn hereghilt* (2013). Ulaanbaatar.
- Ochgerel, C. (2017). *Horih bajguullagyn ayuulgyj bajdal*. Ulaanbaatar.

Информация об авторе:

Батболд Чулуунбаатар – адъюнкт Центра исследования исполнения судебных решений Научно-исследовательского института Университета внутренних дел Монголии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 27.02.2023

Одобрена после рецензирования 30.03.2023

Опубликована 28.07.2023

About the authors

Batbold Chuluunbaatar – adjunct of the Center for the Study of the Execution of Judicial Decisions of the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted February 27, 2023

Approved after reviewing March 30, 2023

Accepted July 28, 2023

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-250-260

Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) (аналитический обзор международной научно-практической конференции)

Антон Алексеевич Рожков

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Аннотация

В статье представлен обзор международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии» (Васильевские чтения – 2023), которая посвящена памяти советского ученого-психолога, доктора психологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Леонидовича Васильева.

В ходе конференции были представлены результаты исследований научных школ Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан по проблемам совершенствования психологической работы в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел; внедрения достижений психологии в практику раскрытия и расследования преступлений; психологического сопровождения выполнения сотрудниками правоохранительных органов оперативно-служебных задач, в том числе в особых условиях; защиты сотрудников правоохранительных органов от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Результаты конференции свидетельствуют о необходимости объединения усилий научных психологических школ из разных стран для достижения правоохранительных целей, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и благополучия людей во всем мире.

Ключевые слова

морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел, психологическое сопровождение выполнения оперативно-служебных задач сотрудниками правоохранительных органов, особые условия служебной деятельности, психологические технологии в раскрытии и расследовании преступлений, защита личного состава от деструктивного информационно-психологического воздействия, психология девиантного поведения

Для цитирования: Рожков, А. А. (2023). Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023) (аналитический обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 250–260. doi: 10.35750/2713-0622-2023-3-250-260.

Current problems of psychology in the field of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilievsky readings - 2023) (analytical review of international research-to-practice conference)

Anton A. Rozhkov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Abstract

The article presents an overview of the research-to-practice conference «Current problems of psychology in the field of law enforcement: concepts, approaches, technologies» (Vasilievsky Readings - 2023), which is dedicated to the memory of the Soviet scientist-psychologist, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Vladislav Leonidovich Vasiliev.

The research results of scientific schools of the Russian Federation, People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan on the following problems were presented at the conference: improvement of psychological work in the system of moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies; introduction of achievements of psychology in practice of crime detection and investigation; psychological support for the implementation of law enforcement officers operational and service tasks, including in special conditions; protection of law enforcement officers from destructive informational and psychological impact.

The results of the conference demonstrate the need to combine the efforts of various scientific psychological schools from different countries to achieve law enforcement goals, protect public order, ensure public safety and well-being of people around the world.

Keywords

moral and psychological support for the activities of internal affairs bodies, psychological support for the implementation of operational and service tasks by law enforcement officers, special conditions of service, psychological technologies in crime detection and investigation, protection of personnel from destructive informational and psychological impact, psychology of deviant behavior

For citation: Rozhkov, A. A. (2023). Current problems of psychology in the field of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilievsky readings - 2023) (analytical review international scientific and practical conference). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 250-260. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-250-260.

20–21 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2023)», которая была проведена в рамках реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел». Модера-

торами пленарного заседания выступили заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, полковник полиции Бавсун Максим Викторович и заместитель начальника учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского уни-

верситета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент, полковник полиции Рожков Антон Алексеевич.

В конференции приняли участие более 150 ученых и специалистов, представляющих различные ведомства и организации, среди которых руководители и сотрудники Главного управления по работе с личным составом МВД России и территориальных органов МВД России, руководители и именитые ученые образовательных и научных организаций МВД России, Росгвардии, ФСИН России, Минобрнауки России, Минобороны России, МЧС России, представители Китайской Народной Республики, Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Академии МВД Республики Узбекистан, Академии МВД Республики Беларусь, Высшей школы судей при высшем Судейском совете Республики Узбекистан, Института повышения квалификации и дополнительного образования Национального Университета имени Аль-Фараби Республики Казахстан, Ереванского государственного медицинского университета имени М. Гераци Республики Армения, научно-педагогические работники и обучающиеся Санкт-Петербургского университета МВД России.

Цель, которую ставили перед собой организаторы мероприятия, заключалась в обмене в широком представительном кругу научного сообщества мнениями и взглядами по актуальным проблемам юридической психологии и психологии безопасности, психологии правоохранительной деятельности, по вопросам совершенствования морально-психологического обеспечения деятельности в силовых ведомствах Российской Федерации и иностранных государств, расширения и укрепления международного научного сотрудничества, объединения усилий в решении общих правоохранительных задач и задач по сохранению психического здоровья и обеспечению профессионального долголетия сотрудников.

В рамках конференции были рассмотрены следующие вопросы по актуальным направлениям психологической науки и правоохранительной деятельности: юридическая психология, генезис и перспективы; психология правоохранительной, правоприменительной, судебной и правотворческой деятельности; криминальная психология; риски цифрового общества; совершенствование системы морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и иностранных государств; управление рисками насилия: от исследований до эффективной практики; актуальные проблемы судебно-психологической экспертизы; психология профессионального здоровья; вопросы профессионального психологического отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы; проблемы и перспективы психологической помощи сотрудникам и членам их семей; имидж профессии полицейского: проблемы

формирования профессионального ориентирования; профайлинг в системе комплексной безопасности; информационные угрозы и информационно-психологическая безопасность: опыт, проблемы, исследования; девиантное поведение: причины, проявления, профилактика.

С приветственным словом к участникам международной конференции обратился первый заместитель начальника Главного управления по работе с личным составом МВД России, кандидат юридических наук, доцент, академик Российской академии юридических наук генерал-майор полиции Архипов Дмитрий Николаевич и начальник Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации генерал-майор полиции Амельчаков Игорь Филиппович.

В своем приветственном слове Д. Н. Архипов поздравил всех присутствующих со значимым для науки и для Санкт-Петербургского университета событием, точно и емко обозначил важность проведения прикладных психологических исследований в целях морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел: «Полагаю, что организаторы конференции не ставят перед собой цель в рамках проводимого мероприятия полностью исчерпать заявленные проблемы, однако уверен, что в результате дискуссии участники существенно продвинутся в их понимании. Считаю, что в рамках заявленного дискуссионного клуба будет обобщен новейший отечественный и международный опыт по использованию психологических знаний и применению специальных технологий в юридически значимых сферах профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, его внедрение в различные виды служебной деятельности. Кроме того, данное научно-практическое мероприятие является прекрасным поводом завязать или продолжить творческое сотрудничество между его участниками. Хочется надеяться, что усилиями участников международной научно-практической конференции эти процессы приобретут новый импульс, откроются инновационные повороты в разрешении традиционных проблем, возникнут оригинальные профессиональные и научные "точки роста"».

И. Ф. Амельчаков в своем ярком и эмоциональном выступлении подчеркнул, что в Санкт-Петербургском университете бережно и с любовью относятся к научным традициям, профессорско-преподавательскому составу и ветеранам правоохранительных органов, которые благодаря своим личным и деловым качествам смогли профессионально подготовить и воспитать достойное своей истории поколение, продолжают выполнять эту работу в настоящее время. Васильевские чтения еще раз подчеркивают мемориальность конференции и признание фундаментального вклада

Владислава Леонидовича Васильева в развитие юридической психологии. Высокий интерес к конференции демонстрирует важность и востребованность этого мероприятия. Сегодняшнее событие объединяет не только ведущих ученых и практиков в данной области, но и будущих специалистов – курсантов, слушателей, адъюнктов, давая им уникальную возможность познакомиться с актуальными трендами науки и служебной деятельности, а также представить результаты своих научных исследований профессиональному сообществу. Игорь Филиппович обратил особое внимание на широту географии участников научно-практической конференции и поблагодарил представителей дружественных делегаций Китайской Народной Республики, Министерств внутренних дел Республик Узбекистан, Казахстан, Армения и Беларусь, а также представителей всех регионов Российской Федерации за участие в столь значимом для университета научном событии.

В первый день конференции было организовано пленарное заседание, на котором с докладами выступили такие именитые ученые и представители профессионального сообщества, как: Енгальчев Вали Фатехович, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, доктор психологических наук, профессор; Сюй Жуй, профессор кафедры уголовного процесса Шанхайского высшего училища полиции МОБ Китайской Народной Республики, доктор; Почебут Людмила Георгиевна, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии естественных и фундаментальных наук; Пастушеня Александр Николаевич, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет "МИТСО (Международный институт трудовых и социальных отношений)»», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь; Цветков Вячеслав Лазаревич, начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор; Добряков Игорь Валерьевич, старший научный сотрудник научно-организационного отделения Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева Минздрава России, психиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, доцент; Богдасаров Юрий Владимирович, главный специалист – врач организационно-методического отдела управления медицинского обеспечения Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России; Казарян Гаяне Акоповна, доцент кафедры ме-

дицинской психологии Ереванского государственного медицинского университета имени М. Гераци, кандидат психологических наук, доцент; Горьковая Ирина Алексеевна, профессор кафедры психологии человека Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета Минздрава России, доктор психологических наук, профессор; Кадырова Чолпон Айзабековна, начальник кафедры общественно-политических дисциплин и психологии Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева, доктор юридических наук; Ульянина Ольга Александровна, руководитель Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, кандидат социологических наук, доцент, член-корреспондент РАО; Ершов Евгений Владимирович, начальник группы по работе с личным составом Управления специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Караяни Александр Григорьевич, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова, член-корреспондент РАО; Безносков Дмитрий Сергеевич, доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, кандидат психологических наук, доцент; Малыгина Ольга Валериевна, профессор кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени А. Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат психологических наук; Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук; Сидоренков Андрей Владимирович, профессор кафедры психологии управления и юридической психологии Южного федерального университета, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; Шипитько Олеся Юрьевна, исполняющий обязанности заведующего кафедрой психологии управления и юридической психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук.

Тематика выступлений пленарного заседания была посвящена проблемам психологического и пси-

холого-психиатрического обеспечения служебной деятельности; психологической помощи семьям участников СВО; оценки достоверности показаний в рамках уголовного судопроизводства; юридико-психологическим аспектам похищения человека; психологии жертв преступлений; дифференциации степени психических страданий; психологии ведения переговоров с преступниками; изучения факторов девиантного поведения; оценки личностного потенциала делинквентных подростков; изучения факторов, негативно влияющих на сотрудников органов внутренних дел; информационно-психологической безопасности сотрудников силовых структур и др.

Профессор В. Ф. Енгальчев в своем докладе на тему «Подходы к оценке достоверности показаний и их практическое применение в Германии» указал, что такое важное, отличительное от российского законодательства обстоятельство, как судебная психологическая экспертиза достоверности показаний (нем. Glaubhaftigkeitsgutachten), официально признано Федеральным Верховным судом ФРГ допустимым видом доказательства и на сегодняшний день остается одним из значимых видов судебной экспертизы в Германии. Представив исторический экскурс изучаемой проблемы, Вали Фатехович обратил внимание аудитории на то, что в 1950-е годы фокус оценки достоверности показаний смещается с оценки правдивости лица, дающего показания, как его отдельной личностной характеристики, на оценку содержания показаний. Гипотеза о качественном отличии показаний, основанных на реально пережитых событиях, от показаний, в основе которых такие события отсутствуют, стала впоследствии основной идеей методики ориентированного на анализ содержания достоверности показаний. Докладчик затронул проблему использования полиграфа и гипноза в процессе расследования уголовных дел как инструментов оценки достоверности показаний, отметив, что существуют различия во взглядах на их применение в уголовном судопроизводстве, и в настоящее время продолжается поиск новых инструментов оценки достоверности показаний, в котором отчетливо наблюдается тенденция к минимизации субъективного компонента оценки.

Профессор Сюй Жуй выступила с докладом на тему «Брак и друг», в котором представила результаты научного исследования психологии жертв от преступлений, совершенных при помощи коммуникации через социальные сети, пользующиеся популярностью в Китайской Народной Республике и других странах. Сюй Жуй описала природу данного вида мошенничества, раскрыла приемы эмоционального и интеллектуального воздействия преступников на потерпевших от престу-

пления. «Мошенничество основано на дистанционном, но достаточно близком и доверительном общении между преступником и жертвой. Выявляя индивидуальные психологические характеристики жертв, их "индивидуальные слабости" преступники используют приемы преодоления эффекта психологического сопротивления со стороны жертвы, вводят ее в состояние заблуждения, после чего завладевают материальными ценностями». Профессор сделала вывод, что с развитием интернет-технологий в сфере коммуникаций в Китае и других странах данный вид преступления стал весьма распространенным и требует принятия решительных мер не только со стороны правоохранительных органов, но и общественных организаций.

Профессор Л. Г. Почебут в докладе на тему «Социально-психологическое сопровождение переговорной деятельности» обозначила важность овладения сотрудниками правоохранительных органов в процессе профессионального становления мастерством переговорной деятельности. Она указала на то неустрашимое обстоятельство, что сотрудники правоохранительных органов вынуждены вступать в переговоры с преступниками в целях сохранения жизни и здоровья людей в случаях захвата заложников и похищения людей. Людмила Георгиевна раскрыла содержание стадий переговорного процесса, выделив наиболее значимые моменты переговорной деятельности. Подводя итог своего выступления, она сделала акцент на том, что «ведение переговоров – это очень тяжелый, эмоционально напряженный труд, связанный с большими нервными перегрузками. В случаях длительных переговоров необходимо проводить периодическую смену переговорщиков (иметь дублеров), создать им условия для отдыха, питания, оказания медицинской помощи, что в реальных условиях нередко игнорируется».

Профессор А. Н. Пастушенин выступил с докладом на тему «Основные направления и задачи психологического обеспечения правоохранительной деятельности» и выделил важные направления психологического обеспечения, а также решаемые прикладные задачи в области правоохранительной деятельности. «Первое направление предполагает формирование психологической компетентности сотрудников в процессе их профессионального обучения и последующего приобретения профессионального опыта. Для формирования психологической компетентности необходима научно-методическая разработка рекомендаций по психологически правильному и эффективному осуществлению различных видов правоохранительной деятельности, решению присущих им профессиональных задач, осуществлению соответствующих профессиональных функций, которые бы носили конкретный, алгоритмизированный характер. Второе направление

заключается в формировании и поддержании высокого уровня морально-психологического состояния и высокой работоспособности сотрудников. Важным средством в этом направлении является психологически и содержательно правильное проведение идейно-воспитательной работы с личным составом и организацию мероприятий по морально-психологической подготовке. Третье направление предполагает консультирование руководителей подразделений и сотрудников по психологически правильному решению определенных служебных задач, а также проведение психологических мероприятий в группе с сотрудниками и руководителями. Обозначенные направления в организационном плане должны представлять собой систему и дополнять друг друга».

Профессор В. Л. Цветков в выступлении на тему «Психологические особенности влияния среды деятельности и специфики самой деятельности на сотрудников органов внутренних дел» представил результаты эмпирического исследования, проведенного коллективом Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, и описал факторы, негативно влияющие на сотрудников патрульно-постовой службы территориальных органов МВД России при несении ими службы по охране общественного правопорядка и обеспечению общественной безопасности, а также результаты эмпирического исследования оценки степени влияния данных факторов на состояние здоровья сотрудников, в том числе на эмоциональное состояние. Вячеслав Лазаревич предложил аудитории обсудить вывод о том, что комплексное воздействие факторов или наложение внутренних факторов (биологических и психологических) на внешние неблагоприятные факторы (социальные и факторы профессиональной среды) может привести к наиболее тяжелым изменениям в психике и личности сотрудника. В связи с этим необходима целенаправленная работа психологов органов внутренних дел, направленная на обучение сотрудников приемам само- и взаимопомощи по снижению влияния внутренних факторов.

Доцент И. В. Добряков выступил с докладом на тему «Современные формы девиантного поведения, связанные с информационно-коммуникационной революцией», описал новые формы коммуникаций между людьми в сети «Интернет», распространенные, прежде всего, среди подростков и молодежи. В качестве примеров он привел такие формы, как: порнокоммуникации, псевдопсихологические и коучкоммуникации, политкоммуникации, квазирелигиозные коммуникации, коммуникации в «группах смерти», коммуникации-кибербуллинг, коммуникации в целях шантажа, наркокоммуникации. Игорь Валерьевич рассказал, что такие формы коммуникации способствуют развитию

различных вариантов девиантного и делинквентного поведения или сопровождают их. Он обратил внимание научного сообщества на то, что люди стали предпочитать подобные способы общения привычному непосредственному реальному общению. Это обстоятельство породило формализацию общения, его анонимность, дезорганизацию социальных отношений и создало благоприятные условия для развития девиаций в социальном пространстве.

Врач-психиатр Ю. В. Богдасаров в докладе на тему «Психолого-психиатрическое обеспечение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях несения службы», описывая клинический опыт работы, указал, что сохранение психического здоровья у сотрудников органов внутренних дел, принимавших и принимающих участие в выполнении служебных обязанностей в особых условиях, прогнозирование качества их жизни и уровня социальной адаптированности в обществе является важной медико-социальной и психологической задачей ведомственного здравоохранения. «Реабилитация сотрудников должна рассматриваться как межведомственный комплекс (система) последовательно проводимых мероприятий медицинского, социального, психологического, педагогического характера, целью которой является восстановление личности до уровня ее социальной активности. В то же время Юрий Владимирович отметил, что, несмотря на действующие нормативные правовые акты, система организации лечебно-реабилитационной помощи сотрудникам органов внутренних дел с расстройствами психического здоровья не систематизирована, принимаемые меры носят формальный, эпизодический характер, создается иллюзия решения проблемы, вследствие чего у пенсионеров-комбатантов формируются более глубокие нарушения, приводящие к выраженным социальным проблемам, появлению химических зависимостей, человеческим и нравственным потерям». Автор проанализировал возможные способы решения описанной проблемы и предложил всем участникам конференции подумать над их практической реализацией.

Доцент Г. А. Казарян в своем докладе «Вопросы дифференциации степени психических страданий в уголовном праве» представила анализ психических страданий как уголовно-правовой категории. Гаяне Акоповна указала, что «психические страдания возникают у людей всякий раз, когда в отношении них совершено физическое или психическое насилие. Степень психического страдания нуждается в дифференциации в правовом поле. Данная область исследования является смежной научной областью и должна основываться на методологии и включать в себя результаты эмпирических исследований таких отраслей

знаний, как юриспруденция, психология, медицина. Проблематика является достаточно сложной для познания, описания и выработки рекомендаций, что связано с субъективностью переживаний каждым человеком, схожестью переживаний на биологическом уровне, но значительными различиями на психологическом и социальном уровнях». Решение проблемы в оценке и дифференциации психических страданий потерпевших от преступлений, по мнению автора, заключается в разработке психологического инструментария, применение которого в уголовном судопроизводстве позволит его адаптировать к особенностям национального законодательства и усовершенствовать в практическом и методологическом плане.

Профессор И. А. Горьковая выступила с докладом на тему «Личностный потенциал делинквентных подростков мужского пола с гипертимной, шизоидной и эпилептоидной акцентуациями характера», в котором представила результаты обширного многолетнего эмпирического исследования личностного потенциала подростков-делинквентов с различными акцентуациями характера. На примере подростков с устойчивым противоправным поведением она показала, что ресурсной стороной личностного потенциала подростков-делинквентов является высокая жизнестойкость, дефицитарной – неадаптивные копинг-стратегии, неадекватная самооценка, неадаптивные копинг-стратегии и низкая самооценка счастья. Ирина Алексеевна поделилась выводами о том, что наиболее уязвимой группой подростков-делинквентов являются подростки с шизоидной акцентуацией, потому как для них характерны низкие показатели отраженной и перспективной самооценки, а также предпочтение неадаптивных копинг-стратегий когнитивного плана. Полученные результаты, по мнению докладчика, указывают на необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению личностного становления делинквентных подростков, учитывающего особенности личностного потенциала подростков с различными акцентуациями характера.

Доктор юридических наук Ч. А. Кадырова в своем выступлении на тему «Юридико-психологические аспекты похищения невест в современном Кыргызстане» изложила актуальную с учетом национальных особенностей, но необычную для российского общества проблематику «похищение невест», чем вызвала особый интерес у аудитории. Чолпон Айзабековна указала, что практика похищения девушки в целях принуждения ее к браку имеется на территории Кыргызской Республики, а ее уголовно-правовая регламентация указывает на распространенность и общественную опасность данного деяния, необходимость обеспечения правовой защиты, прежде всего, прав

и свобод женщин. Смежным составом преступления в российской правовой системе является состав преступления статьи 126 «Похищение человека» УК РФ. В заключение автор в доступной форме описала отличительные юридико-психологические аспекты состава преступления «Похищение невесты».

Доктор психологических наук О. А. Ульянина в докладе на тему «Психологическая помощь семьям участников СВО» охарактеризовала психологические и социальные проблемы, с которыми сталкивается каждая семья, чьи сыновья, братья и отцы служат в условиях проведения специальной военной операции. Ольга Александровна рассказала об опыте работы Федерального координационного центра по оказанию экстренной и кризисной психологической помощи в очном и дистанционном форматах в рамках реализации программы психолого-педагогического сопровождения обучающихся, находящихся в трудной жизненной ситуации «Я в мире и мир во мне». Особое внимание она уделила дистанционной психологической помощи как важному, действенному, доступному и недооцененному инструменту профилактики кризисных состояний у взрослых и детей.

Специалист в области информационной безопасности Е. В. Ершов предложил аудитории рассмотреть актуальную для правоохранительных органов проблему обеспечения информационно-психологической безопасности личности сотрудника силовых структур, их подверженности информационно-психологическому воздействию в условиях ведения гибридных войн и выступил с докладом на тему «Информационно-психологическая безопасность сотрудника силовых структур в условиях гибридных войн». Евгений Владимирович указал, что «в условиях гибридных войн информация считается стратегическим национальным ресурсом, одним из основных богатств страны. Но одновременно с этим возрастает и потенциальная уязвимость общественных процессов перед информационно-психологическим воздействием, являющимся основным орудием войны... Целью такого воздействия является сдвиг в ценностях, жизненных позициях, установках, ориентирах, мировоззрении личности». В заключение докладчик сделал вывод о том, что в настоящее время различными силовыми ведомствами используется значительное количество разрозненных методик и способов противостояния информационно-психологическим угрозам, однако отсутствует разработанная программа противодействия деструктивному влиянию негативных факторов на личность сотрудника в условиях ведения гибридной войны. Автором предложена программа реализации комплекса мероприятий обеспечения информационно-психологической безопасности личности

сотрудника и повышения его информационно-психологической устойчивости в ходе морально-психологического обеспечения служебной деятельности.

Профессор А. Г. Караяни выступил с докладом на тему «Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к служебно-боевой деятельности в условиях применения противником БПЛА и цифровых средств слежения» и представил результаты анализа психологических последствий широкого применения противником беспилотных летательных аппаратов и цифровых средств слежения. «В многочисленных видеороликах, демонстрируемых в СМИ и социальных медиа, показано, как БПЛА охотятся даже за единичными солдатами и атакуют их с помощью гранат или наводят на них огонь артиллерии... Беседы с участниками специальной военной операции свидетельствуют, что особенно в период адаптации к боевым условиям жизнедеятельности у них возникало своеобразное ощущение "витринности" – абсолютной доступности для наблюдения и возможности воздействия со стороны противника, ...опасность которого состоит в том, что оно, во-первых, может вести к идеализации противника, во-вторых, порождает у военнослужащего (сотрудника) постоянно аккумулирующуюся тревогу, в-третьих, создает затруднения в организации полноценного отдыха, отправлении естественных надобностей, в-четвертых, может вести к снижению боевой активности отдельных военнослужащих (сотрудников)». Для того чтобы у военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов не проявились новые психологические проблемы и фобии в условиях специальной военной операции, Александр Григорьевич предложил применять разработанную им программу специальной превентивно-адаптивной (предвосхищающей) психологической подготовки и описал ее основные элементы.

Доцент Д. С. Безносков в выступлении на тему «Соотношение понятий правовые отношения и правовые нормы в юридической психологии» представил результаты проведенного анализа соотношения таких правовых явлений, как «правовые отношения» и «правовые нормы», раскрыл их взаимосвязи с психикой человека. Дмитрий Сергеевич обратил внимание аудитории на то, что помимо объективного существования данных правовых явлений происходит их психическое отражение каждым человеком. Для понимания такой взаимосвязи в научный оборот введено понятие «правовое сознание». Использование данного научного конструкта позволяет раскрыть особенности усвоения человеком норм права и руководство ими в регулировании поведения в области правоотношений.

Кандидат психологических наук О. В. Малыгина в докладе на тему «К вопросу о профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел», раскрывая организационные и правовые особенности профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел, представила результаты собственного исследования изучения мотивов и ценностных ориентаций слушателей, пребывающих в ВИПК МВД России на повышение квалификации. Оценивая процедуру действующей системы профессионального психологического отбора в системе МВД России и значимость полученных эмпирических данных Ольга Валериевна пришла к выводу о том, что на современном этапе система профессионального психологического отбора отвечает запросам МВД России и имеет достаточную правовую регламентацию различного уровня, однако требует постоянного совершенствования в организационном и техническом плане.

Кандидат психологических наук Н. В. Мешкова выступила с докладом на тему «К вопросу о связи личностных характеристик и антисоциальной креативности в разных социально-политических условиях» и представила результаты собственного пилотажного исследования связей антисоциальной креативности, толерантности и моральной идентичности в рамках изучения и профилактики террористических и криминальных деяний. В ходе исследования Натальей Владимировной были получены значимые результаты, свидетельствующие о наличии отрицательной связи между этнической толерантностью и антисоциальной креативностью. Автор указала, что в разных социально-политических условиях эта связь может усиливаться или ослабляться. Данные знания могут быть использованы в области правоохранительной деятельности в целях профилактики преступлений и административных правонарушений.

Профессор А. В. Сидоренков в своем выступлении на тему «Роль идентификации и коммуникативности в гражданском поведении сотрудников ФСИН» представил результаты эмпирического исследования, проведенного на основе авторской модели идентичностей, «типологии гражданских поведений» и специально созданного инструментария. Отличительными особенностями доклада Андрея Владимировича стали подробное описание авторского подхода, высокий уровень обоснованности сделанных выводов, детализация в описании процедуры исследования и используемых методик. Данный подход в изложении представляет собой классический вариант описания научного исследования, который может быть взят за основу другими авторами или докладчиками.

Кандидат психологических наук О. Ю. Шипитко в докладе на тему «Взаимосвязь ассертивности и типов межличностного конфликта войск разведывательных подразделений» представила теоретический обзор отечественных и зарубежных исследований по проблеме взаимосвязи ассертивности и конфликтности в воинских подразделениях, методологию, а также результаты собственного эмпирического исследования изучаемых феноменов. Исследование показало наличие связи между ассертивностью и типами межличностного конфликта военнослужащих разведывательных подразделений, респонденты с разным стажем служебной деятельности по разному инициируют возникновение деятельно-ориентированного и субъектно-ориентированного конфликтов в коллективе. Олеся Юрьевна предложила практические рекомендации психологам по морально-психологическому сопровождению личного состава в целях эффективного выполнения ими служебных задач. Данные рекомендации заключаются в необходимости детального планирования морально-психологического сопровождения воинских коллективов на основе учета индивидуальных особенностей каждого коллектива и учета динамики взаимодействия в малой группе.

Во второй день конференции на базе Санкт-Петербургского суворовского военного училища МВД России был проведен круглый стол для психологов ведомственных общеобразовательных организаций по теме «Психологическое обеспечение допрофессиональной подготовки в правоохранительных органах: вызовы и инновационные решения» (ведущий – Шаповал Валентин Анатольевич, профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат медицинских наук, доцент).

На базе Санкт-Петербургского университета МВД России прошли мастер-классы:

«Многомерный профессионально-психологический личностный тест и групповой профиль – Универсал» (ведущий – Сидоренков Андрей Владимирович, профессор кафедры психологии управления и юридической психологии Южного федерального университета, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации);

«Практические аспекты обеспечения информационно-психологической безопасности» (ведущий – Ершов Евгений Владимирович, начальник группы по работе с личным составом Управления специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе);

«Метод серийных рисунков и рассказов. Метод когнитивно-метафорической реструктуризации травматического опыта» (ведущие – Добряков Игорь Валерьевич, старший научный сотрудник научно-организационного отделения Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В. М. Бехтерева Минздрава России, психиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, доцент; Федосеева Евгения Михайловна, психолог Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Кризисный центр помощи женщинам»);

«Применение технологии айтрекинга в деятельности органов внутренних дел: основные направления и научно-методические задачи» (ведущий – Злоказов Кирилл Витальевич, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент);

«Тревога: способы преодоления» (ведущая – Мейер Юлия Александровна, старший психолог группы психологического обеспечения отдела воспитательной и социальной работы с личным составом Университета ФСИН России);

«Арт-терапевтические техники в работе с негативными эмоциями и переживаниями» (ведущая – Белевич Наталия Александровна, психолог ГБДОУ «Детский сад № 7» Московского района г. Санкт-Петербурга, кандидат психологических наук).

Круглый стол и мастер-классы носили прикладной характер и были ориентированы на обмен опытом между ведущими учеными, специалистами в области психологии и аудиторий. Такая форма организации конференции привлекла значительное количество участников и способствовала открытому диалогу по наиболее значимым и чувствительным вопросам в области юридической психологии и психологии безопасности.

В завершение конференции были подведены ее итоги начальником научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России кандидатом психологических наук, доцентом, полковником полиции К. В. Злоказовым и заместителем начальника учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, кандидатом педагогических наук, доцентом, полковником полиции А. А. Рожковым.

Важным итогом конференции стало укрепление взаимодействия между Санкт-Петербургским университетом МВД России, международными и ведомственными образовательными организациями Российской Федерации в рамках реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом», определены направления и способы совершенствования психологической работы в правоохранительных органах.

Список литературы

- Александрова, О. В., Енгальчев, В. Ф. (2023). Подходы к оценке достоверности показаний и их практическое применение в Германии. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 31–34). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Горьковая, И. А., Микляева, А. В. (2023). Личностный потенциал делинквентных подростков мужского пола с гипертимной, шизоидной и эпилептоидной акцентуациями характера. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 223–228). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Добряков, И. В., Федосеева Е. М. (2023) Современные формы девиантного поведения, связанные с информационно-коммуникационной революцией. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 262–266). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Ершов, Е. В., Курдюкова, В. Ю. (2023). Информационно-психологическая безопасность сотрудника силовых структур в условиях гибридных войн. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 300–307). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Караяни, А. Г. (2023). Психологическая подготовка военнослужащих (сотрудников) к служебно-боевой деятельности в условиях применения противником БПЛА и цифровых средств слежения. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 368–373). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Малыгина, О. В. (2023). К вопросу о профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 485–491). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Мейер, Ю. А., Александров, Б. В., Шибаева, Г. Е. (2023). Использование схема-терапии для выявления факторов риска профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 520–523). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Мешкова, Н. В. (2023). К вопросу о связи личностных характеристик и антисоциальной креативности в разных социально-политических условиях. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 530–534). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Пастушеня, А. Н. (2023). Основные направления и задачи психологического обеспечения правоохранительной деятельности: В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 616–622). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Шипитко, О. Ю., Кузьмина, А. Б. (2023). Взаимосвязь ассертивности и типов межличностного конфликта войск разведывательных подразделений. В *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии*: материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения – 2023) (стр. 861–866). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.

References

- Aleksandrova, O. V., Engalychev, V. F. (2023). Podhody k ocenke dostovernosti pokazanij i ih prakticheskoe primenenie v Germanii. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023) (str. 31–34). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

- Gor'kovaya, I. A., Miklyaeva, A. V. (2023). Lichnostnyj potencial delinkventnyh podrostkov muzhskogo pola s giperimnoj, shizoidnoj i epilepoidnoj akcentuacijami haraktera. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 223–228). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Dobryakov, I. V., Fedoseeva E. M. (2023) Sovremennye formy deviantnogo povedeniya, svyazannye s informacionno-kommunikacionnoj revolyuciej. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 262–266). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Ershov, E. V., Kurdyukova, V. Yu. (2023). Informacionno-psihologicheskaya bezopasnost' sotrudnika silovyh struktur v usloviyah gibridnyh vojn. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 300–307). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Karayani, A. G. (2023). Psihologicheskaya podgotovka voennosluzhashchih (sotrudnikov) k sluzhebno-boevoj deyatel'nosti v usloviyah primeneniya protivnikom BPLA i cifrovyyh sredstv slezheniya. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 368–373). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Malygina, O. V. (2023). K voprosu o professional'nom psihologicheskom otbore kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennih del. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 485–491). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Mejer, Yu. A., Aleksandrov, B. V., Shibaeva, G. E. (2023). Ispol'zovanie skhema-terapii dlya vyyavleniya faktorov riska professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 520–523). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Meshkova, N. V. (2023). K voprosu o svyazi lichnostnyh harakteristik i antisocial'noj kreativnosti v raznyh social'no-politicheskikh usloviyah. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 530–534). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Pastushenya, A. N. (2023). Osnovnye napravleniya i zadachi psihologicheskogo obespecheniya pravoohranitel'noj deyatel'nosti: V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 616–622). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Shipit'ko, O. Yu., Kuz'mina, A. B. (2023). Vzaimosvyaz' assertivnosti i tipov mezhlichnostnogo konflikta vojsk razvedyvatel'nyh podrazdelenij. V *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Vasil'evskie chteniya – 2023)* (str. 861–866). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

Информация об авторе:

Антон Алексеевич Рожков – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 20.06.2023

Одобрена после рецензирования 10.07.2023

Опубликована 28.07.2023

About the author:

Anton A. Rozhkov – Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Educational and Scientific Complex for the Study of the Problems of Personnel Work and Moral and Psychological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg University of the MIA of Russia.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted June 20, 2023

Approved after reviewing July 10, 2023

Accepted July 28, 2023